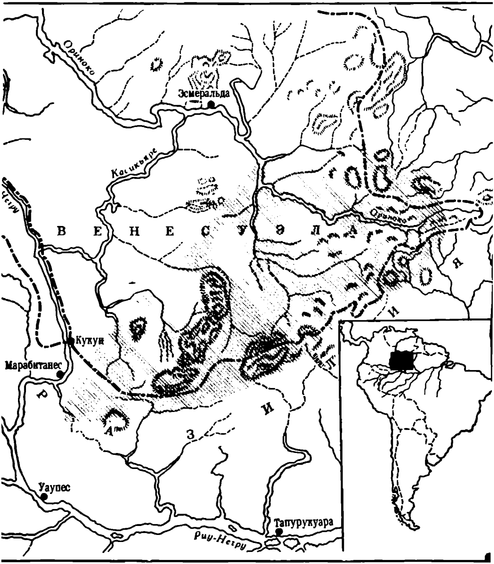
ЯНОАМА

ЭТТОРЕ БИОККА

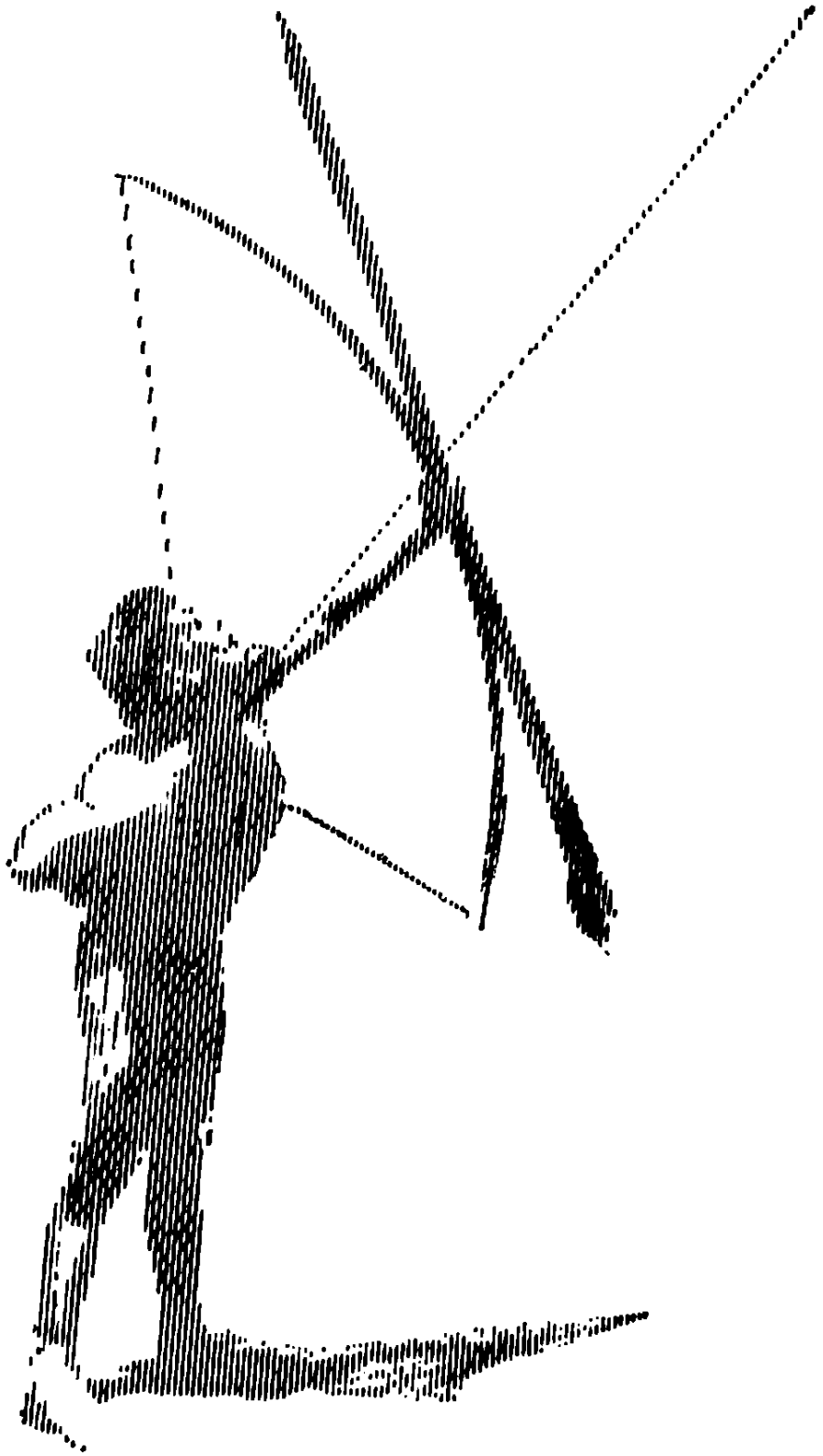
ИЗДАТЕЛЬСТВО
· МЫСЛЬ ·
МОСКВА
1972

<


Ориноко
Эсмеральда
Касикьяре
В Е Н Е С У Э Л А
Ориноко
Я
И
Кукуи
Марабитанес
Р
А
З
И
Уаупес
Тапурукуара
Риу-Негру

ЭТТОРЕ
БИОККА

ЯНОАМА



них была семья яноама, объединявшая группу племен, родственных по происхождению, культуре и языку, насчитывающая в настоящее время около 15 тыс. человек. К этой группе принадлежат два крупных племени — ширияна и вайка — и множество мелких и мельчайших племен, таких, как саматари, собственно яноама, намоетери, караветари, арамамисетери, пунабуетери, хасубуетери и другие. Лишь небольшая часть их упоминается в воспоминаниях Елены Валеро. Все эти племена живут, как уже было сказано, на севере Бразилии и юге Венесуэлы, в основном в области, ограниченной на западе и юго-западе рекой Риу-Негру, на востоке — рекой Риу-Бранку, на севере — течением реки Урарикуэра и горным хребтом Парима. Это район тропических лесов, гор, хотя и не особенно высоких, многочисленных рек и ручьев.

Испанские и португальские завоеватели — конкистадоры — издавна стремились в эти места, потому что именно здесь, согласно одному из преданий, находилась легендарная золотая страна Эльдорадо, на поиски которой европейцев гнала жажда быстрого обогащения. Но европейцы плавали главным образом по большим рекам. Им по большей части не удавалось проникнуть в глубь девственных лесов, где, почти не имея контактов с пришлым населением, продолжали жить племена яноама. Благодаря удаленности района их обитания от основных путей европейской колонизации Южной Америки яноама не постигла судьба многих их собратьев — индейских племен, уничтоженных в ходе колонизации.

С XVI по XX в. численность коренного населения Амазонки уменьшилась по меньшей мере в десять — пятнадцать раз, десятки племен исчезли с лица земли, но яноама пока что не разделили эту печальную участь, хотя их численность тоже сокращается по причинам, о которых мы скажем немного ниже.

Живя в значительной изоляции от остального мира, яноама лишь сравнительно недавно стали объектом научного изучения. Видный немецкий этнограф Теодор Кох-Грюнберг побывал у одной из групп этих индейцев, живущей в бассейне реки Урарикуэра, в начале XX в., вслед за ним в 20—30-х годах нашего столетия с отдельными племенами группы яноама встречались такие географы, как Гамильтон Райс, Дональд Холдридж и некоторые другие. Однако до 50-х годов XX в. сведения об этих индейцах были настолько отрывочны, что даже понятие «группа племен яноама» еще не появилось в научной литературе.

Вот как начинается статья об индейцах интересующего нас района, принадлежащая перу крупнейшего этнографа Альф-

реда Метро и опубликованная в 1948 г. в сводной работе об индейцах тропических лесов Южной Америки: «В верховьях Ориноко и по берегам реки Урарикуэра простираются обширные неисследованные районы, по которым бродят многие группы лесных кочевников. Их малоизвестные общины окружены тайной и легендами». И затем на четырех страницах сообщаются более чем отрывочные сведения о шириана, вайка, гуахарибо, сведения, изобилующие такими оговорками, как «говорят, что», «может быть» и т. п.

Лишь около двадцати лет назад трудами прежде всего западногерманского этнографа Ганса Бехера, а также Отто Церриса, Мейнарда Шустера и автора этой книги Этторе Биокка началось развернутое изучение племен района, и тогда стало известно, что шириана, вайка, гуахарибо и другие — все они принадлежат к одной языковой и культурной общности яноама и являются остатками древнейшего населения тропических лесов Южной Америки. Ученым удалось завоевать доверие некоторых, но пока еще далеко не всех племен яноама, познакомиться с их хозяйством, материальной культурой, верованиями, приемами врачевания, отношениями отдельных племен друг с другом.

Выяснилось, что племена яноама образуют два крупных враждующих друг с другом блока. Один из них возглавляется вайка, другой — шириана. Мелкие племена находятся в зависимости от крупных и платят им дань. Таким образом, перед нами, очевидно, не классический первобытнообщинный строй, а эпоха его разложения, всюду на земном шаре характеризовавшаяся образованием союзов племен и войнами между ними, которые ведутся за лучшие охотничьи угодья, рощи плодовых деревьев, с целью кровной мести за убитых сородичей и для похищения женщин, получающего в эту эпоху широкое распространение.

Межплеменные конфликты усиливаются и тем, что в результате освоения бразильцами и венесуэльцами территорий, окружающих область обитания яноама, эти индейцы лишены возможности свободно расселяться, обживать новые земли. В современных условиях новые охотничьи и сельскохозяйственные угодья взамен истощенных иногда можно получить, лишь вытеснив какое-то другое племя. Поэтому нас не должно удивлять, что в воспоминаниях Елены Валеро так много места занимают военные столкновения. Они результат не какой-то искони присущей индейцам яноама воинственности, а следствие конкретных условий, в которых живут эти люди, уровня развития их общества.

Многие из описанных в книге обычаев индейцев связаны с их религиозными представлениями и кажутся им не дикими и отталкивающими, как их воспринимаем мы, а естественными и рациональными. Таков, например, обычай сжигания умерших родственников и друзей с последующим поеданием на своеобразных поминках золы от их костей.

Яноама верят, что после смерти души умерших отправляются на луну, где живут в большом общинном жилище — малоке, окруженном плантациями маниоки, бананов и лесами, изобилующими дичью. Но в этот индейский рай попадают только те, чьи тела или хотя бы головы были сожжены после смерти. Души же людей, кто не был сожжен, обречены вечно скитаться в пространстве между землей и небом, терпя всевозможные лишения и нигде не находя покоя. Те же, кто съел пепел от костей храбрых воинов, наследуют их качества.

Смертность среди яноама очень велика в результате войн, эпидемий заразных болезней, заносимых отдельными белыми, проникающими в этот район для сбора каучука и по другим причинам. Так что обряды, связанные с заботой об умерших и передачей их лучших качеств живым, занимают немалое место в жизни яноама, и это нашло свое отражение в книге.

Другой характерной особенностью яноама, также связанной с их религиозными воззрениями, является широкое употребление этими индейцами наркотических средств, так называемых галлюциногенов. Исследователи, специально изучавшие распространение наркотиков у различных племен Южной Америки, полагают, что никем они не используются так много и часто, как их употребляют яноама. Эти люди вызывают у себя галлюцинации, чтобы прорицать будущее, общаться с мифическими духами — хозяевами животных и растений, лечить болезни, обнаруживать скрывающихся врагов и т. д.

Специалистам-фармакологам удалось узнать, из каких растений и как приготовляют яноама свои наркотические снадобья, но почему именно они так пристрастились к ним, остается пока непонятным.

Неясны еще и многие другие стороны жизни яноама. Мы не можем даже точно сказать, что собой представляют мелкие племена, входящие в их состав. Во всех ли случаях это отдельные племена или подразделения крупных племен или, может быть, родовые или большесемейные общины. За годы жизни среди яноама Елена Валеро много видела, и, хотя она и не все понимала в той необычной жизни, которая развертывалась перед ее глазами и в которой она сама участвовала, ее воспоминания — это не просто увлекательная повесть, инте-

ресная многим, но и ценный этнографический документ для специалистов, помогающий лучше познать жизнь, может быть, наименее изученных индейцев Южной Америки.

Интересно в книге и другое: то, как воспринимает мир капитализма, господствующий в Бразилии и Венесуэле, человек, с детских лет оказавшийся среди людей, еще не достигших порога классового общества и живущих первобытнообщинным строем.

Когда Елена Валеро с детьми возвращалась в мир белых, она была полна радостных ожиданий, но они не оправдались, и не случайно последняя глава книги называется «Плохой мир белых». В этом мире Елена Валеро с детьми сразу же оказалась безработной. В газетах писали, что правительство поможет ей, даст отдельный дом, дети смогут учиться бесплатно на государственный счет и т. п. Но все это было ложью. На самом же деле местные власти заявили Елене: «Мы никому не в состоянии помогать. А ты поищи работу... Если не найдешь, возвращайся с детьми в лес». И Елена стала искать работу. Она поступила служанкой в семью американского миссионера и получала так мало денег, что их «хватало лишь на то, чтобы купить мыло, маниоковую муку, малость рису и сахару». А старший сын помогал на рынке грузчикам, за что ему давали две-три рыбы в день. Иные дни семья Елены Валеро просто голодала. Лишь спустя два года ей удалось пристроить своего среднего сына Мануэля в церковную школу. «Я думала, что у белых все по-другому»,— заключает Елена Валеро свои воспоминания.

И нам кажется, что дети этой женщины, чья жизнь протекала в двух мирах, может быть, были бы счастливее, если бы они остались среди индейцев. С тех пор, как Елена Валеро покинула яноама, и до сих пор в их жизни еще не произошло коренных перемен, но поселения бразильцев и венесуэльцев все более тесным кольцом окружают леса, в которых живут эти индейцы. Бразилия и Венесуэла спорят о том, кому из них должен принадлежать район расселения яноама. В прошлом году президент Бразилии подписал декрет об организации Национального парка яноама, т. е. заповедника для животных и резервации для людей. Но в бразильской печати откровенно писалось, что этот парк основан не для закрепления за индейцами их исконных земель, а прежде всего для закрепления за Бразилией района, оспариваемого Венесуэлой.

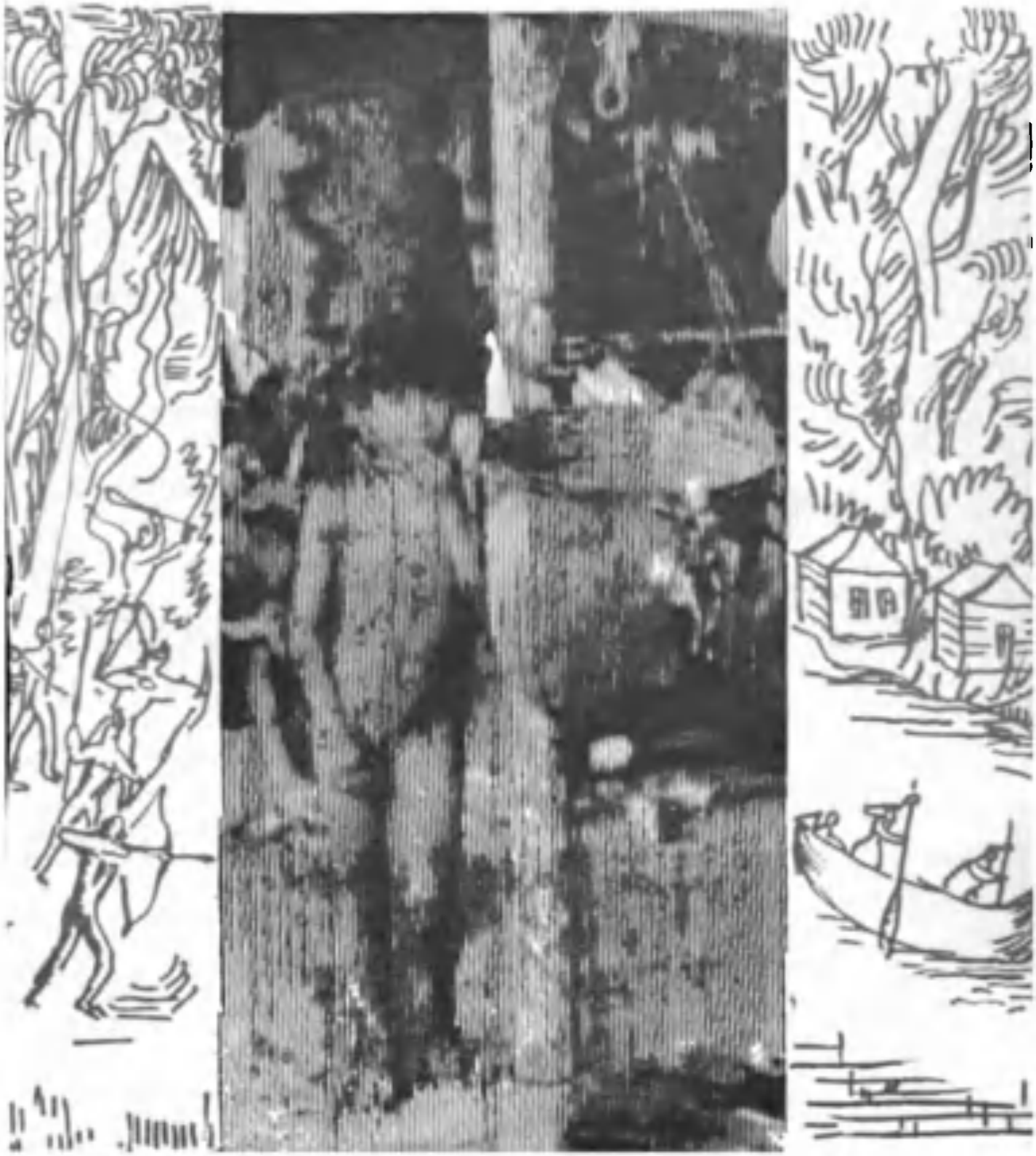
Лишь будущее покажет, какое влияние на жизнь индейцев окажет основание Национального парка яноама. Нам же остается лишь надеяться, что не оправдаются мрачные прогнозы

некоторых бразильских этнографов, опасающихся, что уже к концу XX столетия индейское население Амазонки и его своеобразная культура полностью исчезнут с лица земли.

Но очень вероятно, что книга Этторе Биокка не только первое, но и последнее популярное произведение, рисующее жизнь яноама до начала постоянных контактов с капиталистическим обществом. Хочется думать, что вы прочтете эту правдивую повесть с таким же интересом, с каким прочел ее я.

Л. Файнберг

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



НА РИО-ДИМИТИ

Девочкой я училась в миссионерской школе в Таракуа. Однажды отец получил от директора школы письмо с просьбой забрать меня из школы — эти школы открыты для детей индейцев, а не для «цивилизованных» [1]*. Отец сильно опечалился, но что ему было делать. Он отвез меня домой в селение Марабитанас на берегу Риу-Негру. Прошел примерно год. Потом мы спустились вниз по Риу-Негру до Санта-Исабель и в тамошнем лесу целый месяц собирали дикие орехи. А когда вернулись, умерла моя старшая сестра.

В 1937 году к нам приехал брат моей матери со всей семьей. Они пять лет прожили на берегу Рио-Димити. Построили там два домика, выжгли лес и стали возделывать маниоку на трех роса [2]. И вот теперь они решили перебраться в другое место, и брат матери предложил нам купить оба домика и землю. Дома были хорошие, с дверьми и окнами.

Отец за три дня выдолбил большую лодку, мы погрузили в нее саженцы маниоки и весь наш немудреный скарб и рано утром тронулись в путь. Всего нас было в лодке пять человек: отец с матерью, я и двое моих братьев — семилетний Луис и годовалый Анисио! Мне самой тогда было лет одиннадцать-двенадцать. Мы спустились по Риу-Негру и очень скоро добрались до устья реки Димити. Целый день мы плыли вверх по небольшой протоке в лесу, называемой игарапе [3]. Отец с матерью гребли, а мы грелись на солнышке.

На Димити почти у каждого холмика и даже дерева было свое название. Я отлично помню, что в одном месте над речкой повис ствол высохшего дерева и все охотники называли его старым паже [4]. Каждый, кто переходил здесь через реку, должен был оставить на дереве несколько бананов и бейжу [5], приговаривая при этом: «Паже, не дай начаться дождю. Пусть, пока я тут охочусь, светит солнце. И тогда я на обратном пути подарю тебе лапу убитого мною зверя». Мать положила на мертвый ствол кусок бейжу, и мы поплыли дальше. Отец по-

---

* См. комментарии ответственного редактора в конце книги.

том не раз рассказывал мне об этом путешествии, и я запомнила все до мельчайших подробностей.

Вечером мы увидели охотничью хижину и переночевали в ней. Утром снова поплыли вверх по реке. Солнце уже стояло высоко в небе, когда отец сказал: «Чувствую запах дыма». Белый дым стлался над самой водой. Мать ответила: «Может, какой-нибудь охотник коптит мясо в пустом доме брата». «Нет, наверное, это жители Манадоно решили поохотиться тут перед праздником»,— возразил ей отец.

Манадоно — небольшое селение неподалеку от моего родного Марабитанаса, и его жители славятся своими охотниками. Наконец мы причалили к берегу. И здесь пахло дымом. Оба домика брата стояли в лесу. Отец взял мачете и сказал: «Пойду посмотрю, что там делается». Он подошел к домикам, но там все было тихо.

Мать сошла на берег, а я уселась на корме лодки. Вдруг мы увидели, что отец бежит к нам, зажав в окровавленной руке мачете. Его ранило в руку отравленной стрелой, но он сумел тут же ее вытащить.

— Что случилось, Карлос? — испуганно спросила мать. Отец ничего не ответил: он не в силах был выговорить ни слова. С помощью матери он столкнул лодку в воду, и мы понеслись вниз по течению.

— Что с тобой, Карлос? — снова спросила мать.

Отец взял из куйи [6] горсть соли и посыпал ею рану.

— Брось все ростки маниоки в воду, и вещи тоже,— пробормотал он.— Индейцы ранили меня. Надо спасаться бегством.

Мать с плачем побросала в воду маниоку и все наши пожитки. Лодка стала легче и плыла куда быстрее.

Кругом все было тихо, отец с матерью гребли что есть мочи.

«Теперь индейцы нас не догонят»,— подумала я. Но они бежали за нами по берегу. Вдруг над моей головой просвистела одна стрела, потом вторая... «Ложитесь на дно»,— приказал отец. Я пригнулась, и в тот же миг стрела, прошив кожу живота, вонзилась мне в левое бедро. Я закричала, хотела разогнуться, но не смогла. Мать схватила стрелу, рывком вытащила ее и бросила в воду. Но наконечник стрелы сломался, и один осколок застрял в животе, другой — в бедре. Мать пальцами выковыряла осколок, неглубоко засевший в животе, а вот осколок в бедре вытащить никак не могла. Тогда она попыталась ухватить осколок зубами. Наконец ей это удалось, и она выплюнула осколок в воду.

Отец греб как одержимый. Мать бросила взгляд на берег и тихо сказала: «Вон они, индейцы». На прибрежных скалах сидели люди с луками и стрелами. У некоторых из них грудь и бритая голова были окрашены в красный цвет, у других — в черный. Течение несло нас прямо к скалам. Мать плакала и кричала на туканском наречии[7]: «Не убивайте нас». Отец тоже кричал: «Не стреляйте из луков, не надо. Мы ваши друзья». Но теперь стрелы летели в нас, словно туча. Одна угодила отцу в спину, другая — в руку. Всего в отца попало восемь стрел, но он сумел все их вырвать. Потом мы нырнули в реку. Голова у меня кружилась, и я не могла плыть, но мать поддерживала меня рукой. Наконец мы добрались до берега. Отец взял меня на руки и помчался в лес. Помню, что перед моими глазами все плыло, точно в тумане. Я слышала крики индейцев, гнавшихся за нами. И еще я помню, что сказала отцу: «Брось меня, я умираю».

Потом отец рассказал, что он положил меня на землю. Я приподнялась и тут же упала. Отец сломал несколько веток, чтобы потом отыскать это место, и, пошатываясь, побежал в глубь леса вместе с подоспевшим Луисом. Мать несла на руках Анисио и потому отстала от нас. В густом лесу она потеряла отца из виду. Они встретились лишь спустя два дня и кое-как добрались до Марабитанаса. Отец вернулся в лес вместе с солдатами, чтобы отыскать меня. Но солдаты не решились углубиться далеко в лес, не то бы они меня непременно нашли.

ПЛЕННИЦА КОХОРОШИВЕТАРИ

Очнулась я ночью. Я лежала у костра, старик с седой бородкой пел песню колдуна. Вокруг костра сидели голые индейцы. У всех мужчин макушка была выбрита. И мужчины и женщины жевали табак, засунув огромную горсть между зубами и нижней губой, отчего она сильно оттопыривалась. Мне стало страшно. Возле меня сидела женщина, похожая на мою мать. Я посмотрела на нее и заплакала. Женщина встала, взяла куйю с водой и протянула мне. Она решила, что я хочу пить. Но я куйю не взяла и продолжала громко плакать. Тогда ко мне подошли несколько мужчин и что-то сказали на своем языке. Потом взяли стрелы и, чтобы напугать меня, воткнули их рядом в землю. Тут уж я зарыдала в голос. Подошла старуха и выразительно показала мне на стрелы, я страшно испугалась и умолкла.

Индейцы пробыли возле двух домиков моего дяди с месяц. Они построили свои маленькие хижины, которые на лингуа жераль [8] называются тапири, очень близко одна от другой и почти в круг. Я жила в отдельном тапири, рядом со старухой, сестрой вождя племени. У нее была дочка, которая жила вместе со своим мужем и с сыном. Он-то и построил старухе отдельную хижину. Мужчины что-то мне говорили, но я не понимала их языка. Ночью я никак не могла заснуть: болели раны от стрел. Дня через два мне стало получше, я выползла из хижины и пыталась убежать. Старуха заметила мое бегство, я спряталась неподалеку за деревом. Мужчины разожгли костер и сразу увидели меня. Они снова привели меня в хижину, но наказывать не стали. Старуха приносила мне бейжу, мед и куски мяса.

Лишь много месяцев спустя, когда я попала к индейцам племени караветари и научилась их языку, я узнала, как все было. Племена кохорошиветари, караветари и инамоветари объединились, чтобы напасть на белых. Но они немного опоздали. Когда они подошли к домику, где жил мой дядя, зола в очаге еще была теплой, но сам дядя вместе со всей семьей уже уплыл. В доме индейцы нашли типити — плетеную из волокон трубку, в которой отжимают маниоку,— и приготовили маниоковые лепешки. Поймав меня, несколько мужчин отправились на поиски отца, чтобы его убить. Они спустились вниз по Рио-Димити до Риу-Негру, но отца так и не нашли. Вернулись они через шесть дней и принесли с собой мед, туши маленьких кабанчиков и другую охотничью добычу.

Примерно через месяц мы отправились в большое селение кохорошиветари. Одиннадцать дней мы шли по лесу. Я еще не могла ходить, и женщины несли меня на спине, как и своих детей. Когда одна уставала, меня брала другая. Иногда они знаками велели мне слезть и идти самой, но я показывала им, что не могу. Я надеялась, что они оставят меня, но они упорно несли меня, пробираясь сквозь кусты.

В пути мужчины охотились на птиц и кабанов. Трогались мы в путь обычно рано утром и шли гуськом: мужчины впереди, женщины с детьми сзади, замыкали колонну снова мужчины. Если начинался дождь, все останавливались, прикрывались ветками и пережидали, пока дождь не утихнет. Но если мужчины почему-либо торопились, то мы шли безостановочно целый день. Когда темнело, все, наломав ветвей, принимались сооружать тапири — маленькие укрытия с крышей, прикрывавшей лишь одну его сторону. Если мяса больше не было, вождь около полудня говорил: «Сначала соорудим тапири, по-

том мужчины отправятся на охоту». Если же мясо еще оставалось, то на привале сначала готовился ужин, а уж после этого принимались за постройку хижин.

Когда кончались бейжу, ели одно мясо. Убитых животных коптили, не снимая шкуры, потом резали их на куски, и мясо долго кипятили со шкурой в огромном горшке из обожженной глины. Часто на поверхности плавала шкура. Иногда в бульон клали скорлупу орехов бакабе, вынув предварительно ядро. Когда ели мясо, шкуру отрывали. Если случалось убить обезьяну, то, опалив вначале шерсть и выпотрошив ее всю целиком, варили в котле. Старуха говорила мне, чтобы я ела, но я не могла кушать мясо вместе с волосами. Когда была возможность, индейцы ели мясо вместе с обжаренными бананами или с вареной кукурузой.

В пути я все время обламывала ветки в надежде, что сумею убежать и найти дорогу. Но индейцы шли не по тропинке, а напрямик через лес. Шли и шли. Затем несколько юношей взбирались на самые высокие деревья, с которых видны были холмы, среди которых находилось их селение. Один из юношей зубами откусывал ветку и бросал ее вниз — точно в том направлении, где виднелись холмы. Затем он спускался и первым трогался в путь, а все остальные шли за ним следом.

Вскоре кончилось мясо. Есть больше было нечего. Иногда кто-нибудь находил пчелиный мед. В доме дяди было много посуды: индейцы всю ее захватили с собой. Они клали в кувшины целые пчелиные соты. Когда не оставалось и меда, индейцы пили жижу из раздавленных пчел. Вкус у этого «сока» был лимонно-горький, а запах острый, неприятный. Старуха протягивала мне кувшин с этим соком и говорила: «Коари, коари» (пей, пей), но я не могла: меня от него тошнило. Потом мы наткнулись на пальмы инайя. Индейцы срубили пальмы и несколько дней подряд ели пальмиту — их сердцевину. Я пальмиту прежде никогда не пробовала — она тоже была горькой на вкус.

Вождя звали Охириве. Слово «охи» означает «быть голодным», но это я узнала много позже, потому что обычно индейцы не обращаются друг к другу по имени. Охириве заставлял нас взбираться на все холмы, которые встречались на пути, быть может, еще и с той целью, чтобы я не нашла обратной дороги. Через одиннадцать дней мы добрались до места, где воинов ждали их жены, успевшие соорудить тапири. Но до главного селения было еще далеко.

Потом мы сделали привал у игарапе, чтобы помыться. Старуха хотела выбрить мне макушку, а я плакала и не давалась.

Старуха показывала мне на бритую голову своей дочки, но я не переставала плакать. В конце концов старуха все-таки насильно выбрила макушку заостренным куском бамбуковой коры. Затем взяла красную краску уруку и разрисовала мне большими полосами спину, грудь, руки и ноги, а по лицу только мазнула «кисточкой». Все остальные женщины и мужчины тоже стали разрисовывать свое тело либо сами, либо с чужой помощью. Мужчины, которые уже успели раскрасить себя раньше, подойдя поближе к хижинам, закричали: «Пей хав, ав, ау, уа». А женщины из хижин отвечали им радостными воплями. Старуха объяснила мне потом, что воины долго не возвращались, и их жены, сестры и матери решили, что белые перебили всех до одного. Когда мы подошли к тапири, из них высыпало множество людей. Старики, старухи, женщины, дети окружили меня. Посмотрю влево — люди, посмотрю вправо — люди. Со страху я расплакалась. Я решила, что меня хотят убить и потом съесть. У многих стариков из ушей торчали зубы котии [9]. Я заплакала еще сильнее и громче. Старуха что-то сердито сказала женщинам, детям, и они ушли. И только разрисованные красной краской старики продолжали внимательно разглядывать меня.

В тот вечер много караветари пришли вместе с тремя десятками инамоветари к Охириве. Из их криков я поняла, что караветари хотели забрать меня, а Охириве не соглашался. Они спорили долго и яростно. Старуха, опекавшая меня, тоже что-то доказывала караветари. А они в ответ гневно потрясали стрелами. Вечером караветари ушли. Отныне они стали врагами.

На следующее утро двинулись в путь и мы. Нога у меня все еще болела, но я уже могла идти сама. Первую ночь мы провели в лесу, а наутро подошли к большому пустому жилищу и остановились около него на отдых. Вокруг был только лес, а холмы не были видны. Мужчины занялись приведением дома в порядок. Индейцы называют свои селения шапуно, а мы, иа Риу-Негру, называем такое индейское селение малокой [10].

Они перестелили крышу из листьев, сменили прогнившие опоры, очистили площадку. Дом был большой, почти круглый, с двумя входами. Однажды в селение пришли воины и привели с собой четырех крупных собак. Одну они дали Охириве, вторую — его сыну, третью — его шурину и четвертую — зятю. Они привели и белого голубоглазого мальчика, которого захватили в плен. Ему было лет десять. Я так и не узнала, откуда он. Я спросила у мальчика, но он мне не ответил. Кроме того,

индейцы украли у белых много всякой одежды. Мальчик не хотел ничего есть, и тогда его отдали мне, чтобы я его накормила. Он пришел, сел рядом, я дала ему сок бакабы, но он все плакал и не отвечал на мои вопросы. Потом он каждый день приходил ко мне, я давала ему вареные бананы и корни растения, похожего на картофель. Индейцы называют его ухина. На ночь воины уводили его к себе в хижину. Постепенно мальчуган стал разговорчивее. Он говорил по-португальски и рассказал мне, что индейцы дают ему на ужин корень горькой желтой лианы, которую они находят в лесу. Они выкапывают лиану, отрывают корень, нарезают его на куски и варят. Корень очень горький, но индейцы говорят, что он вкусный. Мальчик так и не захотел есть этот корень, а ел только мясо, когда оно было. Он все дни проводил со мной. Тогда индейцы сказали: «Мальчишка привык быть с этой белой. Когда он вырастет, то вместе с ней убежит по Большой реке». Однажды, когда мы ловили вместе со старухой рачков, они забрали мальчика. Больше его я не видела и ничего о нем не слыхала.

НАПАДЕНИЕ КАРАВЕТАРИ

Однажды в селение кохорошиветари пришел старик и предупредил, что скоро придут караветари и всех убьют. Женщины заплакали, запричитали. Одна из них ударила меня и крикнула: «Из-за нее нас всех перебьют». Я уже начала понимать их язык, мне стало страшно, я упала на землю и тоже заплакала.

Мужчины сразу принялись вкапывать огромные, метра в два, столбы, очень близко один от другого, чтобы стрелы не могли залететь в шапуно. Женщины врыли в углах короткие столбы, и теперь попасть стрелой в хижину можно было лишь с близкого расстояния.

Вождь велел на ночь выставить посты. А еще он послал пятерых воинов охранять главную тропу в селение. Двое — вдали от селения, двое — поближе и один — возле самого шапуно. Индейцы убеждены, что если послать больше пяти мужчин, то они непременно начнут смеяться, переговариваться между собой и враги их услышат. Еще двое воинов засели в засаде по краям селения. Вождь сказал им: «Услышите шум шагов, сразу же бегите в селение и поднимайте воинов».

Прошло несколько дней, а враги не появлялись. Тогда некоторые стали говорить: «Они не придут. Они нас боятся».

Как-то утром двое индейцев кохорошиветари отправились в лес собрать корни и кору для того, чтобы потом приготовить яд кураре. Издали они увидели воинов караветари, переходивших реку по висячему мосту. Караветари тоже заметили их и крикнули: «Думаете, мы зря в путь собрались. Нет, мы вернемся в свое селение, лишь когда всех ваших женщин в плен заберем».

В то утро дочь старухи, которая заботилась обо мне, решила сходить с другими женщинами в лес — собрать плодов пальмы бурити. Мать сказала ей: «Возьми с собой и белую». Тогда женщина дала мне своего сына, и мы отправились в лес. Помнится, я с малышом села отдохнуть, а его мать собирала плоды. Вдруг раздались крики: «Ваиукане, Ваиукане» (враги, враги). Я увидела женщин и девочек, пробежавших перед нами. Женщина схватила сына и толкнула меня в спину: «Бежим, бежим». Когда мы прибежали в селение, там почти никого не было — мужчины бросились навстречу врагам, а все женщины убежали в лес. В селении осталось лишь шесть мужчин и старуха, которая ждала нас.

Было примерно девять часов утра, солнце еще стояло низко. (Когда видно солнце, время определить нетрудно.) Дочь старухи отвязала мой гамак, я взяла корзинку с плодами бурити, взвалила ее на спину, и мы убежали из селения. Долго не могли нагнать остальных. Наконец, уже в лесу их догнали. Там были женщины, дети и старики, но ни одного молодого мужчины. Вскоре после того как мы сели отдохнуть, прибежал юноша и сказал: «Чего вы ждете! Бегите! Караветари уже совсем близко от селения, в том месте, где мы охотились на обезьян. У каждого из воинов полно стрел, и они грозят увести всех женщин. Мы снова побежали и бежали весь день. К вечеру мы остановились отдохнуть, и женщины сказали: «Мы очень далеко убежали, они сюда не доберутся». И все стали сооружать шалаш для ночлега.

Поздно ночью прибежали двое мужчин и сказали: «Убегайте. Караветари кричат, что они всех захватят в плен». Воины кохорошиветари не решились сразиться с индейцами караветари. Не приняв боя, они спасались бегством и присоединялись к нам, женщинам. Другие индейцы вели себя по-иному: когда враг приближался, они встречали его стрелами.

И вот посреди ночи, прихватив горящую головешку, мы бросились бежать дальше. Я не успевала за остальными, то и дело падала и снова с плачем поднималась. В ту пору я ела почти одни горькие корни и стала совсем худой и слабой. У меня часто болел живот, и по ночам я то и дело ходила к

ручью. Наконец мы остановились. Была темная ночь. Я легла на землю и сразу заснула. Проснулась оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Надо мной стояла старуха. «Вставай, вставай»,— говорила она. Трое юношей громко рассказывали: «Караветари уже на том месте, где вы хотели остановиться на ночь и начали строить шалаш. Они ранили одного из наших воинов в плечо, а другого в ногу». Женщины громко зарыдали, решив, что эти двое умерли от ран.

«Куда же нам теперь идти?» — горько причитали они. Старейшина племени велел трем юношам провести женщин и детей к большим скалам — они там прежде охотились. Но один из юношей говорил: «Надо идти вот туда», а другой — «Нет туда», и мы всю ночь проблуждали в кромешной тьме. Наконец дочь старухи положила на землю головешку и сказала: «Садись», дала мне ребенка и отправилась собирать сучья. Я мгновенно уснула. Заря едва занималась, когда меня снова разбудили. Над нами высились скалы, было очень холодно.

Прибежали двое мужчин — один из них нес на руках ребенка. «Уходите еще дальше,— сказали они.— Караветари совсем близко, и мы слышали, как они кричали: «Глупые женщины! Глупые женщины! Куда вы убегаете от нас, спотыкаясь о камни. Мы все равно вас настигнем».

Тут старуха сказала мне: «Я спущусь вниз к моим сыновьям, ведь им грозит смерть. А ты иди с моей дочерью. Взберетесь на вершину горы, и тогда вы спасены. Так высоко караветари не поднимутся. А я возвращаюсь к своим сыновьям».

Больше я эту старуху никогда не встречала.

Мы и так уже поднялись очень высоко. Я посмотрела вниз и увидела наших врагов, разрисованных черной краской,— они гнались за нами. Трое мужчин, которые вывели нас к скалам, вместе с остальными мужчинами куда-то исчезли. Остались лишь мы, женщины, да дети. Мы пытались взобраться на скалы, но караветари были уже совсем близко. Они разбились на две группы: одна поднялась на вершину скал, другая преследовала нас снизу.

Тут одна из женщин стала громко кричать стоящим внизу воинам караветари: «За что вы нас преследуете? Разве мы убили ваших отцов? Всю ночь и весь день вы гонитесь за нами». Тогда караветари, которые уже взобрались на скалы прямо над нами, стали метать в нас стрелы. Несколько стрел упали совсем рядом. Один из малышей в страхе вскарабкался на дерево. Женщины закричали еще сильнее: «Караветари, убийцы!» В ответ раздался громкий голос: «Я возьму тебя в свою хижину, женщина. Твои вопли нас не испугают. Сама

виновата, что у тебя трусливый муж. Он побросал стрелы в очаг и убежал. Теперь я уведу тебя».

Караветари уже не раз уводили женщин кохорошиветари, но многие из них потом сумели убежать и вернуться в свое селение. Тем временем караветари продолжали кричать: «Женщины, ваши мужья жалкие трусы. Вы едите лесные коренья, мы — бананы и пупунье[11]». «Да, мы едим лесные плоды и корни растений, но мы же не просили у вас бананов»,— отвечали женщины.

Вдруг я увидела маленькую пещеру и быстро юркнула в нее. Вместе со мной спряталось еще несколько женщин. Но остальные не успели укрыться в пещере: караветари уже спускались сверху и взбирались на скалу снизу. Мужчины начали хватать женщин за руки и запястья, тащить их за собой. Женщины громко кричали. Одна из них сказала: «В пещере прячутся другие женщины».

Караветари сразу подошли к пещере и стали кричать: «Вылезайте, если не выйдете, начнем стрелять». Одна женщина сразу же вылезла. Другая не хотела выходить. Тогда караветари навели на нее луки. Она закричала: «Не надо, я сама выйду». Я пряталась в глубине пещеры, но кто-то из женщин сказал: «Там еще прячется белая». В пещеру влез один из мужчин и пригрозил мне луком: «Вылезай». Я вылезла и стала в ряд вместе с другими женщинами. Караветари схватили ребенка и спросили, мальчик это или девочка. «Девочка, девочка»,— заплакала мать. Тогда один из мужчин сказал: «Не трогайте ее. Девочек мы убивать не станем».

Мы начали спускаться вниз. Караветари крепко держали женщин за руки. Едва только лес поредел, они поставили нас в середину, чтобы мы не убежали, а сзади и спереди шли мужчины с луками и стрелами. Вдруг караветари увидели, что среди камней прячется женщина с тремя детьми. «Ах, ты пряталась от нас»,— сказали караветари и бросили в пропасть ее и троих детей. Но те, хоть и сильно ушиблись, все же остались живы. Тут одна из пленниц крикнула: «Она жена брата того кохорошиветари, который живет у вас в шапуно». И в самом деле, один из воинов кохорошиветари жил в селении племени караветари. Его звали Матахеве (мата означает «змея»). Он женился на женщине из племени караветари, и у него уже были взрослые дети. Со всех сторон приводили новых пленниц и ставили в ряд. А потом караветари убили много мальчиков, тех, что повзрослее. Женщины громко плакали.

Караветари стали кричать мужчинам кохорошиветари, прятавшимся в лесу и в расщелинах скал: «Подлые трусы, выхо-

дите на бой. Вы храбры, только когда враги далеко. А стоит нам приблизиться, и вы позорно бежите, бросив ваших жен». Так они кричали долго. Потом издалека донесся голос: «Вы, караветари, тоже трусы. Загнали в скалы беззащитных женщин и детей и там их изловили. Посмотрим, какие вы будете храбрые, когда на вас пойдут войной саматари. Тогда вы побежите, и быстрее наших женщин».

Караветари спокойно слушали. Один из воинов сказал: «Пусть еще покричит. Мы по голосу определим, где он прячется, пойдем и убьем его». Они по голосу узнали того, кто им отвечал: ведь прежде кохорошиветари и караветари были в дружбе.

«Амиана, эй, Амиана, подойди поближе»,— крикнули сразу несколько человек. Но Амиана ничего не ответил. Трое мужчин побежали в горы. Вскоре они вернулись и сказали, что разыскали Амиану — он прячется за скалой, выпустили в него много стрел, но не попали. Они принесли с собой лук Амианы.

Мы все стояли и ждали. Часов в одиннадцать утра, когда солнце уже стояло высоко в небе, пришел вождь караветари по имени Маниве. Он вместе с другими преследовал врагов. Маниве сказал: «Пора возвращаться. Мне не нужна ни одна из пленниц, все равно убежит. В последний раз почти все сумели убежать». В это время к нам подошел Матахеве, индеец кохорошиветари. Он увидел, что его невестка и ее сыновья все в крови. И он крикнул: «Кто ранил жену моего брата и моих племянников? Убивать надо мужчин, а не детей». Потом он стал очень громко звать своего брата, отца трех детей, которых бросили в пропасть. Тот отозвался издали и вскоре подошел к нам. Караветари молча смотрели на него и не трогали. Матахеве сказал ему: «Почему ты не подождал меня, а убежал вместе с другими?» «Но ты пришел с остальными караветари, чтобы убить моих сыновей»,— ответил ему брат. «Неправда, был бы я там, я бы не дал убивать детей».

Отец троих раненых малышей увидел, что неподалеку валяются трупы нескольких детей. Он заплакал и закричал: «Зачем вы их убили? Воюют взрослые, а не дети. Вы трусы».

Караветари хотели его убить за такие слова, но их вождь сказал: «Не трогайте его, уберите стрелы». А отец троих раненых детей продолжал кричать: «У детей не было стрел, и они не натягивали луков. Зачем вы их убили? Когда я иду на бой, то всегда говорю моим воинам: «Не убивайте детей, женщин и стариков». Воины караветари слушали молча и больше не хватались за луки.

Наконец Матахеве сказал брату: «Нам пора уходить. Хочешь жить с нами? Тебя никто не тронет. Во всем виноват Охириве, вождь кохорошиветари, он назвал нас трусами и обманщиками. Мы хотели убить его, а не тебя». Его брат ответил: «Нет, я останусь здесь и сожгу тела убитых».

Караветари ушли, не тронув ни его самого, ни его жену с тремя ранеными детьми.

Перед тем как снова двинуться в путь, воины караветари хриплым голосом прокричали: «Ау, ау, ау».

Это клич воинов, напавших на врага, и одновременно сигнал, возвещающий о том, что битва кончилась и пора возвращаться.

ПЛЕННИЦЫ И РЕВНИВЫЕ ЖЕНЫ

Все встали в ряд: мужчина — женщина, мужчина — женщина. На узкой тропе, где мы шли гуськом, мужчины отпустили наши руки, потому что убежать нам все равно было бы трудно. Пленниц было примерно пятьдесят, а женщин караветари — всего три.

Шли мы долго, пока не добрались до пальмовой рощи. Вождь сказал: «Мы голодны, а есть нечего. Пусть женщины соберут плоды бурити». Часть женщин вместе с мужчинами отправились в рощу, другие остались. Только они подошли к роще, как одна из женщин бросилась бежать. Когда караветари, который ее поймал в скалах, увидел, что беглянку уже не догнать, он пустил ей вслед стрелу с наконечником из обезьяньей кости. Стрела попала женщине в спину, и она упала на траву. Она наверняка умерла, потому что одному, без чужой помощи, невозможно вытащить такую стрелу с зазубренным наконечником. Караветари вернулись и сказали: «Одна женщина пыталась бежать, но мы ее ранили стрелой. Она лежит в роще, и там к ней придет смерть».

Мы снова тронулись в путь и шли безостановочно много часов подряд. Я устала и очень хотела есть. Наконец мы сделали привал в том месте, где прежде, когда убегали, соорудили тапири. Ко мне подошло несколько мужчин. «Кто взял ее в плен? С кем она останется?» — спросил один из них.

Девушка караветари, позже я узнала, что ее зовут Хохотами, ответила: «Ее поймал мой брат, она останется с нами». Потом Хохотами сказала своему младшему брату: «Дай ей свой гамак». Юноша уступил мне свой гамак, а сам лег на землю. Все мы, Хохотами, я, юноша и его брат, устроились

в одной хижине. Хохотами заговорила со мной — я к тому времени уже все понимала. Она сказала: «Нам еще далеко идти».

Тем временем мужчины поджарили на костре убитых обезьян. Они и мне дали кусок обезьяньего мяса.

С той поры Хохотами не расставалась со мной.

Рано утром мы снова отправились в путь. Поздно вечером мы подошли к мосту, через который переправились караветари, чтобы вступить в бой с кохорошиветари.

Река была широкой, но мы все перебрались на другой берег. Потом мужчины караветари разрушили мост, чтобы пленницы не могли удрать, а враги — внезапно атаковать их ночью. Хохотами подозвала меня и помогла мне повесить гамак. Ее младший брат лег прямо на землю. Старший брат и отец не стали делать хижину, а повесили гамаки на соседних деревьях.

Прошло совсем немного времени (только я успела заснуть), как вдруг рядом стали падать стрелы. Воины караветари вскочили и закричали: «Подлые кохорошиветари, днем вы с нами сразиться не решились. Только ночью у вас достало храбрости издалека посылать стрелы». Кохорошиветари с того берега видели огни и стреляли из луков по кострам. В людей они не попали. Караветари быстро погасили все костры.

Хохотами испугалась и сказала мне: «Давай спрячемся вон за тем большим деревом».

Под этим деревом мы пролежали до рассвета. Ночью ко мне бесшумно подошла одна из пленниц. «Я убегу, а ты оставайся с ними,— сказала она.— Может, тебе будет у них лучше. Ведь у тебя нет ни отца, ни матери. Меня они уже второй раз ловят, а я снова убегаю. А ты оставайся, они не одни только лесные коренья едят, но еще бананы и корни ухины».

Рано утром мы двинулись дальше, дорога была неблизкой. Караветари не шли напрямик через лес и не влезали на деревья, чтобы сориентироваться, а возвращались той же тропой, что и пришли. Несколько мужчин получили ранения, но никто не был убит. Одного ранило в плечо большой бамбуковой стрелой, похожей на копье. Второго воина ранило в пятку, третьего — в ногу, четвертого — в грудь. У этого воина из груди текла кровь и пена. Сам он идти не мог, и другие воины несли его на руках.

Некоторые из воинов говорили: «Хоть кохорошиветари и трусы, но они крадутся за нами. Когда мы уйдем далеко отсюда и решим, что опасность уже миновала, они нападут на

нас из засады. Ведь мы увели их женщин». Другие возражали: «Нет, они не преследуют нас, им надо сжечь трупы, и сейчас они ищут среди скал погибших воинов, женщин и детей».

Вождь сказал: «Конечно, они нападут. Может, вы думаете, что убили диких кабанчиков? Нет, вы убили сыновей яноама, а яноама очень любят своих детей. Они наверняка придут, они только и ждут, когда мы станем менее осторожными, чтобы напасть на нас врасплох».

Через пять дней пути мы подошли к большой расчистке в лесу. Трое воинов отправились, чтобы срубить пальму инайя. Вдруг прямо в ствол пальмы врезалась стрела. Трое воинов прибежали назад с криком: «Кохорошиветари, кохорошиветари!»

Все мужчины схватили стрелы и луки. Рядом упала вторая стрела. Вождь сказал: «Я не велел ходить в лес. Если б вас троих убили, никто бы вас потом даже не нашел». Он приказал семи воинам прикрывать сзади нашу колонну. Впереди шли несколько мужчин, а за ними пленница, потом мужчина и снова пленница и т. д. Я вместе с девушкой и с ее младшим братом шла впереди, сразу же за воинами.

По дороге несколько мужчин передумали и решили отказаться от своих пленниц. «Мне эта женщина не нужна, кто хочет взять ее себе?» Кто-нибудь говорил: «Отдай ее мне». Тогда воин, захвативший пленницу, передавал ее другому и потом уже шел в голове колонны вместе с теми, кто не захотел брать себе пленниц. Юноша, который захватил меня, сказал своей сестре: «Я отдам ее». «Нет,— ответила сестра,— эта белая останется с нами. А смотреть за ней я буду сама».

Наконец мы подошли к расчистке, которую прежде возделывали кохорошиветари. Воины нашли на заброшенном поле табачные листья и набили ими полные корзины. Потом мы снова тронулись в путь и вскоре увидели несколько тапири, где воинов караветари уже ждали жены и дети. Когда мы подошли совсем близко к хижинам, воины остановились и приказали пленницам: «А теперь все разрисуйте себя». Они дали пленницам красную краску уруку, и те разукрасили ею свое лицо и тело.

Многие воины раскрасили себя в черный цвет пеплом и золой. Я была еще девочкой, и меня красить не полагалось. Воины, которые убили хоть одного врага, тоже не стали красить свое тело. Они воткнули в мочки ушей две гладкие палочки, а две другие палочки привязали к запястьям,

Когда мы подошли к хижинам, из них выскочили женщины караветари и начали яростно кричать: «И не стыдно вам, женщины кохорошиветари! Ваших детей и мужей убили, а вы пришли сюда разукрашенные как на праздник».

Пленницы ничего не отвечали — покорно шли туда, куда их вели мужчины. Наконец вождь сказал: «Мы не для того привели пленниц, чтобы вы, женщины, с ними ссорились. Лучше покормите их, они проголодались в пути». Но женщины караветари не двигались с места и продолжали кричать и оскорблять пленниц.

Хохотами привела меня в хижину своей матери. «А это кто? Откуда она?» — спросила старуха. «Это Напаньума*,— ответила Хохотами,— та самая белая, которую наши воины захватили вместе с воинами кохорошиветари. Потом из-за нее вышел спор, и наши и кохорошиветари стали врагами. Она очень худая,— продолжала свой рассказ Хохотами,— и никто из наших мужчин не захотел взять ее себе. Я привела ее сюда, и теперь она останется с нами, да?»

Мать посмотрела на меня и сказала: «У нас много молодых мужчин не имеют жен. Эта белая останется со мной, и никто не посмеет потом ее забрать». И очень громко, чтобы все услышали, повторила: «У многих из вас, воины, нет жен. Скоро эта девочка станет женщиной, но я никому не дам забрать ее силой». Старуха взяла меня за руку и повела к своему гамаку. «А теперь отдыхай,— сказала она.— Путь был долгий, и ты, наверное, сильно устала».

Тем временем женщины караветари продолжали поносить пленниц, а те стали громко плакать. «Пришли веселые, раскрашенные,— кричали женщины караветари.— Радуетесь, что мужей нашли. Если бы наших детей убили, мы бы не веселились, а рыдали. А вы лица себе пораскрасили».

Пленницы молчали. В дороге некоторые из них плакали, но воины караветари очень сердились и грозили пленницам стрелами. «Плачете, чтобы ваши мужья услышали и вас освободили. Если не перестанете, убьем». Пленницы испугались и больше уже не плакали.

На следующее утро мы снова отправились в путь. Почти все мужчины ушли на охоту либо собирать пупунье. За пленницами присматривали одни только женщины караветари. Старуха сказала Хохотами и второй своей дочке, высокой и крепкой: «Идемте вперед, эти дуры будут кричать и ругаться

---

* Напаньума на языке яноама означает «белая», «чужеземка» — *Прим. авт.*

всю дорогу, не хочу слышать их вопли. В прошлый раз, когда воины захватили много пленниц, наши женщины не только кричали, но еще и избили несчастных палками. Поэтому многие из них потом убежали».

Мы подошли к реке. Мать Хохотами сказала: «Давайте наловим раков». Мы сделали привал и быстро наловили много больших раков. Когда солнце уже стояло высоко в небе, мы пошли дальше. Другие женщины вместе с пленницами к этому времени успели нас нагнать.

Вдруг я услышала сзади шорох и увидела, что в кустах прячутся два молодых воина кохорошиветари. Один из них искал среди пленниц свою жену. А она шла за мной следом. Воин кохорошиветари внезапно выскочил и ударом руки опрокинул корзину, которую пленница несла на спине.

Старуха все это видела и сказала нам: «Идемте, идемте. За тобой, белая, никто не придет. А если придет, я ударю его луком». Она была уже совсем старой и ходила, опираясь на обломок лука.

А двое воинов и беглянка бросились в лес. Женщины караветари поставили на землю корзины и пустились за ними вдогонку. Муж пленницы остановился, чтобы задержать преследователей. Женщины пытались вырвать у него лук, а он отбивался и все говорил: «Пусти, не трогай мой лук, бабушка».

Но старухи окружили его со всех сторон и хотели убить. Одна из них крикнула: «Хватайте его!» Он попытался защититься от старух луком, но одна из них схватила его за ногу и сильно дернула. Кохорошиветари упал на землю. Второй воин, чтобы выручить друга, колол старух луком, словно копьем. Но старухи караветари кричали: «Можешь нас убить, а только мы твоего друга прикончим. Живьем он от нас не уйдет».

Все же упавшему воину удалось вскочить. Вместе с другом и с женой он кинулся в глубь леса. Тут старухи караветари стали кричать им вслед: «Беги, беги, дуреха. Снова будешь есть горькие коренья и гнилые плоды. Осталась бы с нами, ела бы пупунье и бананы».

Наконец мы подошли к нескольким старым хижинам, где нас уже ждали мужчины. Они успели набрать полные корзины пупунье. Двое старух набросились на них: «Зачем вы нас одних оставили? Пришли воины кохорошиветари и забрали своих жен!» Воины сердито отвечали: «Сами виноваты. Сначала вы пленниц ругали и били. Теперь, когда они убежали, вы сразу повеселели». Тогда старухи сказали: «Мы пошути-

ли, они всего одну женщину отбили». Воин, который взял себе эту пленницу, крикнул: «Я ее разыщу». Он хотел убить беглянку и ее мужа.

Вместе с ним в лес отправились еще с десяток воинов. Мы остались в тапири. Старуха принялась жарить бананы, а Хохотами варить пупунье. Воины вернулись лишь поздно вечером. Беглецов они так и не догнали. Нашли их следы, долго гнались за беглецами, но потом началось болото и следы потерялись.

ЖИЗНЬ СРЕДИ КАРАВЕТАРИ

Большое шапуно было уже близко. Мужчины ушли вперед — приводить его в порядок, а женщины стали носить воду и собирать большие длинные листья, которыми настилают крышу. Старуха передавала мне охапки листьев, а я на голове несла их к шапуно. На следующий день мужчины сказали: «Шапуно мы почистили и подновили. Вырвали траву на площадке. Завтра начнем готовить столбы».

Женщина караветари говорила каждой из пленниц своего мужа: «Теперь будешь делать все, что я ни скажу. Будешь собирать сучья и таскать воду из реки. А если не захочешь, побью тебя палкой». Одна из пленниц ответила: «Я пришла потому, что за мной все время следил твой муж. Иначе бы я убежала». Муж рассердился: «Хватит вам ругаться, не то я вас обеих изобью». Но женщина караветари не унималась: «Нет я ее убью, а потом сам будешь ее сжигать. Потому что я уйду к другому».

Помнится, один из караветари сказал жене: «Эта женщина пойдет со мной на плантацию — поможет мне собирать бананы. А ты оставайся дома с малышом». Жена его была очень ревнивой и хорошо знала, что собирается делать ее муж с пленницей на плантации. Дождалась, когда они ушли, и тогда порезала весь гамак пленницы и побросала клочья в костер. Потом нашла уруку, которой красилась пленница, и выкинула ее. А когда пленница вернулась с плантации нагруженная бананами, ревнивая жена схватила палку и стала ее бить, приговаривая: «Это тебе на память». Муж спокойно смотрел, как жена бьет пленницу. Но потом жена так сильно ударила несчастную палкой по голове, что брызнула кровь. Тогда он взял толстую палку и протянул ее пленнице, схватил жену за руки и сказал: «А теперь ты ударь мою жену по голове. Ну, бей». Пленница плакала от страха, но ударить не решалась. «Бей же, бей!» — подбодрял он ее. Но пленница

стояла и не двигалась. А жена кричала: «Бей, бей подлая! Потом я с тобой рассчитаюсь. Так ударю, что живой не будешь». Ее муж уговаривал пленницу: «Бей, не бойся! Посмотрим, хватит ли потом у моей жены смелости убить тебя».

Пленница тряслась от страха, по лицу у нее текла кровь, но ударить свою соперницу она не отважилась. Тут муж рассердился: «Значит, не хочешь бить? Тогда я тебя сам изобью». И тоже стал бить пленницу палкой.

Шапуно был прямо-таки громадный. Через три дня мужчины сменили всю крышу из листьев. Караветари куда более многочисленны, чем кохорошиветари. Мужчин было примерно сто, а женщин и детей и того больше. Ночью мужчины вдыхали в нос эпену [12], потом начинали петь и призывать духов — хекура [13]. В песнях они просили хекура навредить врагам племени. Они заклинали духов сделать так, чтобы попугаи и другие птицы поели и попортили все плоды в тех местах, где живут враги, и чтобы все звери бежали подальше от шапуно врагов. Чаще всего двое воинов пели всю ночь, прося у духов плодов и дичи для своего племени и всякого зла для врагов.

Несколько дней спустя мы отправились в лес собирать куколки бабочек. Караветари называли их мана. Эти мана были самые разные: одни длинные и гладкие, другие с длинными волосками, стоит до них дотронуться — и сразу кожу обжигает. В тот день мы отправились собирать мана с длинными волосками. На каждой ветке висело множество мана. Мужчины влезли на дерево и потихоньку подрезали ветки, чтобы черви не попадали вниз. А мы тем временем собирали пишиаанси — большие листья и клали их в корзины. Мана едят вареными или поджаренными, если их есть сырыми — рвать начнет. Листья пишиаанси надрезают, а внутрь кладут растертых или размолотых куколок и складывают «пакетиком». Этот «пакетик» обжаривают на костре, переворачивая до тех пор, пока не перестает стекать сок. Иногда куколок жарят прямо в глиняных сосудах. Но прежде растирают куколок камнями, чтобы раздавить белые крепкие волоски, которые могут при еде занозить язык или застрять в горле. Когда удается найти бананы, то обжаренных куколок едят вместе с ними.

Обычно, когда мужчины ищут куколки мана, то сначала для пробы раскрывают одну или две. Если куколки еще зеленые, мужчины говорят: «Еще не созрели, подожду немного». И оставляют куколки на земле, а те потом сами взбираются на ветку.

Спустя несколько дней мужчины возвращаются за куколками мана. Если им случается запоздать, то все куколки спускаются с веток и зарываются в землю. Там они превращаются в коричневые коконы. А из них потом вылетают большие зеленоватые бабочки. Когда мужчины караветари вернувшись не находят куколок на ветвях, они начинают копать землю. Если бабочка в коконе еще не темная, мужчины ее съедают. Но когда у нее уже есть крылья и глаза, то мужчины говорят: «Нам она уже не годится, отдадим ее старухам».

Внутри орешков инга сидят маленькие белые червячки. Караветари раскалывают орешки, вынимают червячков, кладут в воду, присоленную золой, потом завертывают в листья и варят. Без воды они червячков не едят — говорят, что от этого крошатся зубы. Караветари не знают поваренной соли. Червей они варят вместе со змеями и рыбой и добавляют соленую золу дерева, называемого карорихеки. Я видела, как они готовят «соль». В соленый настой от золы караветари добавляют немного перца. Настой этот они называют какорихупа. Они приготовляют соль и из золы растения, которое зовется атахихи и растет у ручьев, но все же предпочитают золу из стволов карорихеки.

Часто я вместе с другими женщинами ловила рыбу. Однажды старуха сказала: «Пойдемте на ближнее игарапе, там много рыбы». Мы проходили мимо большой расчистки. На ней караветари выращивали бананы, табак и уруку. А вот кохорошиветари ели лишь плоды дикорастущих деревьев.

Немного спустя мы подошли к игарапе; оно было довольно широким. На берегу в кустах пели птицы, а маленькие жабы громко квакали: «прин, прин, прин». Нас было шестеро: я, старуха, ее внучка, Хохотами и вторая дочка старухи с маленьким сыном. Мне дали подержать малыша, и я уселась с ним на берегу. Женщины наломали веток, вошли в реку и стали сильно бить ветками по воде: «бум, бум, бум». Все рыбы бросились врассыпную и попрятались под гниющие листья. Тогда старуха сказала: «Хватит молотить по воде, давайте посмотрим, куда подевалась рыба». Постепенно вся муть осела на дно, и вода стала совсем прозрачной. Рыбы бесследно исчезли. Но старуха была опытным рыболовом. Она схватила охапку гнилых листьев: там пряталось несколько рыбок. Тогда и остальные последовали примеру старухи. В каждой охапке листьев было две-три рыбки. За утонувшими листьями женщины ныряли на дно. Поймав рыбку, женщины откусывали ей голову и бросали свою добычу на берег. Наконец старуха сказала: «Пора возвращаться, боюсь, что на нас

нападут саматари». Воины рассказывали, что видели возле селения следы саматари, которых караветари очень боялись.

Старуха разделала рыбу и завернула ее в листья. В тот день мы наелись досыта.

Немного спустя прошел сильный дождь и вода в реке поднялась. Когда же вода в игарапе стала спадать — а это самое лучшее время для рыбной ловли,— мы снова отправились туда. В этот раз с нами пришли и мужчины. Один из них увидел на берегу огромную анаконду. Змея крепко спала, сытно пообедав оленем. Мужчина подкрался к анаконде и что есть силы ударил ее топором по голове. Я стояла не очень близко, но хорошо видела, как дернулась анаконда. Вечером воин сказал: «Давайте вернемся, змея, наверное, уже умерла». Но шел сильный дождь, и два дня все отсиживались в шапуно. На третий день мы отправились за мертвой змеей. Мы шли до самого вечера, пока не добрались до того места, где была анаконда. В этом месте в озере водилась тьма всякой рыбы. Ночь мы провели в пальмовой роще, где мужчины соорудили маленькие тапири. Рано утром пошли посмотреть на змею. Анаконда лежала на илистом дне. Она была темно-серой и по величине не уступала тапиру. «Умерла»,— сказали мужчины и стали ловить рыбу в озере. Здесь жило много опасных рыб, от которых исходит электрический ток. Караветари их не едят.

Я подошла к огромной змее: на голове у нее зияла большая рана и вокруг летали мухи. Я смотрела на змею, а она на меня. Вдруг она высунула громадный язык. Я бросилась бежать. Женщины колотили по воде ветками, чтобы загнать рыбу в узкую ловушку. А там уже стояли мужчины с луками наготове. Я подбежала к ним и крикнула: «Змея еще жива, она на меня посмотрела и высунула язык». Они сказали: «Ты все выдумала». Один из воинов подошел к анаконде и ударил ее луком по голове — змея даже не пошевелилась. Тогда он ткнул ее в бок стрелой — змея дернулась и высунула язык. Мужчина отскочил и поскользнулся. Все засмеялись, но сами поспешно вылезли из воды: лежавшая в грязи змея была огромной.

Мужчины сказали: «Убьем ее». Они стали бить анаконду по голове концами луков и колоть стрелами. Змея извивалась, изо рта у нее вылезали непереваренные куски оленьего мяса. Мужчины связали лианы и накинули множество петель змее на шею. Затем все вместе, мужчины и женщины, стали тянуть анаконду из воды. Змея цеплялась хвостом за деревья, но все же ее удалось вытащить на берег. Только не всю. Почти поло-

вина туловища осталась в речном иле. Тогда мужчины сказали: «Змея длинная, надо ее разрезать на куски и мясо прокоптить». Они привязали лианы к ветвям высокого дерева и начали тянуть змею наверх. Потом принялись резать змею, начав с хвоста. Своими остро отточенными бамбуковыми лезвиями мужчины нарезали семь больших кусков и наконец добрались до кишок змеи. «Вот он жир!» — воскликнули женщины. Вдруг анаконда снова дернулась, вся сжалась, отчаянно рванулась, порвала лиановые петли и шлепнулась в реку. Вода забурлила и стала кроваво-красного цвета. Тут же караветари побросали отрезанные куски змеи, пойманных рыб и убежали в лес.

Пять-шесть дней спустя один из воинов отважился вернуться за стрелами, которые оставил, спасаясь бегством. Он взобрался на дерево и посмотрел: вода была чистой, а возле берега плавала анаконда. Воин вернулся в селение и сказал: «Змей жив, это племянник рахары *. Все хекура сказали, что нельзя возвращаться к тому месту реки и что отрезанные куски хвоста соединились». Я видела потом в этом игарапе и в тех озерах много змей, но такой громадной больше не встречала.

...В шапуно заболела женщина. Старый шаман вначале пытался вылечить ее своими песнями. Он объявил, что нохотипе, душа женщины, покинула ее, поэтому женщина и заболела. Лечение песнями женщине не помогло, она по-прежнему стонала и охала. Тогда на площадке возле шапуно мужчины соорудили огромную клетку высотой с метр. Они врыли в землю столбы и обвязали их лианами. Это было гнездо птицы гарпии. Несколько мужчин разрисовали себе черной краской рот, глаза, грудь, ноги, связали листья пальмы ассай и надели на голову этот своеобразный птичий хохолок — это они изображали гарпий. Другие мужчины покрасили черной краской только рот, глаза и ноги — эти мужчины изображали обезьян.

После полудня почти все селение отправилось на поиски души — нохотипе. Мужчины-гарпии тонко, по птичьи кричали: «фьо, фьо, фьо» — и, словно крыльями, хлопали руками. Больная вместе с несколькими детьми и старухами осталась в шапуно. У крайней хижины стояла женщина и отвечала на крики тех, кто пошел в лес. Она же звала назад душу: «Лети сюда, наш дом здесь». Мужчины, изображавшие обезьян, вопили, кричали, размахивая ветками, которые держали в руках. Дети тоже пошли вслед за взрослыми — они изображали соко-

---

* Рахара — огромный мифический змей.— *Прим. авт.*

лят. Вождь сказал: «Соколы пусть ищут душу сверху, они все видят своими глазищами, а обезьяны пусть ищут ее среди ветвей». Женщины обрывали ветки и клали их на землю. Они думали, что по этим веткам душа вернется в шапуно. Многие женщины несли на руках малышей — боялись, что, если оставить детей в селении, они тоже потеряют свою душу — нохотипе. Обойдя все места, где, по их представлениям, могла прятаться душа, мужчины и женщины вернулись в селение. По дороге они обходили все очаги и ветками подметали землю под гамаками и в углах шапуно рассыпали головешки — может, там лежит душа. После этого все снова покинули шапуно, обошли его вокруг и вернулись. Главный шаман сказал: «Душа плачет в том месте, где мы только что были». Все опять бросились к лесу.

Больной так и не стало лучше. Тогда мужчины взвалили ее на плечи и все вместе отправились на поиски пропавшей души. Потом все вернулись в селение. Один из мужчин вспрыгнул на огромную клетку гарпий, за ним второй, третий, четвертый... Больную поставили у клетки и начали бить ее ветками по лицу. Они думали, что так нохотипе легче вернуться в тело. Люди-обезьяны прыгали возле клетки и громко кричали: «эй, эй, эй», а люди-гарпии отвечали: «фьо, фьо, фьо» — и хлопали руками-крыльями. Женщины и дети, возвращаясь, кидали на огромную клетку ветки. По поверью индейцев караветари, клетка, обсыпанная сверху ветками, и есть гнездо гарпий. Потом больную подняли на руках и люди-гарпии стали бить ее по телу, громко приговаривая: «бам, бам, бам». Это они убивали воображаемых муравьев, которые забрались в нохотипе, когда она лежала в лесу.

Немного спустя одна женщина принесла в куйе воды и несколько листьев, от которых исходил сильный, терпкий запах. Эти листья на языке яноама называются куна-куна. Женщина размочила листья куна-куны в воде, а затем принялась энергично растирать ими тело и голову больной. Постепенно больной стало легче, у нее больше не шла пена изо рта, и она уже не стонала целыми днями.

Караветари верят, что душа человека переселяется в тело гарпии. Когда кто-нибудь из племени заболевает, остальные говорят: «Наверное, гарпия упала из гнезда и не может больше летать».

Однажды старуха сказала мне и Хохотами: «Сходите за водой». Мы отправились к игарапе, не зная, что там, у берега, враги. Я наполнила свою куйю; вода, стекая в нее, тихо журчала: «пин, пин, пин». Потом я заткнула куйю затычкой

из листьев, повесила ее на ветку и пошла купаться. Хохотами тоже вошла в воду и стала растирать тело листьями.

Во время купания я оглянулась и увидела на холме много воинов, раскрашенных в черный цвет. Один из них знаком велел мне молчать. Я нырнула под воду и тут же выскочила на берег. Хохотами тоже увидела чужих воинов и крикнула им: «Не стреляйте из луков, нас всего две женщины». Она выбралась на берег и с криком «Враги, враги!» помчалась к селению. Я побежала за ней. Мужчины схватили луки и стрелы и тоже громко закричали: «Враги, на нас напали враги. Нам приятно сразиться с врагами!»

В шапуно старуха спросила меня: «Ты сама их видела? Это кохорошиветари?» Воины выскочили из шапуно и бросились к лесу, но врагов там не оказалось. Они нашли только следы множества людей, которые сидели на корточках.

«Да, я видела много черных людей»,— ответила я. Старуха подумала и сказала: «Хохотами тоже видела. Значит, это правда».

Однажды вечером в шапуно пришел старик по имени Шоамоа. Один глаз у него ничего не видел. Старик сказал: «Я пришел, чтобы позвать вас в гости к хекураветари. У них созрела пупунье, и они вас приглашают на пир». Все это он говорил нараспев, как принято у индейцев, когда передаешь приглашение. Вождь караветари ответил: «Сейчас не могу. Я только недавно обновил крышу шапуно, бананы, висящие у потолка, еще не созрели, а пупунье вот-вот созреет. Если мы пойдем к вам, тут все сгниет. Да еще могут нагрянуть кохорошиветари и срубить все банановые стволы. Лучше встретить их здесь, в шапуно. Мы убили немало кохорошиветари, взяли в плен много их жен. Они наверняка нападут на нас. И если не найдут меня в шапуно, скажут, что я трусливо сбежал. Лучше встретить врагов здесь, а не на тропе. Ведь в пути хуже сражаться, потому что сзади идут женщины. А в шапуно женщин и детей мы оставляем у очагов, а сами выходим на бой».

Тогда Шоамоа пошел к отцу Хохотами и сказал ему: «Раз тушауа не хочет, может, ты пойдешь к хекураветари». Отец Хохотами ответил: «Я пойду. Мне бананов не жаль. Пусть их, когда созреют, съедят другие. И пупунье тоже».

Согласился идти в гости только отец Хохотами. Остальные отказались еще и потому, что от самого Шоамоа узнали, что на хекураветари собираются напасть грозные саматари.

Старик Шоамоа отправился в обратный путь утром следующего дня. Отец и мать Хохотами, сама Хохотами, два ее старших брата, старшая и младшая сестры и я вышли из шапуно немного позже. Первую ночь мы провели в лесу, а к вечеру пришли в рощу, где росли дикие ореховые деревья. Сами деревья были низкие, и на каждом висело по три-четыре ореха. До них можно было дотянуться с земли. Эти дикие орехи были вкусные, сочные, не хуже, чем у тех ореховых деревьев, которые выращивают яноама. Рядом высились скалы. Утром мы разбили орехи о камни. Я была еще слабой, и Хохотами разбивала орехи и для меня.

На третью ночь мы подошли к игарапе у шапуно хекураветари. «Из этого игарапе они берут воду. Они всегда селятся возле игарапе»,— сказал отец Хохотами.

Днем мы нашли на берегу маленькие стрелы. «Здесь мальчишки ловили рыбу»,— определил отец Хохотами. Мы стали подниматься вверх по игарапе, пока не добрались до старой расчистки. Там мы остановились. «Прежде чем войти в селение, надо покраситься»,— сказал отец Хохотами. Сам он разукрасил грудь, ноги и лицо коричневой краской. Когда яноама торопятся, они раскрашивают тело одной краской, а потом ногтями проводят полосы. Если же у них много времени, то они раскрашивают тело тонкими полосами. Кисточкой им служит кусок лианы, который они макают в краску уруку. Пока отец и мать Хохотами разрисовывали себя и дочек, к нам присоединился еще один караветари вместе со своей женой и сыном. Они тоже решили отправиться в гости. Его жена спросила: «Сами вы краситесь, а белую не будете красить?» «Будем,— ответила старуха,— только сначала я разрисую дочку». Меня однажды уже раскрашивали перед тем, как войти в селение кохорошиветари. В шапуно караветари мать Хохотами выбрила мне макушку. А теперь она разрисовала мне полосами грудь, ноги и лицо. Мы еще не кончили раскрашивать себя, когда появились двое молодых хекураветари. Они сказали: «Отец велел передать, если наши гости красятся, то пусть скорее идут в шапуно. Саматари готовятся напасть на нас». Мы сразу же пошли в шапуно.

Прежде хекураветари жили вместе с караветари. Потом они поссорились и разделились. В шапуно было всего человек сорок — пятьдесят. Многие мужчины отправились на охоту.

В шапуно остались вождь Хекураве с двумя сыновьями и один арамамисетери — он был главным колдуном. Как раз он

и предупредил своих о том, что три дня назад саматари выступили в поход. Когда вождь увидел нас, он воскликнул: «Караветари привели незнакомку!» Мы стояли в центре шапуно. Подошли четверо мужчин и позвали в гости к своим очагам двух братьев Хохотами и еще двух мужчин. Старуха, старик, Хохотами, ее незамужняя сестра и я остались стоять. Старуха рассказала, кто я такая, и как меня отбили у кохорошиветари.

Пришла невестка вождя и позвала меня: «Вот тебе пупунье. Поешь с нами. Но только приходи одна». Мать этой женщины стала меня уговаривать: «Не возвращайся к караветари. Оставайся с нами. Старуха хочет, чтобы ты жила с ней и с ее дочерью. А у меня двое сыновей. Вот и оставайся со мной и с моим старшим сыном». Я не знала, что ответить. Подошла жена старшего сына и сказала: «Не возвращайся в шапуно караветари. Они не дадут тебе долго жить со старухой. Когда ты подрастешь, мужчины заберут тебя и будут передавать один другому. А нас, хекураветари, мало. Мы живем тихо, спокойно. Никто из мужчин тебя не получит, будешь жить со мной».

На следующее утро вождь Хекураве сказал: «Пойдемте собирать пупунье, а потом угостим ими гостей. Скоро вернутся и охотники, и у нас будет мясо». Мать сказала Хохотами: «Позови Напаньуму. Пупунье будем собирать все вместе и потом быстро вернемся в свое шапуно. Эти люди слишком много говорят». Старуха поняла, что меня уговаривали остаться, и это ей очень не понравилось. Мы отправились собирать пупунье. Их в лесу было великое множество. Мужчины взобрались на колючие пальмы. Чтобы не уколоться, они привязывают лианами к стволу большие палки, и по этим палкам добираются до самой верхушки. Гроздья плодов они тоже связывают лианами и потом осторожно спускают вниз.

Вдруг большие птицы, которые, завидев людей, начинают кричать «кап, кап, кап», подняли шум. Хекураве крикнул: «Враги хотят убить меня. Почти все мои воины ушли на охоту, мои сыновья собирают пупунье, а я остался один. Кто же защитит меня?»

Мужчины поспешно слезли с пальм. Но никто не появлялся и никто не стрелял в нас из луков. Старый Хекураве сказал: «Выбирай любую гроздь». Пупунье были желтые и красные. Я выбрала гроздь красных. Мать Хохотами взяла еще три связки. Одну она положила в мою корзинку, а две отдала Хохотами. «Скорее идемте»,— сказала она. «Да, да, вы, женщины, возвращайтесь в шапуно,— сказал Хекураве,— а я

помогу мужчинам уложить пупунье в корзины. Завтра, наверное, вернутся охотники. Они ушли на охоту вот столько дней назад». И он показал восемь пальцев.

Когда мы вернулись в шапуно, жена вождя позвала меня, накормила и уложила отдыхать в своем гамаке. Вечером мать Хохотами упрекнула меня за то, что я не поужинала вместе с ними. Я ответила, что не могла отказаться от приглашения жены вождя.

«Эта женщина кормит тебя мингау * и другими вкусными вещами,— сказала старуха.— Она хочет, чтобы ты осталась с ними. Но только ты вернешься с нами, да?»

«Если придут саматари, то не знаю, вернется ли вообще кто-нибудь из нас»,— ответила я.

«Про нападение саматари они выдумали»,— сказала старуха.

На следующий день, когда солнце стояло уже высоко в небе, к нам подошла жена главного колдуна и сказала старухе: «Мой муж хочет посмотреть на Напаньуму, я уже варю для нее пупунье. Отпустите ее, а я ее разрисую. Как можно некрашеной жить в шапуно?! Я раскрашу ее красным уруку, и, когда вернутся охотники, вам останется лишь провести черные полосы».

«Иди»,— разрешила мне старуха. Вместе со мной к колдуну пошла Хохотами. Главный колдун оглядел меня и спросил: «Это и есть Напаньума? А я-то думал, что она уже настоящая красивая женщина. Слава о тебе, Напаньума, далеко залетела. Арамамисетери мне сказали, что ты живешь в шапуно караветари. Арамамисетери хотят отобрать тебя у караветари. Все знают о Напаньуме, все, кроме саматари». Потом он повернулся к жене и добавил: «Дай ей пупунье». И пошутил: «А вообще-то лучше всего ей будет у саматари, там ей не придется ложиться спать на пустой живот». Жена главного колдуна подошла ко мне и сказала: «Идем искупаемся в реке, и я разукрашу тебя семенами уруку, тонкими полосками разрисую, ведь сегодня вернутся охотники». Хохотами отправилась вместе с нами.

Первым делом жена колдуна расписала мне красной уруку спину. Внезапно неподалеку — трак! — хрустнула ветка. «Слышала, Хохотами? — сказала я.— Ветка хрустнула».

«Наверное, это саматари!» — испуганно воскликнула девушка. Я дернулась от страха, и семена уруку посыпались на землю. Прибежали четверо мальчишек. Один из них был сов-

---

* Мингау — банановая каша.— *Прим. авт.*

сем маленький, он почти не умел говорить. «Убегайте, в реке враги, черные люди»,— крикнули они и помчались в шапуно. Там они рассказали, что черные люди, когда увидели их, сказали: «Не вздумайте кричать. Тихонько возвращайтесь в шапуно. Если будете кричать, мы вас убьем из луков». Вскоре вернулись в шапуно и мы. К тому времени страх у нас уже прошел, и тогда женщины хекураветари сказали: «Посмотрите, как они спокойны. Малышам все это показалось».

И тут возле нас упала стрела: враги неслышно крались за нами и подождали, пока мы вернемся в шапуно. И вот теперь они стали стрелять в нас из луков. Рядом со мной стрела пронзила гроздь бананов. Одна девочка выскочила на открытую площадку — в тот же миг в затылок ей впилась стрела. Девочка упала. Мать бросилась, чтобы поднять ее, но и ее ранило стрелой в колено. Другой женщине все-таки удалось втащить девочку в хижину. Она была мертва. Всего шапуно защищало одиннадцать мужчин. Они не отвечали на град стрел. Наконец брат Хохотами по имени Паузиве крикнул: «Ответим им». И одиннадцать мужчин стали стрелять из луков во врагов, окруживших шапуно. Наши мужчины стреляли через крышу из листьев и не видели, куда падали стрелы. Стрелы наших врагов тоже пронзали насквозь крышу и падали на открытой площадке. Жена главного колдуна сказала ему: «Ты великий колдун, и ты должен спрятаться». Я поднялась наверх и слегка раздвинула листья. Враги окружили шапуно со всех сторон. Они сидели на корточках. Стрелы их были вложены в луки. И как только стрела, выпущенная защитниками шапуно, падала на землю, осаждавшие вскакивали и тоже спускали натянутую тетиву.

Едва обстрел прекратился, женщины выбежали на площадку и стали собирать стрелы. Потом наши мужчины сказали: «Надо спасаться бегством». Вождь построил всех в ряд: мужчина — женщина, мужчина — женщина. Только мы выскочили из хижины, как в нас отовсюду полетели стрелы. Пришлось снова укрыться в шапуно. Потом Паузиве, брат Хохотами, крикнул: «Кто вы такие? Почему вы стреляете в нас? Кто вы? Караветари, кеброbуетари, арамамисетери?»

В ответ донеслось громкое: «Каминья саматари... (я — саматари). Тот самый саматари, которого вы так боитесь». Голос умолк, и в шапуно стало совсем тихо.

Мы снова выстроились в ряд и хотели бежать. Но едва мы выскочили, стрела вонзилась сыну вождя в грудь. И все вернулись в шапуно. Только я одна осталась снаружи, спрятавшись за ствол большого дерева. Трое воинов увидели меня, и один

из них сказал: «Там за деревом прячется враг». Второй натянул тетину. Тогда я крикнула: «Не стреляйте. Я не кохороши-ветари и не караветари, я чужая». Двое воинов подбежали ко мне, схватили меня за руки и поволокли к шапуно. Тем временем саматари во главе со своим вождем уже ворвались в шапуно. Из его защитников старый вождь был убит, рядом лежал мертвый арамамисетери. В углу, уткнувшись лицом в землю, лежала девочка, «Притворяется»,— сказал один из саматари и перевернул ее на спину. Стрелы не было видно. Оказалось, что стрела вонзилась девочке чуть ниже соска и сломалась. Из раны сочилась желтая жидкость. Стрела была отравленной, и девочка сразу умерла. Тогда саматари сказали: «Она по-настоящему мертвая». Неподалеку лежала убитая женщина, а возле нее — сын вождя. Бежать удалось лишь сыну Арамамисетери, другому сыну вождя и тому караветари, который пришел в шапуно после нас. В отца Хохотами каким-то чудом не попало ни одной стрелы, но оба его сына были ранены: один в грудь, другой в ногу. У первого из раны в груди текла алая кровь и пена.

Отец Хохотами сказал вождю саматари: «Брат, за что ты ранил моих сыновей?» Рохариве, так звали вождя племени саматари, посмотрел на него и приказал своим: «Больше не стреляйте». Потом сказал: «Зачем ты сюда пришел, караветари? Мои воины ранили твоих сыновей нечаянно. Зачем ты мешал нам сражаться? Я пошел войной на моих врагов. И ты знал про это. В том, что твои сыновья ранены, моей вины нет». Он взял острую бамбуковую стрелу и надрезал ею кожу раненого в грудь юноши, чтобы вытащить наконечник. Подозвал одного из своих воинов и сказал ему: «Вынь наконечник из раны». И опять стал упрекать старика: «Когда выпускаешь стрелу, разве знаешь, в кого она попадет? Уходи и больше сюда не возвращайся». Старик ответил: «Меня позвали в гости на реахо *».

Наконец воину саматари удалось вытащить наконечник отравленной стрелы.

Тогда Рохариве сказал раненому: «Теперь можешь спокойно отлежаться в гамаке. Когда тебе станет лучше, уходите всей семьей и больше сюда не возвращайтесь».

Двое воинов по-прежнему держали меня за руки. Другие схватили Хохотами. Воины саматари искали женщин, которые попрятались около стен огромного шапуно. За двойной изго-

---

* Реахо — большой пир, чаще всего устраиваемый в поминание усопших.— *Прим. авт.*

родью из пальмовых листьев сидели «на карантине» перед обрядом посвящения в женщину две молоденькие девушки. Старая женщина из племени хекураветари умоляла: «Не трогайте мою внучку. Она всего три дня как «на карантине». Если вы ее заберете, гром вас убьет». Девушка заплакала, но старуха строго приказала ей: «Не плачь. Кто плачет «в карантине», тот скоро умрет». Саматари не испугались грома и вытащили обеих девушек. Они увели с собой и одну из дочек Хекураве, убитого вождя. Девушка была пышнотелая, красивая. Ее взял себе племянник Рохариве. Потом Рохариве увидел ее и спросил: «Кто взял эту девушку?» «Твой племянник»,— ответили ему. «Она будет моей»,— объявил Рохариве.

Тем временем несколько воинов саматари начали выстраивать пленниц в ряд.

Другие обшаривали шапуно, и все, что находили: бананы, пупунье, глиняные горшки — клали в большие корзины, затем передавали эти корзины женщинам, чтобы те их несли. Из мужчин селения в живых остались лишь отец и двое братьев Хохотами. Мать Хохотами, плача, говорила вождю Рохариве: «Я пришла сюда со своими сыновьями в гости, а ты их чуть не убил». Старухи сказали воинам саматари: «Уходите, скоро вернутся наши охотники». Они говорили так, чтобы саматари поскорее ушли и можно было бы поискать детей, которых удалось спрятать возле шапуно.

Женщины рыдали, одна старуха крикнула: «Ты, тушауа, смел, когда нет наших воинов. Беззащитных женщин убивать легко. Но ничего, я еще дождусь того дня, когда тебя самого убьют».

«Меня? Нет, старая, я не умру. И еще наведаюсь к вам в шапуно. Может, когда я стану беспомощным стариком, меня и убьют. Но не сейчас. А пока оплакивай своих мертвых сыновей, своего мертвого мужа». Саматари оставили в шапуно всех старух и пожилых женщин, а с собой увели молодых женщин и девушек.

Часов в десять саматари построили нас в ряд и повели в расположенное неподалеку старое, заброшенное шапуно. Тушауа Рохариве спросил у пленниц, сколько всего мужчин было в шапуно. Женщины отвечали, что всех их саматари убили или ранили. Из воинов же саматари ни один не был даже ранен.

Саматари увели и Хохотами. Она стояла рядом со мной и горько плакала. Мать велела ей все время быть со мной. Воин спросил: «А эти двое чьи дочки?» Пленницы ответили: «Одна — дочка караветари, которого вы ранили». «А другая?» — «Другая, говорят, белая». «Ее мы не возьмем,— ска-

зали воины.— Она слишком худая и не выдержит трудного пути. Нам придется идти безостановочно день и ночь, ведь мы убили много врагов». «Да, она очень худая,— согласился и тушауа Рохариве.— Отправлю ее назад к старухам. Слишком она слабая». Услышав такие слова, я сильно обрадовалась. Тем временем нас снова начали выстраивать в ряд. Тушауа сказал: «Пусть встанет, хочу посмотреть, какое у нее тело». Я сидела вместе с Хохотами и ничего не поняла. Тогда молодая, красивая женщина, которую тушауа взял себе, сказала мне: «Вставай, вставай». Я поднялась, и женщина сказала: «Она не худая, просто у нее такое тело». Тушауа спросил: «Кто захватил ее?» «Мы вдвоем»,— ответили два воина. «Значит, вы ее берете?» Один ответил: «Мне нужна не девочка, а женщина, круглая, крепкая. Она и ходить-то быстро не может. Пусть лучше остается со старухами».

Тут тушауа увидел шурина своего брата и сказал ему: «Возьми ее. Твоя жена добрая. Она позаботится об этой девочке, а потом та поможет твоей жене присматривать за малышами. А ведь их у тебя много». «Боюсь я дочерей белых,— ответил тот.— Была бы она дочкой одного из хекураветари, я бы ее взял».

Брат тушауа показал мне на своего шурина и сказал: «Ты пойдешь с ним». «Возьми ее,— повторил тушауа.— Когда она станет женщиной, то народит тебе детей. Хочу, чтобы в нашем племени были дети от белой».

Я плакала и все другие женщины тоже.

Воины саматари увели и двух девушек, сидевших «на карантине». Их мать, грузная, толстая женщина, подошла к тушауа и сказала: «Я пойду с вами. Хочу быть вместе со своими дочками. Они еще слишком юные, и без меня им будет трудно».

Эта женщина говорила неправду — просто она надеялась, что с ее помощью девушкам легче будет убежать. Воины саматари сказали ей: «Возвращайся-ка, старая, в свою хижину. Не то мы убьем тебя стрелой». «Нет, не вернусь,— твердо ответила женщина.— Я пойду с вами». И добилась своего.

ВОИНЫ-УНУКАЙ

Воины саматари хриплыми голосами затянули свое «ау, ау, ау», и наш путь начался. Мы шли и шли по лесу, пока не стемнело. Вдруг между нами, женщинами, и воинами, которые шли сзади, упала стрела. Воины громко закричали: «Пей хав, пей

хав», чтобы предупредить тех, кто шел впереди. Они подняли стрелу. Пленницы осмотрели ее и сказали: «Это стрела Хириве». Они узнали ее владельца, потому что у наконечника были нарисованы змея и три полосы, а так метил стрелы один лишь Хириве. Значит, в шапуно вернулись охотники хекураветари. Но только Хириве бросился в погоню за врагами, потому что саматари увели его жену. Остальные, как видно, остались, чтобы сжечь мертвецов. Пленницы сказали: «Хириве выстрелил из лука, чтобы жена знала, куда бежать. Если бы он хотел убить, то выстрелил бы врагам в спину». Все остановились и стали ждать, не упадут ли другие стелы. Но больше никто не стрелял.

Ночью, когда все спали, сбежала одна из пленниц. Весь следующий день мы шли по лесу, и никому не удалось сбежать. На третий день мать двух девушек «из карантина» бежала вместе со своими дочками.

В этой части леса было много деревьев хайу, у которых вкусные красные плоды. Почти все отправились полакомиться ими. Остались только унукай — воины, убившие в битве врага. Они могли есть одни лишь бананы. У индейцев такое поверье: если унукай будут есть мясо или другие плоды, кроме бананов, то непременно заболеют. Поэтому они «постятся». Брат тушауа Рохариве сказал: «Пока мы будем собирать плоды хайу, идите на поле, где растут бананы». Одна из пленниц сказала воину, захватившему ее: «Я тоже пойду собирать хайу». В рощу отправилось много мужчин, и воин согласился. Женщина вначале шла сзади, а потом метнулась в сторону, и ее и след простыл.

Тогда тушауа сказал: «Кто охраняет пленницу, тот должен повсюду идти за ней. Если она заберется в чащу, он должен идти за ней, если идет по тропе — идти за ней. Ты оставил ее одну, и она убежала. И хорошо сделала. Теперь она вернулась в свое шапуно, и я не дам ее преследовать. Быть может, враги крадутся за нами следом. Если вы поодиночке или вдвоем углубитесь в лес, враги вас убьют».

Хохотами держалась со мной рядом и все время плакала. Я сказала ей: «Давай убежим». «Мы слишком далеко ушли от шапуно»,— со слезами отвечала она. «Смотри, как бы тебе потом не пришлось плакать еще сильнее,— сказала я.— Почему ты боишься убежать вместе со мной? Выходит, я храбрее тебя?» «Я не боюсь,— отвечала Хохотами.— Но только в лесу нас съест ягуар». «Нет,— сказала я,— не съест нас никакой ягуар».

Вечером мы добрались до берега горной реки, широкой, но мелкой. Ее можно было перейти вброд. Река называлась Сукхумумо, что означает «река попугайчиков». На берегу мы сделали привал. Все устали, да к тому же пупунье, которые воины саматари захватили в селении своих врагов, кончились. Ко мне подошел сын дяди Рохариве и сказал: «Я иду за бакабе, хочешь пойти со мной?» Я согласилась. В лесу мы принялись собирать плоды бакабе и завертывать их в большие листья. Вернувшись, мы положили плоды в глиняные горшки, которые воины унесли из селения хекураветари. Потом подогрели их на огне и приступили к еде. Нередко из подогретых плодов бакабе выжимают сок и затем запивают им мякоть бананов. Воины-унукай тоже могут есть бакабе, и мы поделились с ними своими запасами.

В тот вечер юноша, с которым я собирала в лесу бакабе, повесил на ночь свой гамак рядом с моим. Хохотами тоже хотела спать возле меня, а не рядом с воином, захватившим ее в плен. Воин разрешил ей перебраться на ночь ко мне.

Крутые скалы спускались почти к самому берегу реки. Ночью мы услышали шум. Кто-то в темноте споткнулся о камень, и чей-то голос сказал: «Тише, смотри, куда ступаешь». Это были хекураветари. Они хотели напасть на наш лагерь врасплох. Но воины саматари услышали шорох и стали негромко переговариваться: «Враги, там враги! Не дадим им перебраться через реку». Они подняли луки, и во тьму полетели стрелы: «та, та, та». Скалы молчали. Тогда саматари крикнули: «Не убегайте, трусы. Подождите дня, и тогда мы с вами сразимся». Никто не отвечал.

Саматари стрел не жалели: ведь в шапуно хекураветари их лежали целые груды. Слышно было, как стрелы с треском вонзаются в стволы деревьев. Но хекураветари ответной стрельбы не открывали,— может, они боялись попасть в своих жен и дочерей. Саматари потушили все огни. Тушауа Рохариве крикнул: «Вы еще пожалеете, что решились преследовать нас. Здесь на берегу реки всех вас ждет смерть. Глупцы! Больше вам своих женщин не видать. Чем преследовать нас, лучше бы сожгли своих мертвецов».

Тут один из воинов хекураветари крикнул в ответ: «Кровожадный саматари. Думаешь, не придет твой день? Подожди, и тебя настигнет стрела».

На самом деле тушауа Рохариве не был злым. По дороге он сказал своим воинам: «Зачем вы убили женщин и детей? Всех подряд не надо было убивать». Воины отвечали: «Ты же сам велел убивать всех».

«Это я просто так сказал. Не знал, что их совсем мало».

«Нет, их не мало,— возражали вождю воины.— Почти все мужчины были на охоте. Остались женщины. Скоро эти женщины народят детей и опять их станет много».

Всю ночь никто из мужчин не спал. Они сидели, держа луки в руках. Я прислонилась к плечу Хохотами и заснула. Юноша тоже заснул, прижавшись к стволу хайу.

Утром несколько саматари перешли реку, чтобы посмотреть, не вернулись ли враги. На противоположном берегу они нашли две стрелы, которые хекураветари, видно, потеряли ночью перед тем, как уйти. Это были стрелы с отравленными наконечниками, но ночная роса, как объяснили мне воины, сделала яд безвредным. А вот на солнце яд подсыхает и прочно пристает к наконечнику. Яд подсыхает и на огне, поэтому воины обычно обжигают наконечники.

Весь следующий день мы провели в пути. Переночевали в лесу, а наутро подошли к большому заброшенному шапуно. Оно все заросло травой. Рядом с ним была расчистка. Мужчины оставили девочек в шапуно, а сами вместе с пленными женщинами отправились собирать бананы. Мы с Хохотами тоже остались в шапуно. Я ей предложила: «Давай скажем, что идем за водой, а сами убежим». «Мы не найдем дороги. Мне страшно. Уж очень мы далеко от дома»,— ответила она. «Боишься? — сказала я.— Тогда потом не плачь, когда тебя будут бить так же сильно, как твои караветари били пленниц кохорошиветари». «Разве теперь убежишь?» — повторила Хохотами. «Ты боялась убежать и когда мы были близко от шапуно»,— зло сказала я.

Тем временем с плантации вернулись мужчины и женщины, нагруженные бананами.

На следующее утро тушауа Рохариве подошел ко мне. Рядом стоял юноша, его родич. «Дай этой девушке бананов»,— сказал он юноше. Со мной он больше не разговаривал, потому что решил, что я буду его невесткой. А яноама не разговаривают и не подходят близко к той, которая должна стать их невесткой. Юноша сказал мне: «Принеси бананы». Я принесла. «Выбирай». Я взяла две маленькие связки и положила их в корзинку вместе с пупунье. Хохотами тоже взяла связку бананов и встала рядом со мной. Саматари сказали нам: «Не плетитесь, как обычно, шапуно уже совсем близко». Но только это для них оно было близко. Мы шли почти весь день, но до шапуно так и не добрались. Переночевали мы в старой хижине, а утром снова тронулись в путь. Ко мне подошел юноша и

сказал: «Теперь и вправду близко. Я здесь однажды охотился с моим отцом. Завтра придем».

Когда саматари убивают кого-нибудь из врагов, они становятся унукай. Они продевают в уши и привязывают к запястьям длинные черные палочки.

Тушауа Рохариве всю дорогу в свое шапуно был точно потерянный, потому что он убил много врагов. Он был сильный, светлокожий. Было приятно, когда он говорил с людьми. В первый день он сказал: «Я чувствую себя потерянным. Я выпустил восемь стрел, и все они вонзились в тела врагов. Перед глазами у меня плывет туман, серый туман. Наверное, все, в кого попали мои стрелы, умерли».

Он то и дело садился на землю. Саматари верят, что, когда воин поражает стрелой врага и тот умирает, сам воин слабеет, силы покидают его. На другой день тушауа сказал: «Вчера я совсем ослаб. Ночью я крепко спал, и теперь силы вернулись ко мне. Быть может, один из тех, в кого попала моя стрела, не умер». Если унукай чувствует себя лучше, то это потому, что и раненный его стрелой враг почувствовал себя лучше. Потом Рохариве спросил: «Кто вчера ощущал слабость во всем теле?»

«Я»,— откликнулся один из воинов.

«Значит, тот, в кого ты попал стрелой, умер. Не ешь ничего и сходи приготовь палочки для ушей и запястий». Воин, убивший врага, почти ничего не ест: три банана утром и три — вечером. Наверное, поэтому он и чувствует слабость во всем теле. Бананы можно слегка поджарить на огне. Но если банан сильно обгорит, это означает, что воин скоро умрет. Девушки, сидящие «на карантине», тоже не должны есть ничего, кроме бананов. Иначе живот их наполнится ветром, заболит и начнется рвота. От этой ужасной боли девушки могут умереть, поэтому их и держат долго «на карантине». Несколько дней спустя после начала «карантина» мужчины отправляются на поиски пчелиных сот и приносят мед девушкам в чисто вымытой куйе. Никто другой не может есть или пить из этой куйи.

Один из воинов, убивший врага, вдруг сел на землю, вскрикнул «кшах» — и из носа у него выскочил червяк. Тогда другие воины сказали: «Убитого тобой еще не сожгли. Хекураветари наверняка привязали его тело лианами к стволам двух деревьев, и теперь из него вылезают черви, которые потом становятся мухами». Вечером воин снова сел, вскрикнул — и из носа у него выскочили два белых червя и сразу же уползли в траву. До этого я никогда не видела, чтобы у человека червяки выскакивали из носа. Тушауа Рохариве сказал: «Тех,

кого мы убили, до сих пор не сожгли. Кажется, одна моя стрела убила женщину — очень уж у меня зловонное дыхание. Теперь мы много дней подряд не будем есть мяса». Когда саматари убивают женщин, они потом говорят, что их дыхание стало зловонным.

Наконец мы подошли к шапуно. Воины-унукай первыми отправились к реке. Воины, охранявшие пленниц, сказали нам: «Не говорите нашим женам, что мы захватили в плен много женщин». Когда все искупались в реке и растерли тело листьями, воины и пленницы раскрасили тело красным уруку, нарисовали на ногах, на лице и на теле тонкие полосы. Многие воткнули в уши птичьи перья.

Потом мы вошли в шапуно. Нас встречало много народу, человек сто — не меньше. Тут были и индейцы патаманибуэтери, которые объединились с саматари еще до того, как те пошли войной на хекураветари. Они ждали своих родичей и мужей, которые вместе с саматари отправились в поход на хекураветари. Мне рассказали, что вождь патаманибуэтери — брат Рохариве. Некоторое время тому назад они поссорились из-за одной женщины. После этого патаманибуэтери отделились и построили свое отдельное шапуно в том месте леса, где растет много деревьев патаманихена с длинными и широкими листьями, белыми снизу. Поэтому их и называют патаманибуэтери, но они как были, так и остались саматари.

Несколько воинов патаманибуэтери отправились на войну вместе с саматари. Они захватили трех женщин, но двум из них удалось в пути бежать.

Тем, кто убил врага, было запрещено разговаривать с остальными, и особенно с женщинами. Они не мылись до самого возвращения в шапуно и не разрисовывали себя: и без того они были грязными. Черная краска на обратном пути размазалась от дождей. Несколько дней спустя один из воинов-унукай сказал: «Сегодня ночью, когда я спал, из моих ноздрей вышел зловонный дым». «Значит, убитого тобой врага сожгли,— ответил отец воина.— Через два дня можешь вымыться в реке».

Воины-унукай говорят, что, когда из ноздрей у них выходит зловонный дым, им сразу становится легче.

Потом и тушауа Рохариве сказал: «Я тоже чувствую себя совсем легким, невесомым. Завтра все пойдем купаться в реке».

Унукай спят в гамаках, плетенных из жестких волокон, а не в удобных гамаках из хлопчатника. Когда закончился срок «искупления грехов», все унукай отправились купаться, но не на ближнюю реку, а на другую, густо поросшую кустарни-

ком. С ними пошло много воинов, вооруженных луками и стрелами, чтобы охранять их в пути. Унукай взяли с собой охапки листьев, чтобы хорошенько растереть тело. Все это время унукай не стригли волосы, и они росли у них на головах клочьями.

К вечеру унукай вернулись в шапуно «омытыми». Другие воины подстригли им волосы и выбрили макушки. Потом раскрасили им руки, нарисовали на теле змей, нанесли на лицо красные и черные полосы.

Когда я жила у намоетери, то видела, что воины, убившие врагов, наоборот, вовсе не красились, но каждый день мылись в реке и растирались жесткими листьями, чтобы поскорее очиститься от своего греха. Никто другой не может мыться в том же месте реки, иначе, согласно поверью, у него откроется рана и больше уже не заживет.

Тем временем друзья унукай срубили белые крепкие стволы и привязали к ним лианами гамаки. Когда унукай в последний раз вымылись в реке, воины взяли эти «столбы» с привязанными к ним гамаками и вечером отправились в лесную чащу. Там они отыскали самое высокое дерево и привязали к его верхушке гамак. Привязали очень крепко, потому что, если гамак упадет, унукай ждет смерть. Вместе с гамаком к верхушке дерева привязали черные палочки, вынутые из ушей, и куйю, из которой ели бананы и мед.

Те, кто убил врага, очень почитаются. Тому же, кто убьет и второго врага, возносят особую хвалу. Человек, убивший воина, который до этого сам убил одного из своих врагов, получает звание ваитери — храбреца. Когда он умирает, женщины с плачем повторяют нараспев: «Он был ваитери, ваитери в каждой битве и всегда был впереди».

КУРАРЕ

В шапуно тушауа Рохариве сказал невестке: «Похоже, что мой дядя боится дочери белого человека. Возьми ее к себе». Женщина ответила: «Да, мне как раз нужна помощница. Когда я ухожу в лес, то не знаю, на кого оставить малышей». Потом она повернулась к сыну и спросила: «Где она, эта белая?» «Стоит сзади». Женщина сказала: «Идем со мной», и я пошла за ней. Хохотами тоже вышла из ряда. Она уже стала худенькой женщиной, но грудь у нее еще была маленькой. Воин, который взял ее в плен, сказал ей: «Нет, ты пойдешь со мной. Я позволил тебе оставаться с Напаньумой не

навсегда, а только на время. Теперь вам придется расстаться, ты будешь жить со мной».

Он схватил Хохотами за руку, та плакала, кричала, но мужчина увел ее к своему очагу. У него уже было две жены. Одна из жен сказала ему: «Лучше бы взял женщину покрупнее, чтобы она могла мне носить хворост. А ты привел маленькую и слабую, она же еще почти девочка». Потом, обратившись к Хохотами, добавила: «Не плачь, почему ты плачешь? Тебе будет хорошо». Так мы с Хохотами расстались навсегда.

Несколько дней спустя Рохариве решил приготовить кураре. Он собрал всех и заговорил громко, как священники, когда они читают проповедь прихожанам: «Я приготовлю мамокори*. У кого его нет, пусть поможет мне, а у кого есть, пусть выйдет на тропу, чтобы охранять нас от врагов. И пусть каждый запомнит: сегодня ночью никто не должен спать с женщиной. Потом я испробую мамокори на обезьяне. Если обезьяна не умрет, значит, кто-то из вас ночью был с женщиной. Тогда в следующий раз я прогоню всех и сам приготовлю яд».

Впоследствии я не раз видела, как яноама готовят кураре. Сначала они разыскивают в горах большие лианы, которые не растут в долинах. Лианы эти, как и сам яд, называются мамокори. Когда индейцы, охотясь, встречают эти лианы, они оставляют на них метки, чтобы потом легче было их найти и срезать. Затем начинают спешно строить хижины, потому что обычно дух — хозяин яда в гневе насылает на индейцев дождь. После этого на больших листьях хорошенько растирают срезанные лианы. Индейцы очень боятся, как бы дождь не замочил эти листья, тогда яд будет слабым, нестойким. Теперь остается ссыпать растертые лианы в большие пакеты из листьев, уложить их в корзины и вернуться в шапуно. Тем временем другие мужчины делают из планок пальмы бакабе — своеобразную решетку и ставят ее высоко над костром. На решетку кладут пакеты с мамокори, чтобы они как следует подсохли. Яноама верят, что, если дети дотронутся до мамокори или сядут на решетку, их начнет рвать и они заболеют.

На следующее утро все мужчины, которые готовили кураре, раскрасили углем лицо, тело, ноги. Кураре тоже оружие воина, и потому он должен раскрасить себя черной краской, говорят индейцы. В день приготовления яда воины не едят, а женщины не должны мыться, иначе яд не убьет ни животных, ни людей. Беременные женщины не могут смотреть, как приготовляют яд, потому что младенцы у них в животе помочатся на яд, и

---

* Мамокори означает «кураре» на языке индейцев яноама.— *Прим. авт.*

тот станет слабым. Индейцы никогда не начинают готовить яд на рассвете — в это время олень еще бродит по лесу и мочится. Олень, понятно, мочится далеко от селения, но, по убеждению индейцев, он мочится прямо на яд. Примерно в шесть утра Рохариве и другие индейцы отправились в лес, чтобы собрать кору растения ашукамакей, которое делает яд более сильным. У этого растения тонкие, длинные листья.

Вернувшись в селение, все стали приготовлять яд. Рохариве послал двух мальчишек на реку за водой. Он их предупредил, что они не должны заходить в воду, а доставать ее нужно, стоя на рухнувших деревьях. Если они замочат ноги, он пошлет других ребят. Потом Рохариве разложил на земле широкие листья и высыпал на них один или два килограмма растертого в порошок мамокори. Затем поднес к листьям две головешки и стал дуть на них, чтобы огонь разгорелся сильнее. Когда листья и сам порошок почернели, Рохариве погасил огонь. Потом смешал мамокори с завернутым в листья и растертым в порошок растением ашукамакей, тоже хорошенько подогретым на огне. Вместе с теплом из растертой коры ашукамакей на мамокори вытекала жидкость. После этого Рохариве что есть силы стал растирать руками эту смесь до тех пор, пока она не превратилась в порошок черноватого цвета. Все это время Рохариве взывал к старой мамокори — матери яда. Наконец он сказал: «Теперь яд стал крепким, я чувствую, что мои руки устали и скоро уснут». Затем он ссыпал весь порошок в большие листья, сложил их вместе и спрессовал. Его помощник скрепил вместе три больших листа и сделал из них воронку, которую положил на скрученную лиану, державшуюся на вбитых в землю колышках. Потом прямо под воронкой вырыл яму и поставил в нее куйю. После этого положил в воронку обожженную и растертую в порошок смесь мамокори и ашукамакей. А затем стал очень медленно и осторожно лить на смесь горячую воду, которую черпал маленькой куйей из стоящего на огне горшка. Некоторое время спустя в куйю, стоящую в ямке, стали падать капли цвета крепкого кофе. Тем временем Рохариве уже приготовил наконечники стрел из пальмы пупунье (иногда наконечники делают из пальмы пашиуба). Эти наконечники имеют глубокие надрезы, и, когда стрела ломается, ее куски остаются в теле. Рохариве вставил штук двадцать совершенно одинаковых наконечников в своеобразную твердую ручку, сделаиную из свернутых листьев. Затем взял длинную кисть, окунул ее в куйю с бурой жидкостью и провел этой мокрой кистью по наконечникам, подогретым на костре, три раза с одной стороны, три раза — с дру-

гой. Когда яд стал вязким и начал пузыриться, Рохариве снова провел мокрой кистью по наконечникам стрел, но теперь уже по одному разу с каждой стороны. Он бдительно следил за тем, чтобы жидкость не сгорела, а испарялась медленно, постепенно. Наконец он пощупал наконечники пальцами, чтобы убедиться, хорошо ли подсох яд. Часа через два снова потрогал наконечники, но яд почему-то стал жидким. Тогда Рохариве набрал в рот краску уруку и поплевал ею на стрелы, чтобы яд схватился покрепче. Затем еще раз провел кистью по раскаленным наконечникам. Когда индейцы готовят яд, они не прикасаются к воде и потом не моют руки, а вытирают их листьями. Они говорят, что и два дня спустя руки сильно отдают горечью.

«Завтра проверим яд,— сказал наконец Рохариве.— Смотрите не попадите стрелой в обезьяну уишиа, иначе все стрелы заплесневеют».

У этой обезьяны есть бородка, она пепельного цвета; у самцов хвост длинный, а у самок — короткий. Ее, по поверьям индейцев, можно убивать лишь стрелой со старым ядом. Наступил вечер, а некоторые воины еще не успели нанести яд на наконечники. Тогда Рохариве сказал: «Соберите вместе остатки яда и слейте его в одну куйю, выройте яму и сверху прикройте листьями. Завтра закончите вашу работу».

На следующий день я увидела, как Рохариве подстрелил отравленной стрелой обезьяну. Вначале обезьяна продолжала прыгать с ветки на ветку, затем села, посмотрела вниз, помочилась и закачалась, словно пьяная, потом повисла на хвосте. Тогда Рохариве закричал: «Яд плохой! Я же вам не велел спать с женщинами, теперь весь яд пропал. Если нападут враги, вы не сможете их убить вашими стрелами». Мужчины вернулись в шапуно, соскребли кураре с наконечников и приготовили новый яд.

Несколько дней спустя воины отправились на охоту, убили обезьян и свиней. Мясо вокруг того места, куда вонзилась отравленная стрела, потемнело. Но индейцы, хоть оно и стало очень горьким на вкус, спокойно его съели. Они и детям говорили: «Не смотрите, что мясо горькое, съешьте его. Тогда, если в вас попадет отравленная стрела, вы не умрете». Индейцы не моют мясо животных, убитых свежим кураре, иначе, говорят они, яд перестанет убивать. А вот мясо животных, убитых старым ядом, они моют всегда.

На плантации возле кустов табака саматари тайком выращивают растения, которые на охоте и на войне имеют магическую силу. Чаще всего это луковичные растения, растущие под

землей. Индейцы обрывают листья и прикрывают растение от любопытных глаз корой деревьев. Женщины не знают о магической силе этих растений либо притворяются, будто не знают. Когда мужчины охотятся, например, на тапиров, то непременно берут с собой луковицу пири-пириоки, по форме напоминающей глаз тапира. Луковицу сначала высушивают на огне, потом очищают, смешивают с уруку, а затем натирают ею тело, стрелы, морду и лапы собак. Для каждого животного есть своя волшебная трава. На диких свиней охотятся лишь после того, как потрут себя, стрелы и собак размельченным корнем, по очертаниям напоминающим свиную морду. Туканов, попугаев, броненосцев, обезьян — всех их якобы можно убить с помощью волшебной травы.

УЧЕНИК КОЛДУНА

Когда начинает сильно дуть ветер, саматари обычно кричат женщинам: «Забирайте детей, приближаются хекура!» А еще они кричат: «С Большой реки идут хекура белых людей». Когда они так говорили, я думала: «Значит, Большая река недалеко отсюда?» Но, понятно, держала свои мысли про себя.

В селении посреди площади отдельно стояла хижина. В этой хижине спал в своем гамаке всего один юноша. Мне объяснили, что он готовится стать колдуном. Ни одна женщина, даже мать, не могла подойти к хижине, потому что хекура презирают женщин и сразу же убегают от них. Кроме юноши в хижине иногда ночевал мальчишка, которому полагалось приносить дрова и разводить огонь. Юноша, готовившийся стать колдуном, не мог мыться и не должен был слезать с гамака на землю, иначе хекура вернутся в горы, откуда они спустились к юноше. Кроме того, юноше запрещалось есть мясо. Через два дня после того, как он начал свой «пост», мужчины отправились в лес, добыли пчелиного меда, положили его в конической формы глиняный горшок, а оттуда немного меду слили в маленькую белую чистую куйю и дали ее юноше. Дно горшка специально протерли грубыми и острыми, как напильник, листьями. Ночью ему дали еще немного меду, потом утром и днем. Когда запас меда иссяк, мужчины пошли искать новый. Они отправились в лес, походили немного, вернулись и сказали: «Больше не нашли». Тогда тушауа Рохариве сказал: «Встаньте рано утром, идите в дальний лес и там ищите мед, пока не найдете».

Юноша не имел права выйти из хижины. Когда он уставал лежать в гамаке, то мог сесть на два деревянных обрубка, хо-

рошенько протертых травой. Однажды, когда старый колдун что-то объяснял своему ученику, соседи стали палить шерсть убитой обезьяны. Старик забегал, закричал, что духи — хекура ушли из селения и вернулись в горы. Всю ночь старик пел: «Мы, хекура, больше не вернемся к тебе. Мы живем слишком далеко, нас спугнули, и мы больше не вернемся».

Юноша зарыдал и стал в отчаянии бить себя по голове.

Этот юноша почти все время нюхал эпену. Ее вдувал ему в нос не старик колдун, а мальчуган, не познавший женщину. Он три раза дул юноше в левую ноздрю и три раза — в правую, потом уходил из хижины. Юноша вдыхал эпену также и ночью; от этого его лицо постепенно темнело. Старый колдун приходил к своему ученику рано утром и проверял, не забыл ли юноша вдохнуть эпену. Сам колдун тоже вдыхал эпену, но ему ее вдували в нос не юноши, а другие мужчины.

Постепенно ученик колдуна научился узнавать разных хекура. Вначале он научился призывать дух тукана, потом попугая, потом лесного павлина с белыми крыльями. Затем шли более трудные хекура: большого броненосца, маленького броненосца и многих других животных, вызывать которых умели лишь старые колдуны. Старик колдун учил своего ученика разным премудростям, но, что он ему говорил, никто в точности не знал, потому что он давал свои уроки ночью. Он заставлял всех тушить огни, потому что хекура не могут приблизиться к хижине, если горят костры.

Однажды, только я начала разжигать огонь, как старый колдун закричал: «Кто это зажег огонь? Сейчас я его поколочу палкой». Старуха тут же сказала мне: «Скорее туши». Во время урока старик вначале говорил тихо, а потом затягивал песню — это означало, что можно было разжигать огонь.

Когда юноша совершенно дурел от эпены и уже не держался на ногах, сзади становился мужчина и поддерживал его, а старый колдун расхаживал взад и вперед и пел. Юноша должен был потом повторять эти песни. После того как юноша заканчивал вторую песню, старик отходил подальше и говорил: «Ничего не слышу, пой громче». Юноша начинал петь сильнее, старик отходил еще дальше и повторял: «Пой громче, ничего не слышу». Если юноша путал слова, старый колдун сам повторял песню, чтобы ученик лучше запомнил ее. Потом он заставлял юношу, одуревшего от эпены, встать и ходить по хижине, громко напевая песни и размахивая руками. Ходить юноша должен был медленно, иначе непрочная дорога, по которой идут хекура, оборвется и они больше не откликнутся на зов.

Другие колдуны сидели рядом и повторяли: «Хорошо, очень хорошо!» Спустя некоторое время старик сказал другому старому, опытному колдуну: «Теперь твоя очередь учить его». Учителя могли меняться несколько раз. Одним вечером я услышала, как юноша пел самому себе: «Отец, хекура уже подходят. Они танцуя подходят ко мне, отец. Теперь я тоже стану хекура. Пусть больше ни одна женщина не приближается к моей хижине». В это время мимо хижины прошла женщина, пахнувшая краской уруку. Юноша громко заплакал: «Отец, эта проклятая женщина прошла возле хижины, и теперь хекура покидают меня. Они уже уносят свои гамаки». Он по-настоящему отчаивался: «Отец, хекура оставили меня одного». Тут старики стали ругать сразу всех женщин без разбору, хотя мимо хижины прошла всего одна.

Несколько недель спустя юноша, оттого что он вдыхал эпену и почти ничего не ел, так ослабел, что уже не держался на ногах. Его мать стала плакать, потому что сын уже не в силах был отвечать своему учителю. Она и тетки юноши сказали старикам: «Мальчик совсем обессилел, вы что, хотите уморить его голодом? Хватит его мучить». Но колдуны не слишком беспокоились за юношу. Наконец старый колдун позвал мальчишку, который вдыхал юноше в нос эпену, и велел ему согреть воду и помыть юношу, хорошо растерев ему тело листьями. Потом юношу обтерли корой деревьев. Другой мальчишка, который умел рисовать, нанес ему краской уруку, смешанной с углем, красивые волнистые полосы на ноги, тело и лицо.

Примерно через месяц, когда кончился срок обучения, юноша еле держался на ногах. У него была невеста, но он больше ни разу не подошел к ней.

Индейцы верят, что, если юноша, недавно научившийся всем тайнам колдовства, проводит ночь с женщиной, хекура потом так говорит ему: «Я пришел жить к тебе, но ты оскорбил меня. И теперь я ухожу вместе с другими хекура. Не зови меня, я не вернусь». Я сама не раз слышала, как поздно ночью юноша, плача, повторял нараспев: «Отец, хекура покидают меня, приди поскорей и удержи их». Приходил старик колдун и говорил: «Не плачь, лучше позови их и попроси прощения». Юноша продолжал рыдать: «Дочь хекура повернулась ко мне спиной и ушла. Все хекура отныне презирают меня и зовут шами (грязным). А теперь дочь хекура говорит мне: «Я думала, что ты наш отец, но ты осквернил меня, ты ничего не стоишь, оставайся же один».

Иногда старик колдун отвечал: «Ты не послушал меня, ночью спал с женщиной, вот хекура и ушли. И хорошо сде-

лали». Тут уж юноша начинал плакать. Потом приходили еще два-три старых колдуна, брали эпену, вдыхали ее юноше в ноздри и говорили: «Зови их громче. А мы тоже будем звать хекура, чтобы они вернулись к тебе». Они пели: «Хапо хе, хапо хе, хапо хе». Хекура отвечали: «Нет, мы не вернемся, он грязный, никчемный человек». Тогда старики говорили: «Больше звать бесполезно. Хекура навсегда ушли от тебя».

ЯГУАР

Тем временем патаманибуэтери, которые вместе с саматари пошли войной на хекураветари, чтобы похитить их женщин, решили вернуться в свое шапуно. Возвращались они недовольные, потому что им удалось захватить всего одну женщину. После их ухода Рохариве сказал: «Лучше и нам уйти, часть шапуно опустела. А когда так бывает, приходят болезни и горе, налетают хекура и уносят детей» [15].

На следующий день Погекомематери, отец Рохариве, который распоряжался всем в отсутствие сына, спросил у него: «Слышал я, будто ты хочешь уйти из шапуно. Куда же ты держишь путь?» «На свою маленькую плантацию,— отвечал Рохариве.— Хочу выжечь лес, чтобы она стала больше». «Я не пойду с тобой,— сказал старик.— Хочу сходить за муму [16]. Мне сказали, что его много и что плоды почти созрели. Когда они начнут падать с веток, я тебя извещу. А ты не уходи далеко от плантации».

Вместе с Рохариве, его братом Сибарариве (сибара означает «нож»), с другими четырьмя мужчинами и множеством женщин я отправилась на плантацию. У вождя Рохариве было четыре жены: первая — саматари, вторая — арамамисетери, третья — караветари, захваченная в походе, и, наконец, красивая караветари, которую Рохариве увел вместе со мной во время последнего набега. Отправилась и Хохотами, у мужа которой была плантация неподалеку от плантации тушауа. Я была вместе с дядей тушауа, его женой, младшей дочерью, тремя его малышами и двумя старшими дочками. Мы шли весь день, подымались в гору, спускались. Плантация тушауа была на противоположном берегу реки. Там росло много бананов четырех различных видов. Жена тушауа сказала: «Длинных бананов еще нет, соберем пока те, которые почти созрели». Она собрала большую связку и половину бананов дала нести мне, а другую половину — одной из дочерей. Еще на плантации росло много ухины — растения с широкими мяси-

стыми листьями. Индейцы варят на огне корни ухины, похожие на большие картофелины. Жена тушауа рассказала мне: «Прежде ухину ели юрупури (черви), которые в те времена были людьми. Это юрупури научили яноама сажать ухину и срезать корни. Теперь, когда черви поедают корни ухины, индейцы говорят, что это прежние хозяева пришли полакомиться своей любимой едой».

Мы пробыли на поле несколько дней. «Верно, Большая река очень далеко отсюда»,— подумала я. Нас окружали одни лишь скалы. В лесу пели какие-то диковинные птицы. Ночью со всех сторон доносился свист маленьких тезирорума. Это были не птицы, а лесные духи. Индейцы не боятся птиц, но свист тезирорума нагоняет на них страх.

Несколько дней спустя отец тушауа Рохариве прислал гонца. Тот передал, что муму созрела и что река стала красной от плодов. Одна из жен тушауа сказала: «Я пойду, я очень люблю есть муму вместе с мясом броненосца». Вернулся Рохариве и сказал жене: «Ты иди, а я останусь. Я еще не посадил всех бананов и к тому же должен выжечь еще один участок леса». Я тоже осталась. Когда другие отправлялись работать в поле, я присматривала за детьми. Детей было шестеро.

Три дня спустя мы тоже отправились за муму. Когда индейцы хотят сохранить надолго плоды муму, они сначала высушивают их над костром, а потом хранят в сухих пещерах на деревянных решетках. Когда же они хотят съесть муму сразу, то кладут плоды в воду. Но перед этим, чтобы выгнать из плодов яд, их недолго кипятят в горячей воде. Муму едят с мясом броненосца, крокодила и птиц. Каждый плод нарезают на мелкие дольки примитивным ножом, сделанным из нижней части панциря черепахи. Те индейцы, у которых нет глиняных горшков, используют кору деревьев. В ней они готовят на больших праздниках банановую кашу. Обычно плоды муму варят мужчины, потому что женщины часто отвлекаются и болтают, и кора может сгореть. А мужчины внимательны и молчаливы. Перед тем как варить плоды муму, с них счищают твердую кожу. Когда вода закипает, мужчина-повар палочкой начинает перемешивать муму, чтобы верхние плоды тоже стали мягкими. Мягкие плоды индейцы вымачивают в проточной воде, чтобы из них вышел остаток яда. Во время праздников индейцы едят банановую кашу — мингау, приготовленную в глиняных горшках. Вдовы, у которых нет таких горшков, используют для готовки маленькие куски коры.

Однажды дядя тушауа сказал: «У реки много броненосцев. Завтра пойдем за ними». На следующий день вместе с же-

ной вождя, ее дочерью и сыном мы пошли к реке. Шли долго, пока не добрались до берега. Дядя нашел нору броненосца. Когда индейцы замечают следы этого животного, они идут по ним до тех пор, пока не увидят нору. Чаще всего броненосец роет свою нору возле реки. Индейцы ложатся у норы и слушают, и, если узнают, что броненосец сидит там, кладут у выхода ветки и отправляются на поиски старого хвороста, который дает много дыму. Потом разводят костер, жгут куски купима, который тоже сильно дымит, кладут их в нору и заваливают выход землей и грязью. Они оставляют лишь маленькое отверстие, чтобы через него вдувать огонь. Броненосец начинает задыхаться, царапать землю лапами, подползает к выходу из норы и тут умирает. «Броненосец задохнулся»,— сказал дядя тушауа. Он стал раскапывать нору заостренной палочкой, заглянул внутрь, но ничего не увидел. Тогда он взял палку подлиннее и стал ею шарить в норе. Потом сказал, что нащупал мертвого броненосца. Его дечь влезла в нору, схватила броненосца за хвост, но вытянуть не смогла. Тогда дядя тушауа расширил нору, и дочь вытащила броненосца наружу.

Дядя тушауа спустился к реке, вскрыл броненосца и вынул кишки. Жена его сказала: «Я хочу сварить печень». Она проткнула печень тоненькими палочками и выбросила всю желчь. Потом вынула сердце и также проткнула его палочками, а затем то же самое проделала с почками и селезенкой и завернула все это в листья пишиаанси. Костер уже горел. Тем временем дядя тушауа жарил броненосца на высокой решетке. Затем он отрезал хвост и тоже стал его поджаривать над огнем. Жене он приказал: «Ты переворачивай, а я пойду поохочусь».

Еще издалека он крикнул нам: «Идите есть инайю». Его жена сняла мясо броненосца с огня. Дядя вождя срубил пальму инайя, каждый из нас взял по куску ее сердцевины. Мы вернулись к костру, а дядя вождя снова отправился на охоту. Мы опять поставили печень на огонь, с листьев стекала желтоватая жидкость. Жена дяди вождя посмотрела и сказала: «Еще не готова». Она до тех пор переворачивала печень над костром, пока стекавшая вниз жидкость не стала чистой, как родниковая вода. «Вот теперь готова»,— сказала женщина. Потом мы сварили на огне другие внутренности и сытно поели.

Немного спустя вернулся с охоты дядя вождя, который принес маленькую живую обезьянку уиши. Он подстрелил мать обезьянки, и та убежала, оставив детеныша. Жена сказала ему: «Отнесем обезьянку в селение, я хочу ее приручить». Дядя вождя снял с огня обжаренного броненосца и положил

его в траву остывать. Его жена открыла пакетик из листьев, в который была завернута печень, и поделила ее между нами. Когда мясо остыло, его завязали лианами. «Броненосца ты понесешь»,— сказала мне женщина и лианами привязала мне куски мяса к спине. Неожиданно стемнело. Началась буря. Я немного отстала и бегом бросилась догонять ушедших вперед. Я бежала по тропинке, которая, как мне показалась, вела к хижине. Лил дождь, а я бежала и бежала, пока не добралась до берега реки. Пыталась отыскать следы в прибрежной грязи, но так и не нашла. «Может, следы не видны из-за дождя»,— подумала я. Я звала, кричала, но никто не откликался.

Потом дождь перестал. Неподалеку я увидела высокие скалы и сразу их узнала — меня вместе с другими женщинами приводили сюда саматари. Я вспомнила, что мужчины говорили, будто здесь прячутся ягуары. «Где вы?» — отчаянно закричала я, но в ответ услышала лишь птичий свист. Небо снова потемнело, прямо передо мной была большая скала. Эту скалу и показывали мне воины, когда рассказывали про логово ягуара! Они еще тогда сказали: «Бегите, здесь его логово». На бегу я увидела в расщелине скалы голову ягуара. Такого ягуара я прежде никогда не видела. Он был не пятнистый и не красный (индейцы зовут его кинтанари), а темно-коричневого цвета с длинной шерстью на голове. Это был горный ягуар.

На этот раз я была совсем одна. Когда я прошла мимо пещеры, зверь зарычал протяжно и страшно: «еу, еу, ууу». Я очень испугалась и что есть мочи побежала к реке. Наступила ночь, а я все бежала неизвестно куда, звала, звала. Сначала я спустилась к реке, потом взобралась на какую-то крутую голую скалу. Ночь была темная, без единого проблеска. Я очень устала, положила на землю кусок инайи и пошла дальше.

Во тьме я наткнулась на скалу и стала подыматься по ней. Скала вся поросла кустарником. Наконец я добралась до вершины. Там росли лианы. Я оступилась, отчаянно ухватилась за куст, но он подался и тоже пополз вниз вместе со мной. Потом корни не выдержали моего веса, и я полетела вниз. Скатилась в какую-то расщелину, ударившись лбом о камень. Из раны потекла кровь. Спина от удара распухла.

Не помню уж, сколько времени я пролежала так. Только вдруг я услышала, что вода — «тук, тук, тук» —ударяется о камень, и открыла глаза. Кругом было темным-темно, в горле саднило. Я попробовала подняться, но не смогла. Потом все-таки сумела встать. Лиана, которой был обвязан броненосец, сдавила горло, я перекусила ее зубами, и он упал на землю.

Неподалеку слышался шум воды. «Тут поблизости должен быть ручей». Я еле держалась на ногах. Попыталась отыскать ручей, но в лесу было очень темно, лишь высоко в небе мерцали звезды. «А что, если появится ягуар?» Я отыскала тонкое дерево и стала взбираться на него. «Ягуар не влезет на тонкое дерево»,— с облегчением подумала я. Когда я влезла на дерево, ядовитый муравей токандира укусил меня в ногу, другой — в пятку. Я попыталась сбросить их, то тут еще один муравей укусил меня в руку. Тогда я спустилась вниз и угодила прямо в муравейник. Токандира всю меня искусали. Тут я не выдержала и разрыдалась в голос. «Господи, куда теперь идти. Как больно! Лучше мне было сразу умереть!» Я прошла еще немного, потом остановилась — иссякли последние силы. «Переночую здесь»,— решила я. Внезапно я увидела невысокое дерево. Из него индейцы приготовляют эпену, которую потом вдыхают колдуны. Ветки этого дерева похожи на зонтик. Я задыхалась от боли, но все-таки сумела добраться до первых веток. «Нет, слишком низко, ягуар может допрыгнуть». Не помню уж как, но я вскарабкалась по стволу немного повыше. «Нет, и здесь ягуар сумеет меня достать»,— решила я. Наконец я доползла до двух самых высоких веток, уселась на них и ногами крепко обхватила ствол.

Ночью меня больше всего донимали комары. Прежде я никогда не видела таких больших комаров. Красные с белым брюшком, индейцы называют их якамин, комары-жакамины (птички), целиком красные — комары-олени, беловатые — комары-броненосцы. Все они нещадно кусали меня. Я плакала и молилась богу.

Не знаю, сколько прошло времени, но только вдруг я услышала, что внизу под деревом ходит ягуар. Он сопел, словно бык. Я до смерти испугалась, затаила дыхание и еще крепче прижалась к стволу. А ягуар стал царапать когтями кору: «крех, крех, крех». Дерево закачалось. «Если он заберется вверх, что тогда делать? Сломаю ветку и ударю его по морде». Я смотрела вниз. Но было совсем темно, и я ничего не видела. Облака скрыли от меня даже и звезды. «Ягуар ударом своих лап сбросит меня на землю и там загрызет». Я снова громко заплакала. Но зверь на дерево так и не влез. Он ушел, потом вернулся и попытался взобраться на дерево с другой стороны. Он шипел и фыркал в темноте, точно огромный кот. Я совсем обессилела и чувствовала, что вот-вот упаду. Но я говорила себе: «Светает, уже утро». Но это было не утро. Просто облака поредели и на небе снова засверкали звезды. Когда же наступит утро?»

Едва забрезжил рассвет, ягуар исчез. Я смотрела вниз и никак не решалась спуститься. Вблизи послышался женский голос. Я не ответила. Но женщина продолжала кричать: «Напаньума, дочь белого человека, где ты, отзовись? Иди ко мне».

Тогда я крикнула: «У-у-у». Женщина подбежала к дереву. Это была жена дяди тушауа. Она отыскала меня по следам. Я слезла и села на землю. Женщина посмотрела на меня и заплакала. «Где ты была?» «Вы бросили меня,— ответила я.— Я вас звала, но вы были уже слишком далеко. А потом я упала со скалы. Броненосца оставила вон там». Женщина снова посмотрела на меня и спросила: «Ты не разбилась?» Она заставила меня повернуться и увидела нарыв на спине. Она сильно надавила, и я громко вскрикнула — так мне было больно. Женщина заплакала от жалости ко мне, и я тоже заплакала.

«Бедняжка,— сказала она,— как же ты с таким нарывом могла взбираться на скалу! Покажи, где ты упала? Броненосец там остался?»

Мы пошли к скалам. «Неужели ты не поняла, что это скала?» — «Было темно, я думала, что карабкаюсь вверх по тропинке. А когда оступилась, то уцепилась за какое-то деревце, но корни не выдержали и поползли вниз».

Женщина нашла броненосца, связала лианами и взвалила тяжелую ношу себе на плечи. «А теперь пошли, только медленно. Ведь быстро идти ты не можешь»,— сказала она.

Наконец мы добрались до селения. Жена дяди тушауа дала мне соку пальмы бакабе и плодов муму. Когда я поела, она сказала: «Ложись в гамак, отдыхай». Она согрела воду и промыла нарыв. Мне было больно, и я тихо постанывала. «Ложись и постарайся заснуть. Ты же всю ночь не спала»,— сказала мне эта добрая женщина.

ЗРЕЛОСТЬ. БОЛЬШАЯ ЖАБА

В селении, куда мы пришли, две девушки были «на карантине» [17]. Девушек двенадцати — пятнадцати лет, когда они окончательно формируются и у них начинаются месячные, помещают «на карантин», а проще говоря за высокую изгородь, сделанную из веток пальмы ассай и веток мумбу-жены. Все ветки крепко связывают лианами, чтобы девушек нельзя было увидеть. Оставляют лишь маленький проход. Мужчины и мальчики не смеют даже смотреть в сторону изгороди. Горящий очаг и гамак — вот и все, что есть в «карантине». Гамак должен быть хорошо натянут, не то девушка будет горбатой. Мать девушки и ее подруги одни могут зайти и поддержать

огонь. Очаг должен гореть беспрестанно весь день, иначе небо потемнеет и начнется дождь. Если небо заволакивают тучи, старики спрашивают у родителей девушки: «Горит за изгородью огонь? Вы что, не видите, как потемнело вокруг? Сейчас гром извергнет огонь».

Девушка должна лежать в гамаке молча. Она даже не может заплакать. Для отправления естественных надобностей мать оставляет ей большой лист. Если у девушки есть отец и братья, они должны спать в гамаках отдельно, по ту сторону изгороди.

Во время «карантина» девушка почти ничего не ест. В первый день она не ест и не пьет, во второй — может пить воду, потягивая ее тонкой бамбуковой соломинкой из куйи. Пить воду прямо из куйи нельзя, потому что от этого портятся зубы. На третий день мать девушки варит маленькие бананы, которые индейцы называют сайо томе. Если, не дай бог, банан на огне обгорит, это значит, что девушка скоро умрет. Когда бананы становятся мягкими, мать снимает кожуру и дает три теплых банана дочери. В последующие дни девушка ест только бананы.

Так, в полном одиночестве, проходят три недели. Потом на рассвете мать девушки снимает изгородь, связывает ветки лианами и кладет их на землю. Девушка еще не может смотреть на мужчин. Но ей уже разрешается говорить, правда лишь вполголоса. Тем временем мать разогревает воду и тщательно моет дочь теплой водой. Затем берет уруку и раскрашивает тело девушки, но никаких линий или рисунков не делает. Еще через несколько дней мать девушки сжигает сухие листья бананов, а девушка при этом стоит рядом. Мать берет ее за руку и обводит вокруг костра. С этого момента девушка может говорить со всеми. Затем мать и подружки отводят девушку в лес и там украшают ее цветами, вернее, зелеными листьями пальмы ассай. Мать разрисовывает эти листья тоненькими полосками. Женщины связывают листья нитью и делают красивые гирлянды, которые вешают девушке на руки. Надевать гирлянды обязательно нужно на скале, а не на земле, не то девушка быстро умрет. Потом мать говорит одной из женщин: «Подрежь моей дочери волосы». И женщина, поплевав девушке на голову, чтобы длинные жесткие волосы стали помягче, приступает к стрижке.

Мать приносит с собой и пакет красной и черной краски уруку, а также длинные и короткие нити. Одна из женщин начинает осторожно раскрашивать красным уруку тело девушки, и оно становится розового цвета. Затем черным уруку

красивыми волнистыми линиями разрисовывает лицо и грудь девушки. Когда «художницы» заканчивают свою работу, другие женщины продевают девушке в уши листья пальмы ассай, потом аккуратно подрезают их, чтобы они были точно одинаковой формы.

В отверстия в уголках рта нижней губы подружки девушки вкладывают цветные кисточки. Тем временем одна из женщин готовит тонкую белую палочку, гладкую-прегладкую, и вкладывает ее девушке в отверстие между ноздрями. Затем запястья и колени девушки перевязывают белой тканью. Грудь пониже сосков тоже обматывают белой тканью и завязывают ее крест-накрест на спине.

Украшенная цветами, с телом, разрисованным красным и черным уруку, девушка и впрямь выглядит очень красиво! Придирчиво оглядев ее, женщины говорят: «Теперь можно идти». Девушка выступает впереди, за ней — женщины и ребятишки. Они проходят через всю площадку, чтобы каждый мог своими глазами убедиться, как прекрасно наряжена девушка. Медленными шагами девушка приближается к семейному очагу и садится в гамак. Всеми приготовлениями к обряду ведает мать девушки. Мужчины в этом не принимают ровно никакого участия.

Еще несколько месяцев я прожила в селении саматари в семье дяди тушауа. Теперь вместе со мной в гамаке спал их маленький сын. Я всюду брала его с собой, поэтому жена дяди тушауа любила меня. Вообще все саматари хорошо относились ко мне. Тушауа сказал однажды: «Напаньума не привыкла есть коренья, если у вас будут бананы, дайте немного и ей». С тех пор, когда женщины возвращались с плантации с бананами, они всегда угощали меня.

Некоторые из пленниц караветари завидовали мне. Одна из них все время повторяла: «Напаньуме они все дают, а мне ничего. Нас заставляют таскать воду и хворост, работать вместе с мужчинами в лесу, а ее нет». Другие женщины караветари тоже недолюбливали меня.

Случилось так, что дядя тушауа вместе со своей семьей отправился на дальнюю расчистку собирать уруку. Его жена хотела взять меня с собой. «Разве ты не знаешь, что караветари и хекураветари только и ждут удобного случая, чтобы украсть наших женщин?! — сказал ее муж.— Лучше оставим Напаньуму с женой моего брата».

У этой женщины тоже был маленький сынишка, и я стала ухаживать за ним. Она тоже была доброй и ни разу даже не обругала меня.

Спустя несколько дней я вместе со своей новой хозяйкой, ее дочкой, внучкой и множеством мужчин, женщин и детей отправилась искать мед. В селении осталось лишь несколько мужчин. В лесу мы нашли фруктовое дерево мукунья. Оно с виду похоже на банан, но только плоды у него на самом верху. Мужчины срубили дерево, а мы собрали плоды. Потом муж моей хозяйки крикнул: «Вот он мед». «Каких пчел? — спросила жена.— Тех, у которых на крыльях пятнышки? Этот хороший, вкусный». Мы собрали много меду и отправились домой. Мы спускались вниз по скале, как вдруг я увидела между камней огромную коричневую жабу. Я смотрела на нее, а она смотрела на меня своими круглыми глазами. «Напаньума нашла жабу»,— воскликнула девочка и схватила ее за лапу. Когда мы подошли к реке, муж моей хозяйки выдавил мед в большой лист, и мы все им полакомились. Потом мужчины убили жабу, сняли с нее кожу, вымыли в реке. Индейцы называют коричневую жабу уанакоко. Голову жабы они выбросили (других жаб они едят вместе с головой), потом зубами вырвали когти. Одна из женщин сказала: «Вскройте ей вены, пусть вытечет вся кровь, потому что она ядовитая». «Значит, жабы ядовитые?» — удивилась я. У этой жабы было много икринок. Когда мы собрались уходить, та самая караветари, которая все время жаловалась, что к ней относятся плохо, а ко мне хорошо, взяла жабьи икринки, завернула их в лист и протянула мне. «Возьми,— сказала она,— потом съедим».

Наконец мы добрались до селения. Моя хозяйка разожгла огонь, и мы улеглись в гамаки. Хозяйка дала мне своего сына и сказала: «Подержи, я хочу сварить плоды». Когда плоды сварились, я поставила на огонь свой пакетик с жабьими икринками. «Что это?» — сказала хозяйка. «Сама толком не знаю,— ответила я.— Мне это дала караветариньума *» Когда я открыла пакетик из листьев, дочка моей хозяйки спросила: «Что там у тебя? Я тоже хочу». «Это жабьи икринки,— сказала я.— Мне их дала караветариньума. Я никогда не ела жабьих икринок. Но может, караветари их едят».

Девочка сунула в рот горсть икринок, потом сказала: «Они очень горькие и плохо пахнут».

Подошла еще одна девочка, взяла и тоже съела несколько икринок. Вдруг она сказала матери: «Сейчас меня вырвет». Мать сказала ей: «Наверное, объелась медом. Выйди из хижины и зайди за угол». Когда девочка вернулась, ее шатало, словно пьяную, и она сразу легла в гамак. Мать заволнова-

---

* Ньума на языке яноама означает «женщина».— *Прим. авт.*

лась: «Что с тобой?» Пришел один из мужчин, посмотрел на девочку и сказал: «Может, это хекура наших врагов хотят ее убить?» Мать взяла девочку на руки, все столпились вокруг, но никто не знал, как помочь бедняжке. Немного спустя девочка умерла. Ее мать заплакала, закричала, и мы все тоже громко заплакали.

Вскоре дочь моей хозяйки тоже начало рвать, на губах у нее выступила пена. «Что ты такое съела?» «Жабьи икринки»,— ответила девочка. Тут одна высокая, сильная женщина, которую саматари похитили у намоетери, воскликнула: «Неужели вы не знали, что жабьи икринки ядовитые?! Когда я жила в нашем шапуно, пять детишек намоетери умерли оттого, что съели жабьи икринки. Мы отправились собирать муму, а малыши взяли и сварили эти икринки, потом съели их. И все пятеро умерли, один за другим». «Кто тебе дал жабьи икринки?» — спросила женщина у девочки. «Мне их дала Напаньума».

Мать умершей девочки бросила на меня гневный взгляд. Потом закричала: «Убейте Напаньуму! Убейте Напаньуму! Пусть она умрет, как умерла моя дочка. Не хочу видеть ее живой. Если она останется жить, мое горе будет еще тяжелее». Я ей сказала: «За что ты хочешь меня убить? Я же не знала, что это яд. Мне их самой дали, я ничего не знала». Но женщина продолжала кричать и плакать.

Поздно ночью хозяйка разбудила меня. «Вставай,— сказала она.— Беги, пока не поздно. Видишь огонь вон там? Это воины готовят ядовитые стрелы. Ты убила девочку ядом, и тебя хотят убить ядом. Беги, беги!»

«За что меня убивать?! Я никому не сделала зла. Я устала и хочу спать». «Беги, тебя никто не станет защищать»,— повторила женщина. Она дала мне две головешки и подтолкнула к выходу: «Скорее беги! И побудь в лесу ночь или две. Потом, когда вернешься, они уже не убьют тебя».

Я побежала к лесу. Когда я уже была далеко от шапуно, то услышала крики мужчин, ворвавшихся в хижину. «Напаньумы нет, ее здесь нет»,— громко отвечала женщина. Тогда мужчины стали искать меня возле хижины. Я медленно шла к старой расчистке в лесу. Было совсем темно, а кругом рос колючий кустарник. Возле расчистки отдыхал олень. Увидев меня, он с шумом бросился в лесную чащу. Воины решили, что это я, и закричали: «Пей хав, пей хав. Напаньума ка!» — и помчались вслед за оленем. Я спряталась за побегами бананов. Наконец мужчины по следам определили, что это

был олень. Кто-то из них сказал: «Напаньума превратилась в оленя! Напаньума превратилась в оленя!»

Потом в лесу все стихло. Я села на пень, прикрыла головешки, чтобы их не было видно. Индейцы стали перекликаться птичьими голосами. Потом снова стали переговариваться. «Не видели ее?» — «Нет, это был олень».— «Здесь она не проходила. Может, она все еще прячется позади хижины». Когда они ушли, я прислонилась к стволу дерева. Мне было страшно. Из селения доносился плач женщины и крики мужчин. «Почему они так хотят убить меня?» Я горько заплакала и никак не могла унять слез.

Потом я углубилась в лес; взошла луна. Возле меня на невысоком дереве запела какая-то птица: «ту-ту-ту». Я влезла на дерево —птица сидела в гнезде. Я взяла палку и сильно ударила птицу по голове, и она упала на землю. Птица была большая, с длинными когтями. Прежде я таких птиц ни разу не видела. «Можно ли ее есть?» Я сорвала лист, снова влезла на дерево, положила в лист птичьи яйца и спустилась вниз. Птицу я оставила возле головешек, а сама отправилась на расчистку — набрать бананов. С нескольких гроздьев сорвала по банану, вернулась в лес и стала ждать, когда рассветет.

Наконец наступило утро. Из селения доносился женский плач. Потом почти рядом послышались голоса: «Может, она убежала далеко в лес» — «Да нет, куда ей бежать? У нее нет ни отца, ни матери и потом она ведь не яноама». Двое мужчин прошли мимо, не заметив меня. Когда стало совсем светло, я сделала из листьев три пакета: один с птичьими яйцами, второй с бананами, третий с убитой птицей — и крепко связала их лианами. Затем аккуратно прикрыла листьями свою «стоянку» и пошла куда глаза глядят. Одно утешало меня — со мной были две тлеющие головешки.

Вдалеке я увидела высокие скалы. Я вошла в какую-то пещеру и увидела, что она сквозная — с другой стороны проникал свет. Здесь в скалах было много воды, маленькие жабы бормотали свое: «прин, прин, прин». Небо было голубым и чистым. Я ушла далеко от шапуно, и теперь уже не слышно было ни плача, ни криков. Немного отдохнув на камне, я стала собирать сухие ветки. Взяла головешку и разожгла костер. Он задымил, и я со страхом следила, подымается ли дым вверх, прямо к небу. Если дым низко стелется по лесу, индейцы издали по запаху определяют, где находится костер, и быстро его находят. Я обмыла птицу в ручье, завернула в листья и поджарила на костре. Когда я ела, издали до меня донеслись крики: «ау, ау, ау». Как видно, саматари отправились в лес, чтобы

привязать к веткам дерева умершую девочку и потом сжечь ее. Мимо, горько плача, прошли женщины. Одна из них крикнула: «Напаньума, где ты? Отзовись!» Но я не ответила.

Немного спустя я вылезла из-за камня, но тут меня увидели птицы, которые, когда заметят кого-нибудь, кричат: «кан, кан, кан». Птицы кричали очень громко, и я снова спряталась за скалу. Когда в лесу все стихло, я взяла головешки, взвалила за спину пакет с птицей, бананами и птичьими яйцами и снова пустилась в путь. Я надеялась отыскать дорогу, которая привела бы меня к селению другого племени. Я нашла в лесу большую чистую тропу; мне рассказывали, что эта тропа ведет к селению патаманибуэтери. Они жили в горах, но тоже принадлежали к племени саматари. Я было пошла по тропе, но потом подумала: «Мать умершей девочки все равно узнает, они придут и убьют меня».

Вечером полил дождь, и я испугалась за головешки. Я хорошенько прикрыла их листьями. Потом я увидела дикие бананы, индейцы называют их коабока. Я взяла камень и стала им бить по тонкому стволу. Била до тех пор, пока ствол совсем не истончился. Потом ударила камнем с другой стороны, и ствол рухнул. Тогда я еще была сильной, очень сильной. Плоды были спелыми; я сорвала их, разожгла костер и сварила. В тот день я съела только эти бананы, а птицу приберегла на завтра. Костер я огородила ветками пальмы ассай и легла спать на голом камне. Всю ночь я молилась.

Когда рассвело, я пошла вдоль игарапе. Затем забралась на скалу, чтобы осмотреться. «Кто знает, может, поблизости есть разработки балаты [18]»,— подумала я. Я несколько раз громко закричала, но мне никто не ответил. Мне стало очень грустно. «Вот теперь я заблудилась»,— сказала я себе и горько заплакала. С горы видны были только лес да другая высокая гора. «А не та ли это гора, вблизи которой жил друг моего отца по имени Алозио,— с надеждой подумала я.— Тогда неподалеку должна быть Большая река». Я вскарабкалась на вершину горы и крикнула изо всех сил: «Эйй, Эйй!» В ответ лишь крики обезьян, передразнивавших меня. «Если б вы были людьми, то увидели бы, как я плачу, и пожалели меня»,— подумала я и разрыдалась.

С вершины горы не было видно никакой реки — одни горы и лес, голубое и синее — слева, голубое и синее — справа. «Где-то тут должна быть гора Кукуй? — подумала я.— Она очень высокая, и ее видно издалека». Я смотрела до боли в глазах, но ничего не узнавала. Вернулась назад, поела немного птичьего мяса, легла и уснула. На следующий день соорудила загород-

ку вокруг костра, доела бананы и птицу. Утром вспомнила, что индейцы рассказывали, будто на горе растет дикий картофель кара [19]. Я и в самом деле нашла его и снова легла спать не очень голодной.

Ночью мне приснился сон. Чей-то голос сказал: «Что ты здесь делаешь? У лесного ручья? Каждую ночь к нему приходит ягуар. Если ты останешься тут, ягуар тебя съест». Я проснулась, села, судорожно перекрестилась и стала озираться. Вокруг было тихо. Тогда я подумала: «Это был призрак. Быть может, душа моей умершей сестренки. Что же мне делать? Если я вернусь в шапуно, меня убьют. За что я так мучаюсь? Почему господь бросил меня здесь одну? Я никому не причинила зла. За что же господь решил меня покарать? За что?» И я опять расплакалась. «Ну и пусть меня убьют! Пусть меня убьют сегодня, но я вернусь. Больше я так не могу». Я сильнее боялась ягуара, который мне приснился, чем стрел саматари. Я взяла головешки и побежала назад к шапуно. Два больших тапира кормились возле тропинки. «О, тапиры, почему вы не люди?» И побежала дальше. К вечеру я услышала чьи-то голоса. Я свистнула, чтобы позвать людей, но потом испугалась и спряталась за куст. Наконец я подошла к шапуно саматари, взобралась на дерево и увидела человека, который вдыхал эпену и пел. Из его песни мне запомнились такие слова: «Пришли хекура, сели мне на грудь и запели. Я ни разу не спугнул их, когда они приходили, я не спал ни с одной женщиной!» Я подумала: «Может, это вернулся дядя тушауа? Не он ли это поет?» Но это был не он. Я узнала человека, певшего про духов, его звали Куираси.

«Я никому не сделала зла. Вернусь к той женщине, у которой жила последнее время. Может, через час меня убьют. Они захотят отомстить за девочку, ведь они уверены, что это я ее отравила». Я перекрестилась и пошла прямо к селению. Обогнув шапуно, я приблизилась к очагу моей хозяйки, раздвинула листья и вошла. Девочка сразу меня узнала и воскликнула: «Напаньума ка!» Ее мать вытаскивала занозы из ноги. Она удивленно взглянула на меня. «Я вернулась!» — сказала я. «Сейчас дам тебе поесть,— сказала моя хозяйка.— Подожди, я схожу за водой». И ушла.

Мне было страшно оставаться одной с ее мужем, потому что в тот день он вместе с остальными хотел убить меня. Он встал, взял красную уруку и начал натирать им грудь. Потом провел черные полосы на груди и вокруг рта и большие красные полосы на ногах. «Он красится перед тем, как убить меня!» — со страхом подумала я. А муж хозяйки, кончив разрисовывать

себя, взял стрелы, которые висели высоко над огнем. Затем вынул из бамбукового колчана отравленный наконечник и вставил его в стрелу. «Сейчас он меня убьет». Сердце у меня забилось громко и быстро. Муж хозяйки взял лук и постучал пальцами по тетиве, проверяя, хорошо ли она натянута. Видно, она была натянута не очень хорошо, потому что он с одного конца отделил ее, подтянул и потом снова закрепил. Взял еще две стрелы и ушел.

Вернулась с водой моя хозяйка, и мне стало не так страшно. «Может, муж убьет что-нибудь,— сказала женщина.— Поэтому воду побереги, она нам еще пригодится». Она дала мне несколько бананов. Я была очень голодна, но не решалась приступить к еде — боялась, что муж хозяйки, обогнув шапуно, вернется и убьет меня. Но он не пришел. «Ложись в гамак»,— сказала мне женщина. Я поела бананов, легла в гамак и скоро заснула. Наутро женщина разбудила меня: «Вставай, возьми эти фрукты и свари их». Это были лесные плоды. Их разбивают, моют и потом вынимают белые семена, очень приятные на вкус. «Когда сваришь, возвращайся в шапуно,— добавила женщина.— Там есть сухое деревце. Принеси немного сучьев».

Все уже знали, что я вернулась, но никто ничего мне не сказал. Думается, они решили меня убить в тот самый момент, когда сожгли тело умершей девочки. Вскоре я заметила, что каждый из индейцев вынимает из своего очага горящую головешку. Тело девочки уже несколько дней было привязано лианами к высокому дереву. Потому все с зажженными головешками направились к лесу. Мужчин было мало, потому что многие ушли на охоту. Я осталась в селении почти одна. Мне было боязно и тоскливо.

Чуть позже подошла старуха по имени Укуема. «Я слышала, что они говорили про тебя, Напаньума,— сказала она.— Зачем ты вернулась?» «Вернулась, потому что не знала, куда деваться»,— ответила я.

ОТРАВЛЕННАЯ СТРЕЛА

Солнце уже стояло низко в небе, близился вечер. Я пошла за дровами. Вокруг никого не было видно. Но когда я ударила по сухому стволу, чтобы сломать его, то в ногу мне вонзилась отравленная стрела и насквозь пробила кожу. «Ай!» — крикнула я, схватила и выдернула стрелу. Но отравленный наконечник застрял в ноге. Я мгновенно оглянулась — в лесу никого не было. Я было побежала по тропинке в глубь леса, но нога сильно болела. Я села и попыталась выдернуть наконеч-

ник. Но вокруг него был кровавый пузырь, и у меня ничего не получалось. Тогда я изо всех сил надавила на него, и он лопнул. Я ухватила наконечник пальцами и выдернула его. Рана была большой и сильно кровоточила. «Если я снова побегу, то оставлю кровавый след. Тогда саматари разыщут меня и убьют». Я положила на рану гнилые листья, но кровь все равно продолжала течь. Тогда я взяла ком грязи и залепила им рану; я счищала кровь и снова клала грязь на рану. Когда грязь становилась кроваво-красного цвета, я ее снимала и клала новую: не хотела, чтобы саматари увидели капли крови.

Потом я спустилась вниз по склону и села на камень отдохнуть. Кровь никак не унималась. Я почувствовала, что яд постепенно убивает меня. Желтые стволы деревьев виделись мне, словно сквозь туман. Я смотрела в землю, а мне казалось, будто передо мной желтые листья. Ноги у меня отяжелели, и я не могла встать. Руки тоже стали тяжелыми, и я даже не в силах была пошевелить пальцами. Я слышала, как под ногами индейцев хрустят листья: «кша, кша, кша», но не могла подняться. А они подходили все ближе и ближе... Дрожащей рукой я схватила несколько листьев эмбауба [20] и прикрыла ими голову. В лесу начало темнеть. Индейцы были уже совсем рядом. Один из них сказал: «Идемте, она уже умерла». Но другой возразил: «Нет, ты своей стрелой только ранил ее. Ты ширишиве (трус)! Если бы я в нее стрелял из лука, то попал бы ей в живот, в грудь или в шею, и она умерла бы сразу». Я боялась, что они увидят меня. И я тихонько молилась, чтобы они меня не заметили. Я не могла не только бежать, но даже пошевелить ногой или рукой, мое тело точно оцепенело. Первый настаивал: «Идем, она наверняка умерла. Я выстрелил в нее такой же стрелой, что вчера в обезьяну. А ведь та умерла сразу. Напаньума валяется мертвой где-нибудь рядом. Мухи уже отложили свои личинки в ее рту и ноздрях». Я услышала, как они засмеялись: «А ты ее кровь видел? Муравьи и пчелы неплохо поели!» Больше я ничего не слышала и не видела. Всю ночь без сознания пролежала на земле.

Утром в ушах стучало: «тук, тук, тук». Ночью пошел дождь, и вода стекала по лицу и шее. А потом я почувствовала холод. Возле меня лежали гнилые листья. Я хотела открыть глаза и не могла. Потом запела птица. «Значит, уже вечер,— подумала я.— Эти птицы поют только вечером». Наконец мне удалось открыть глаза, солнце стояло высоко в небе. Лучи солнца отражались в ветвях, отчего сами деревья казались красно-желтыми. Боли я не испытывала — только холод. Пря-

мо надо мной склонялась ветка. Я ухватилась за нее и поползла по земле, потом сумела сесть. Нога вокруг раны побагровела. Солнце пригревало все сильнее, и постепенно ко мне вернулось сознание. Кругом валялись гнилые листья. Я разрыдалась. Из раны сочилась водица и кровь, вся нога вздулась.

Когда я немного отошла от холода, боль усилилась. Вспомнила все, что со мной случилось, и снова не смогла сдержать слез. Во рту было так горько, словно я жевала хинин. Лучи солнца уже не освещали полянку, на которой я сидела. Тогда, помогая себе руками, я на коленях поползла за солнцем. Наконец ближе к вечеру мне удалось подняться и кое-как дотащиться до огромного вывороченного дерева с большими корнями. Нога болела все нестерпимее.

Немного позже совсем рядом прошла группа женщин. Они искали в лесу дикие плоды и собирали хворост. Одна из них сказала: «Напаньума и вправду умерла!» Другая спросила: «Видела, какой сегодня ночью лил дождь? Это Напаньума наслала его». Третья добавила: «Мне сказали, что она умерла среди камней. Мухи уже отложили личинки у нее во рту». Я подумала про себя: «Чего они только не выдумают». Вместе с другими женщинами пришла в лес и сестра тушауа по имени Уипанама. Она всегда хорошо относилась ко мне и звала меня своей внучкой. Уипанама сказала остальным: «Как ни пойду за хворостом, все вы за мной увязываетесь». «Это потому, что у нас нет топора и мы должны ждать, пока ты не дашь нам свой»,— отвечали женщины. «Берите его и уходите». Женщины взяли топор и ушли.

Я подползла к Уипанаме. Слепила комок грязи и бросила его в женщину. Комок упал рядом с ней. Она посмотрела вокруг, но меня не увидела. Тогда я кинула второй комок. Она заметила меня, подбежала ко мне, обняла и заплакала: «Напаньума, зачем ты здесь?» «Я хочу попросить у тебя огня! Когда наступит ночь, принеси мне головешку, буду ждать тебя у шапуно».

«Мне сказали, что тебя убили возле пещеры. Один из мужчин сказал, что тебя ударили палкой по голове и раздавили словно гнилую листву». Уипанама смотрела на меня и плакала: «Нет, ты не останешься одна в лесу, ты пойдешь со мной и будешь жить со мной в шапуно. Мой брат Рохариве еще вчера кричал своим людям: «Вы ее убили, потому что меня не было. В бою вы не участвовали, в шапуно оставались, а Напаньуму убить не побоялись. Был бы я тогда в шапуно, я бы сломал ваши стрелы, а одного из вас в отмщение убил». Так говорил им мой брат».

Подумав, женщина добавила: «Едва стемнеет, мимо пройдут на охоту несколько мужчин. Когда все стихнет, прямо по тропинке возвращайся в селение».

Уипанама ушла, а я осталась сидеть на упавшем дереве. Поздно ночью мимо меня прошли охотники. Тогда я приблизилась к очагу старой Уипанамы, пошевелила листья на крыше. Старуха услышала и сказала: «Подожди, подожди немного». Она убавила огонь в очаге, кинув туда банановую кожуру, и потом впустила меня. Ее муж спокойно лежал в гамаке: он уже все знал от жены. Уипанама уложила меня в гамак, дала мне несколько бананов и кусок мяса броненосца, и я немного поела.

Вдруг в хижину вбежала ее младшая дочка: «Мама, они говорят, что ты прячешь ту, которую вчера стрелой ранили. Они яд готовят». Я перестала есть. Женщина закричала: «Да, я прячу ее, что им надо?» И кинулась к брату. Я слышала, как она говорила Рохариве: «Я собирала хворост в лесу и нашла ее там раненую, еле живую. И привела ее к себе. А теперь они снова хотят ее убить!»

Тогда Рохариве встал, вышел на середину шапуно и громко крикнул: «Почему вы хотите ее убить? Вы не одолевали, как я, высокие, крутые горы, а теперь задумали ее убить. Сестра, дай Напаньуме гамак. Разожги рядом большой огонь, чтобы вам легко было целиться! У нее нет ни отца, ни матери, которые бы ее защитили, поэтому вы и хотите ее убить! Но если вы ее убьете, то моя стрела настигнет вас повсюду, даже если вы убежите в другое шапуно. Я приду со своими родичами и отомщу вам. Дайте ей спокойно умереть, ее рана и так смертельна».

Сестра Рохариве тоже кричала на воинов, обзывала их трусами, способными убить лишь беззащитную девочку, без родных и близких. Потом она подошла ко мне и сказала: «Не бойся, брат не даст тебя убить. Спи спокойно». Но мне было очень страшно. «Когда я засну, они меня убьют»,— подумала я.

Я хотела снова убежать в лес, но женщина не пустила, и я осталась. Всю ночь я не сомкнула глаз.

Рано утром тушауа Рохариве снова вышел на площадку и громко объявил всем: «Раз вы ваитери, то и покажите, как метко ваши стрелы пронзают тапиров и диких свиней. Но не женщин, которые несъедобны. Сегодня все будете охотиться на тапиров, свиней, обезьян и броненосцев. Хочу узнать вкус дичи, подстреленной вами. Вам бы только людей убивать, а бульон из человечины есть противно. Вот бульон из дичи мне

по вкусу, его я готов пить, пока живот не отяжелеет. Пусть вечером никто не возвращается без убитого зверя или птицы. Тогда я поверю, что вы и вправду ваитери!» Тут все, кто хотел меня убить, встали и отправились в лес на охоту. Одна из женщин тушауа Рохариве подошла ко мне и, увидев как сильно я ранена, заплакала. Другие женщины тоже подошли ко мне и заплакали от жалости. Несколько дней я прожила в шапуно вместе с ними.

Тем временем родичи умершей девочки сожгли ее тело. Кости они собрали в мешочек и повесили над очагом. Теперь оставалось приготовить банановую кашу, смешать ее с прахом умершей и съесть. Бананы уже висели на нитях и быстро дозревали. Мужчины снова отправились в лес на охоту, чтобы принести дичь тем, кто разводил траурный костер. Спустя два дня они вернулись.

Тогда старуха сказала молодой женщине, своей соседке: «Теперь они будут толочь кости умершей. А ты пока подкороти Напаньуме волосы вокруг головы и выбрей их на макушке. Потом раскрась ей тело уруку и отведи далеко в пещеру на горе. А когда совсем стемнеет, вернешься за ней». Опухоль на ноге опала, но раны там, где стрела прошла насквозь, не закрылись. Из них сочилась желтая водица.

Старики стали готовить банановую кашу, кости они еще не размололи. Молодая женщина подрезала мне волосы бамбуковой корой, выбрила макушку, взяла головешку и сказала: «А теперь, Напаньума, иди и не останавливайся, пока не доберешься до горы. Там, наверху, ты найдешь пещеру. Не делай привала возле шапуно: когда воины размелют кости, они начнут тебя искать, чтобы убить. Из других шапуно пришли родичи умершей девочки, и они тоже захотят отомстить тебе. Когда мы, женщины, будем оплакивать умершую, мужчины бросятся за тобой в погоню. Назад возвращайся лишь поздно ночью». Молодая женщина проводила меня до леса, и я пошла искать пещеру.

ЛЕС БЕЗ КОНЦА

Дальше я продолжала свой путь одна. Нога болела не так сильно. Чтобы головешка не потухла, я обложила ее листьями, которые снизу обвязала лианами. В селении размалывали кости умершей. Когда их размалывают, все должны оставаться в селении. Я шла по тропинке и думала: «Как же я вернусь? Через два-три дня меня убьют. Лучше убежать куда-нибудь».

Я подошла к тому месту, где висело тело девочки, прежде чем его сожгли. Мне стало страшно. Я забралась на плантацию, взяла несколько бананов, связала их лианами и закинула за спину. С низкой пальмы сорвала гроздь плодов пупунье. Нога снова разболелась, и мне трудно было идти. Из раны все еще сочилась желтая водица. Я увидела несколько мертвых тапиров и вспомнила, что эта тропа ведет к селению хекураветари. Собрала сухих веток и смело разожгла костер. «Сегодня они толкут кости и не станут меня искать». Я нашла несколько высохших бамбуковых деревьев, один бамбук я разломила на четыре части и сделала из них «кружки». Набрала воды из ручья и сверху прикрыла бамбуковые кружки листьями. Неподалеку увидела дерево, у которого почти совсем отстала кора. Я дернула изо всех сил и оторвала большой кусок. Затем собрала листья диких бананов, устлала ими оторванный кусок коры и легла.

Приближалась ночь, и я подумала: «Может, лучше поджарить бананы, тогда они меньше весят. Нет, не буду. Сырые бананы дозревают постепенно, и мне их хватит надолго». Разорив термитник, я разожгла на нем костер и сварила пупунье. Поела, запила пупунье водой из ручья, снова улеглась в люльку из коры и спокойно проспала всю ночь. Утром собрала свои пожитки и крепко связала их лианами. Возле одного из деревьев я нашла заостренный обломок лука. «Буду всегда носить его с собой! — решила я.— Смогу им зверя убить». Индейцы мне рассказали, что, если, встретившись с ягуаром, сильно ударить его по голове концом лука, зверь на миг теряется, и тогда есть надежда спастись. Я взяла головешку, связку бананов и двинулась в путь.

В тот день я постаралась уйти как можно дальше — боялась, что меня будут преследовать. Ближе к полудню я услышала, как индейцы охотились на обезьян. Они громко кричали: «Ух, ух, ух... их, их, их». Обезьяны, услышав эти крики, пугаются и перестают убегать, и тогда в них можно попасть стрелой. Вечером я нашла дерево с большими корнями. Обложив это место ветками пальм ассай и бакабе, разожгла огонь. Затем сварила несколько бананов, поела и легла спать под деревом. Нога снова сильно распухла и страшно болела. Ночью несколько раз просыпалась от боли и от страха, что костер потухнет. Утром кое-как поковыляла дальше. С трудом одолела крутую гору, густо поросшую пальмами пиассаба. Вечером я добралась до хижины, в которой остановились по дороге к плантации дядя тушауа Рохариве и его жена. Вместе с ними был и отец умершей девочки. Саматари уже передали им, что

девочка отравилась жабьими икринками, и они отправились назад в родное шапуно. К счастью, они шли другой тропинкой, и мы не встретились. Несколько лет спустя одна женщина рассказала мне, что на обратном пути отец умершей девочки все время повторял: «Если я отыщу Напаньуму, я проткну ей живот стрелой».

Возле хижины я нашла пупунье и брошенную кем-то собаку. Я обрадовалась, решив, что собака станет моим другом в скитаниях по лесу. Но тут я услышала, как мужской голос позвал ее. Наконец, собака отозвалась, и тогда индеец стал бить ее, а та жалобно завыла: «вуй, вуй, вуй». Когда стих шум шагов, я вернулась в хижину и нашла там корзину. В нее я положила пупунье и пошла дальше.

Тропинка была мне незнакома. Вдруг я увидела сожженное и покинутое шапуно и вспомнила, что уже проходила здесь, когда меня похитили хекураветари. И тут мне пришло на ум, что я сама смогу соорудить маленькую хижину — тапири: ведь я не раз видела, как их возводят индейцы. Я отобрала четыре слегка обгоревших шеста и отправилась в лес, чтобы «заготовить» из них другие, поменьше. Я кусала их зубами — а мои зубы резали дерево не хуже ножа,— и шесты ломались с громким треском. Когда хорошенько надкусишь шест с одной стороны, то достаточно подгрызть его зубами с другой и потом сильно дернуть — он непременно сломается. Затем я отыскала дерево, кора которого, нарезанная полосами, служит индейцам вместо веревок. Три больших шеста я связала в треугольник, а сверху, параллельно друг другу, уложила мелкие шесты и ветки. После этого соорудила наклонную крышу и застелила ее пальмовыми листьями, которые собирала, насаживая на крючковатые сучья. А чтобы вода не протекала внутрь хижины, настелила сверху еще и большие листья диких бананов.

Впервые провела ночь в собственной хижине.

Ночью я все думала: «Надо отыскать тропу, ведущую к шапуно караветари». Вспомнила, что, когда жила у индейцев караветари, к ним пришли в гости арамамисетери и принесли в подарок большие ножи. Я спросила, как эти ножи называются, и индейцы ответили: терсадо. Должно быть, арамамисетери достали их у белых бразильцев. Еще вспомнила, что отец называл эти ножи мачете. Кроме того, индейцы арамамисетери принесли с собой консервную банку, полную маниоковой муки, и сказали, что она называется фаринья. А ведь так называют муку из маниоки и бразильцы. И еще караветари говорили мне: «Чтобы попасть к арамамисетери, нужно пересечь

реку, по которой иногда плавают белые» — и показали мне большой гамак белых с зелеными и желтыми полосами — национальными цветами Бразилии.

Весь день безуспешно искала тропинку, ведущую к шапуно караветари. Наступила ночь, а у меня не осталось ни одного пупунье. Я вернулась в хижину и легла спать голодной.

На следующий день нашла в лесу дикую рябину. Обезьяны уже похозяйничали на дереве и, раскачивая ветви, сбросили на землю немало спелых ягод. Я попыталась было влезть на рябину, но ствол был слишком высоким, да к тому же из раны все еще сочилась желтая жидкость. Когда голод очень силен, его уже не чувствуешь. Я поела немного рябины, а остальную завернула в листья, хорошенько связала их и вернулась в хижину. Потом вырыла ямку и положила в нее неспелые ягоды, чтобы они размякли.

Весь следующий день я снова искала тропу индейцев караветари. Вдруг услышала вдали шум: «тук, тук». Оказалось, что это падают на землю плоды укокуи. Индейцы едят не ядро ореха, а мякоть. На земле валялось много плодов, и еще больше погрызли тапиры. Рядом увидела тропу и пошла по ней. Но это была тропа не людей, а тапиров.

Возле большой рябины я соорудила себе хижину. Ночью услышала сильный шум и очень испугалась, решив, что это ягуар. У меня не хватило духу схватить горящую головешку и бросить ее в ягуара, потому что от индейцев я слышала, будто зверь, завидев огонь, сразу кидается на человека. Я хотела взобраться на дерево, но у меня не достало мужества вылезти из хижины. Однако это был не ягуар, а тапир, который пришел полакомиться ягодами рябины. Поздно ночью к рябине пришел еще один тапир. Но я напугалась и утром перебралась в мою первую хижину, возле сожженного шапуно.

Из нарезанной полосами коры деревьев я сделала гамак. В этой хижине я пробыла много дней; днем закутывала головешку и брала ее в хижину: если костер потухнет, то уж головешка наверняка не подведет. Вскоре кончились плоды укокуи, рябину я съела еще раньше, и теперь меня мучил голод. Неподалеку было много гнезд термитов. Обычно индейцы заостренной палочкой начинают ворошить термитник. Белые термиты падают вниз, индейцы собирают их, кладут в листья и потом съедают. Листья с термитами ставят на огонь и добавляют немного соли, которую получают из золы деревьев. Чаще всего этих термитов едят, когда у них должны вот-вот появиться крылья. Если их есть сырыми, то вырвет. Пока у меня был

огонь, я ела жареных термитов, раков, муравьиные личинки и самих муравьев.

Однажды полил дождь. Я вернулась в свою хижину, легла и заснула. А когда проснулась, сразу же бросилась к головешке. Она еще еле дымилась. Я изо всех сил дула на тлеющую золу, но вскоре она совсем потухла. Так я осталась без огня. Наплакавшись вволю, решила: «Ничего, снова украду огонь у саматари». Два дня я шла к их шапуно, а когда была уже совсем рядом, подумала: «Если они меня увидят, то непременно убьют». И я вернулась в свою хижину.

Тем временем нога моя зажила, и я смогла влезать на лианы мамакори. Из этих лиан индейцы приготовляют яд, но их плоды съедобны. Так как я не могла забраться вверх, то сбивала плоды длинными ветками, служившими мне крюками. Я беспрестанно бродила по лесу — искала под деревьями плоды, надкусанные обезьянами. Если даже я каких-то плодов прежде не видела, все равно съедала их без страха, потому что обезьяны не едят ядовитых растений. Подобрав плод, сброшенный на землю обезьянами, я сразу уходила подальше от этого места: ведь к тем же деревьям часто наведываются ягуары.

Когда мне не удавалось добыть плодов, я ела муравьев. Клала их в листья и съедала. В лесу живет муравей, который строит свой домик-муравейник на растениях. Я начинала сильно дуть на него и, когда муравьи выбегали, я отламывала кусок домика-муравейника и съедала. По вкусу он был похож на муку из маниоки.

В лесу водилось много раков и крабов. Вначале я попробовала ловить крабов голыми руками, но они больно кусались. Тогда я научилась загонять их на большие листья и потом убивала. У них оказалось сладкое мясо, и я ела их сырыми. Раков я есть не могла: у них был очень неприятный запах.

Однажды я добралась до игарапе. На берегу лежал тонкий белый ил. Прежде я видела, что индейцы едят его. Положила немного ила в лист, отжала его и стала есть. «Может, он придаст мне сил»,— подумала я. Но вышло наоборот. Наверное, я ела его не так, как нужно — ил ссохся у меня во рту, и я начала задыхаться. У реки я отыскала широкую тропу. Это была тропа индейцев саматари, и вела она к старой расчистке. Там рос картофель. «Съем его сырым,— подумала я,— а если заболею и умру, то будет только лучше». Набрала картофелин в корзину, спустилась к реке, помыла их, зубами сняла шелуху и съела. И не умерла.

Ночью к моей хижине снова подошел ягуар, но меня он не тронул. Я подумала, что это олень, и не очень испугалась. Ут-

ром увидела, что это следы ягуара. Но осталась в хижине: она надежно укрывала меня от дождя и от саматари. Однажды ночью к хижине подошли сразу два ягуара — мать и детеныш. Мать звала сына: «уа, гуа», а сын тоже отвечал: «уа, гуа», но только чуть послабее.

Утром я нашла старую плантацию, где росло много пупунье. Попробовала есть их сырыми, но не смогла. И тут — в который раз — пожалела: «Если бы у меня был огонь. Попробую добыть его!» Я знала, что индейцы извлекают огонь с помощью двух палочек. Они кладут на землю плоский деревянный кусок, вырезанный из ствола дикого какао, крепко зажимают этот кусок ногами и начинают быстро-быстро тереть о него палочку, сделанную из того же дикого какао. Вскоре палочка начинает дымиться и ее сердцевина загорается. Тогда индейцы бросают палочку в термитник либо на сухую кору, начинают дуть изо всех сил, и вспыхивает пламя. Весь вечер я терла палочку о кусок дерева. Обе палочки сильно нагрелись и задымили, но добыть огонь мне так и не удалось.

Я все время искала новые тропы, взбиралась на высокие деревья. У меня жила надежда, что я встречу какого-нибудь рабочего — сборщика балаты. Громко кричала: «Э, ээй... Есть здесь люди?» Мне отвечали лишь птицы и обезьяны.

Однажды, когда я сосала плод дикого какао, я услышала поблизости треск веток и подумала, что это люди. Но это был ягуар. Увидев меня, он сердито зарычал, я бросилась наутек, ягуар меня не преследовал. Помнится, когда остановилась, чтобы перевести дух, на меня, высунув язык, уставилась маленькая змея.

Как-то вечером я сидела на скалистом берегу высохшей реки. Дул легкий ветерок, и было так красиво и тихо. Вдруг услышала громкий свист. Подумала: «Наверное, саматари нашли мои следы. А может, это караветари отправились в поход за женщинами!» Я взобралась на скалу, чтобы лучше видеть: меж скал одна рядом с другой медленно ползли две огромные змеи. Тело у них было беловатое с черными пятнами. Когда они подползли совсем близко и я увидела их громадные головы, мне стало страшно, и я убежала. Обе змеи не пытались меня догнать. Время от времени они снова начинали свистеть. Тут мне пришло в голову: «Может, они дрессированные и теперь возвращаются к своему хозяину». Таких дрессированных змей я видела раньше на Риу-Негру.

Я пошла вслед за змеями. Изредка змеи останавливались, слегка приподымали голову, высовывали язык, затем ползли дальше. Я долго следила за ними. Наконец они добрались до

большой скалы с темной глубокой пещерой. Змеи медленно вползли в пещеру, их длинные хвосты постепенно становились все короче. Я стояла и смотрела издали до тех пор, пока хвосты обеих змей не исчезли в пещере. Позже индейцы рассказали мне, что большие змеи подражают свисту зверька котиа, чтобы подманить его и схватить. Индейцы называют этих змей окхото и с удовольствием лакомятся их мясом.

Каждый день я искала все новые тропы, и это меня спасло. Однажды, когда я совсем умирала от голода, я нашла старую плантацию, на которой росло много бананов. Я сорвала самые спелые и сделала из них кашу. Как видно, я переела, потому что меня стало мутить. Две связки бананов принесла в хижину и повесила дозревать. На следующий день я несколько раз наведывалась на плантацию, и мои запасы изрядно пополнились. Впоследствии я узнала, что это была старая, заброшенная плантация индейцев саматари. Когда-то они жили на просеке возле плантации, но потом на них напали индейцы вайка, многих убили, а остальные ушли к реке Каубаури. Неподалеку от плантации я соорудила новую хижину. Делать ее у самой плантации побоялась: индейцы могли отыскать мои следы. Чтобы добраться до плантации, мне приходилось пересекать одну просеку, а затем вторую, на которой рос тростник. Из этого тростника, который яноама называют кама, они делают стрелы. Когда дул ветер, тростник глухо шелестел: «щу... шу... шу...» Индейцы специально вырывают корни тростника — хамат, растущего обычно возле реки, и высаживают их на расчистке.

В своей новой хижине я прожила очень долго. За это время успела трижды обновить крышу из сухих листьев. «Сколько же времени прошло?» — нередко думала я.

В лесу время считают так: когда луна идет на ущерб, а потом исчезает вовсе, значит, прошел месяц. Когда у индейцев спрашивают, сколько времени вы пробудете вдали от селения, они отвечают: «Эта луна появится и исчезнет, появится новая луна и исчезнет, появится еще одна луна и исчезнет, а когда исчезнет еще одна луна, я вернусь». Это значит, что пройдет четыре месяца. Я посчитала и получилось, что минуло уже семь лун. Волосы, которые мне постригли в день моего бегства, выросли и стали длинными. Когда я ими встряхивала, они падали мне на грудь. Я подвязывала их сзади тонкими лианами.

Однажды ночью ягуар снова кружил возле моей хижины. Тогда я перебралась в другое место и там построила новую хижину. Но потом вернулась назад: рядом проходила людская тропа. Когда я блуждала по лесу и находила тропинку, то

сразу же начинала идти на цыпочках. Я собирала листья, непременно старые, и осторожно накрывала ими мои следы. Так обычно делают индейцы. Если в лесу лежали деревья, то старалась идти по стволам, не ступая по земле.

НАМОЕТЕРИ

Однажды возле старой расчистки я увидела следы людей и подумала: «Верно, они заметили мои следы и теперь ищут меня. Должно быть, это саматари». Я больше не в силах была жить без огня и почти без еды. Ночью мне было холодно, свернувшись в клубок, я дрожала от стужи. И я пошла по этим следам. Они привели меня сначала в заросли кустарника, а потом к пустой хижине. На столбах висели гроздья спелых бананов и четыре связки стрел. Я подумала: «Может, это индейцы вайка». Мне рассказывали, что свирепые вайка убивают даже женщин. «Ну и что ж, пусть убьют». Я подошла к столбу и попыталась достать гроздь бананов. Несколько бананов упало на землю. Я подобрала их, выжала и съела. Кожуру оставила на земле: «Индейцы увидят и станут тогда меня искать».

В углу хижины лежал плод красной уруку. Я раскрасила им все тело, потом ногтями провела несколько бесцветных полосок. Смешала немного уруку с золой и нарисовала на лице черные полосы. Словом, я разрисовала себя точно так же, как индейцы, чтобы меня приняли за свою. Я подумала: «Завтра они наверняка сюда придут, не дадут же они сгнить бананам». Три-четыре банана я взяла с собой и пошла по тропинке в лес. Всю дорогу думала о том, что огня у меня нет, мне нечем даже прикрыться и что когда-нибудь голодный ягуар все-таки доберется до меня.

Когда я подошла к игарапе, то услышала неподалеку громкий смех. Один индеец сказал другому: «Тише, тут следы человека». «Значит, они нашли мои следы»,— подумала я. «Кто бы это мог быть? Вайка?» — сказал второй индеец. Говорили они на языке индейцев саматари. Я спряталась за большое дерево, которое индейцы называют еококума, и вся обратилась в слух. «Это следы не мужчины, а женщины»,— сказал первый. «Да, это женские следы»,— подтвердил второй. «Будь осторожен, есть мужчины, следы которых похожи на женские, такая у них маленькая нога». И оба индейца засмеялись.

Они прошли мимо меня, все разрисованные красным уруку: четыре мужчины и три женщины с детьми. Одна из них несла в корзине малыша. «Должно быть, саматари»,— подумала я.

Но, присмотревшись как следует, я увидела, что волосы у них выбриты больше, чем у индейцев саматари.

В игарапе меж скал образовался маленький бочажок. Я нашла там речных черепах и всякий раз, когда проходила мимо, бросала им плоды или кожуру, чтобы черепахи подросли. Я все надеялась раздобыть огонь, а тогда я смогла бы их сварить. И вот я их изловила, камнем разбила панцирь, отделила мясо, лапки и печень, завернула все это в листья и осторожно пошла вслед за индейцами. Я твердо решила украсть у них в хижине головешки, а потом снова убежать и отыскать дорогу к караветари.

Мужчины сильно били по стволам пупунье, чтобы вытащить из-под коры мушиба — больших червячков, которых они охотно едят. Одна из женщин громко сказала: «Начинается дождь. Сорвите поскорее листья пишиаанси, а то некуда положить червячков». Молодой индеец побежал прямо в моем направлении: ведь я как раз и пряталась в листьях пишиаанси. Он подошел совсем близко и стал собирать листья, перекусывая стебель зубами. Я была вся разрисованная красным уруку, и он меня заметил, выронил листья и в испуге воскликнул: «Кто ты? Ты не поре?» Он увидел мои длиннющие волосы и решил, что я поре — призрак, которого они очень боятся. «Нет, я не поре,— ответила я,— я Напаньума». Индеец окинул меня быстрым взглядом: «Нет, ты не Напаньума. Напаньума давно умерла. На ее костях уже вырос большой муравейник. Нет, ты поре». «Не кричи,— сказала я,— и не зови остальных, я не поре. Сегодня вечером я приду в вашу хижину». «В хижину?» — переспросил индеец. «Да, непременно приду,— подтвердила я и спросила: а вы кто такие?» «Мы намоетери».

Индеец неотрывно глядел на меня, потом собрал листья и ушел, испуганно повторяя: «Порекеве, порекеве». Он решил, что я порекеве — блуждающая душа умершей Напаньумы. Я испугалась, что подойдут другие индейцы, и спряталась в чаще. Но потом подумала: «Так я больше жить не могу, ягуары или саматари рано или поздно убьют меня». Тут я вспомнила, что однажды в селение, где живут саматари, пришли намоетери и привели двух собак: «Значит, они друзья».

Поре индейцы называют духа умерших и боятся его. Они говорят, что поре часто свистит на расчистке либо стучит по стволам деревьев. Нередко в лесу кто-то чихает, рубит деревья, ломает кусты, а посмотришь — вокруг никого. Все это делает невидимая людям душа умершего. До тех пор пока родные умершего не съедят его пепел вместе с банановой кашей, поре будет ночью бродить по лесу, сверкая горящими глазами, по-

тому что душа умершего охраняет его пепел. И пока весь пепел не будет съеден, она не уйдет из леса. Индейцы говорят детям: «Не ходите одни на расчистку, не то поре вас накажет». Если же кто-либо потеряется в лесу и умрет и потом его не сожгут, то душа умершего будет вечно бродить по свету. Нередко женщины испуганно спрашивают одна у другой: «Где бродит сейчас душа того человека, которого так и не сожгли?» Индейцы боятся умереть раньше, чем они съедят пепел своих родичей, иначе их душа не достигнет жилища Туоно[21]. Поэтому вечером они нередко говорят: «Я могу завтра умереть от укуса змеи или от вражеской стрелы. Смерть всегда приходит нежданно, и я не успею съесть пепел. Надо устроить реахо».

Когда совсем стемнело, я тихонько подошла к хижине. Охотники принесли богатую добычу: птиц мутум и обезьян[22]. Из своего укрытия я видела, как они жарят мясо на костре, и слышала, что разговор идет обо мне. Один из охотников утверждал, что встретил меня, а другой отвечал, что я давно умерла. Тут я вошла в хижину и сказала: «Есть у вас огонь? Я очень замерзла». Индейцы зашептали: «Поре, поре». Они зажгли огонь, чтобы получше меня разглядеть. Один из индейцев сказал жене: «Уходи поскорей, это поре, а не человек». «Не убивайте меня! — крикнула я.— Я не поре. Саматари ранили меня стрелой, и целую ночь я и вправду была как мертвая. Но потом я убежала. С тех пор я скитаюсь по лесу без огня и почти без еды. Поэтому я и пришла к вам, не убивайте меня стрелой». И я заплакала.

Одна из женщин потрогала меня и спросила: «Ты и в самом деле Напаньума?» Я ничего не ответила, только заплакала еще громче. «Чего ты плачешь? — сказала женщина.— Иди сюда, садись возле огня. Я сварю тебе бананы. А когда согреешься, ложись в мой гамак».

Остальные все повторяли: «Неужели это Напаньума? Но ведь говорили, что ее давно съели черви. Как же она может быть живой?»

Я испугалась: вдруг и вправду я умерла. Потом подумала: «Нет, не умерла. Иначе как же я могла вернуться к живым». И сказала: «Да, одну ночь я была почти мертвой, но потом выздоровела. Смотрите, вот знак, оставленный стрелой». Я показала женщинам шрамы. Подошла другая индианка, посмотрела и сказала: «Верно, это Напаньума».

Первая женщина предложила мне: «Ложись в мой гамак. А я буду спать в гамаке мужа. Мы недавно были у саматари, приносили им вот эти большие гамаки. Но у саматари не нашлось ничего в обмен, и мы забрали гамаки».

Утром я проснулась от шума голосов. Кто-то убеждал остальных: «Нужно сходить в лес посмотреть, не поре ли это». Тогда женщина, в гамаке которой я спала, сказала: «Да нет, это Напаньума. Разве вы не слышите, как плохо она говорит на нашем языке. А уж поре-то наш язык знает!»

Воин саматари стал раскрашивать свое тело черной краской. Он подошел ко мне и спросил: «Покажи, где у тебя знак от стрелы?» «Вот здесь»,— сказала я и показала на ногу. Но он сел и продолжал красить грудь и лицо в черный цвет. Тогда намоетери сказали ему: «Нас четверо, а ты один. Нас, намоетери, четверо, а ты, саматари, здесь один. Что ты можешь один против нас?» «Я отведу ее в наше шапуно и там отдам тушауа».

Намоетери ответили: «Лучше тебе встать и тихо уйти. Вы хотели ее убить и ранили ее стрелой. Так что уходи».

К этому времени я подросла и немного раздалась, может быть, потому, что в лесу ела много фруктов. Саматари попытался силой вытащить меня из хижины, но четверо воинов намоетери помешали ему. «Смерти захотел? — сказал один из них.— Ты для нас червяк». Тогда этот саматари отошел в сторону.

«Я не хочу идти с ним, хочу остаться с вами,— говорила я женщине, давшей мне свой гамак.— Они уже ранили меня однажды, хотели меня убить».

«Не бойся, ты останешься с нами,— сказали женщины.— А сейчас собирайся, мы возвращаемся в наше шапуно». Мы встали в ряд: женщина, я, другая женщина, затем еще одна женщина и, наконец, ребятишки. Мужчины остались в хижине. Мы уже ушли далеко, когда нас догнали четверо мужчин намоетери. Они рассказали, что предложили этому саматари идти с ними. Но он ничего не ответил и продолжал молча оттачивать наконечники стрел. Тогда они ему сказали: «Не вздумай выстрелить в нас из лука, когда мы будем в пути. Мы тебя настигнем даже в твоем шапуно и все равно убьем». Саматари молчал. Они ушли, оставив его одного в хижине.

В тот день мы шли примерно до четырех часов. Потом построили хижину и легли спать. На третий день намоетери сказали: «Уже близко. Завтра утром придем в шапуно». В дороге мужчины все время охотились, и те, у кого были жены, впрок коптили дичь для их матерей [23]. Утром мы добрались до реки. Все помылись и покрасились. Моя новая хозяйка постригла меня и выбрила волосы на макушке, потом она красным уруку широкими, длинными полосами разрисовала мне спину и тонкими полосами — лицо [24].

Возле реки было заброшенное шапуно, на крыше его даже не осталось листьев. Шапуно было большое, круглое, с большой площадкой в центре. Три тропы, начинавшиеся около него, вели: одна — к шапуно саматари, вторая — к реке и третья — к шапуно племени хасубуетери. Это было шапуно отца моего первого сына. Помнится, едва я вошла в это шапуно, голова у меня закружилась и я упала на землю. Одна из женщин подхватила меня за руки. «Тяжело ей жить у нас. Может, эта девушка из очень далекой земли?!» — сказала она. Потом взяли несколько веток и стали хлестать меня. Я открыла глаза и начала сильно потеть.

Я поднялась и снова могла идти. Мы отправились к большому шапуно намоетери. Там все сбежались посмотреть на меня: мужчины и женщины. Я пошла за женщиной, которая дала мне гамак, и вместе с ее маленьким сыном направилась к их очагу. Одна женщина подошла ко мне и сказала: «Пойдем со мной». «Нет,— ответила первая женщина,— я привела ее издалека, и она должна остаться со мной. Никто не должен уводить ее». Потом пришел брат тушауа и спросил: «Она уже девушка или еще девочка?» «Не знаю»,— ответила женщина. «С кем же она останется?» — сказал он. «Со мной,— ответила женщина.— Она будет моей подругой. У вас у всех и так есть жены». «Ладно, пусть пока остается с тобой, а там посмотрим»,— нерешительно сказал брат тушауа и ушел.

Немного спустя к очагу подошел сам тушауа по имени Фузиве, за ним шло несколько женщин. В то время Фузиве возглавлял племя. Его отец был еще жив, но он был очень старый и больной и передал всю власть сыну. Фузиве спросил: «Это Напаньума? Где вы ее нашли?» Все наперебой принялись рассказывать, как встретили меня в лесу. «И вы не побоялись заговорить с ней ночью, когда она пришла в хижину?» «Они хотели ее убить, но я не дала»,— ответила женщина.

«Что же вы собираетесь с ней делать?» — спросил Фузиве. «Я ее привела, и она останется со мной»,— ответила женщина.

«Что ж, пусть остается»,— ответил Фузиве. Он повернулся и ушел.

Позже я узнала, что он совсем по-другому думал. Потом мне рассказали, что он отправился к своему отцу и сказал: «Отец, она уже женщина. Я ее не отдам, возьму себе». А отец ответил: «Оставь ее в покое, у тебя и так четыре жены. Подумай лучше о них и о детях, ведь их надо еще вырастить. А у женщины, которая приютила Напаньуму, есть еще неженатый племянник».

Несколько дней спустя моя новая хозяйка вместе со всей семьей отправилась на банановую плантацию. Я пошла с ними. Целый день мы пробыли в пути. Наутро добрались до их хижины возле расчистки. Пришли еще три брата мужа моей хозяйки со своими женами, отец мужа хозяйки, один неженатый мужчина и один женатый. Всего собралось с десяток мужчин, много женщин, четыре девушки и целая куча детишек. Вначале мы собирали плоды, упавшие на землю, но муж хозяйки сказал: «Не поднимайте бананы с земли, они грязные, в них заводятся черви. Лучше снимайте гроздья с деревьев. По земле ползают жабы, лягушки, змеи». Особенно индейцы боятся маленькой жабы, которая брызгает ядом прямо в глаза своих врагов. Но когда они очень голодны и не находят больше гроздьев, то и сами подбирают упавшие на землю плоды.

Спустя несколько дней из шапуно пришли еще несколько индейцев и рассказали, что после нашего ухода Фузиве сказал: «Эта женщина увела Напаньуму. Боится, что я ее отниму. Да если б я захотел, то забрал бы ее в тот самый момент, когда она пришла в шапуно. Я для того и подошел к ней близко, чтобы хорошенько ее рассмотреть. Она еще не женщина, тело у нее не округлое. Была бы она сформировавшейся женщиной, я бы ее забрал. И никто бы ничего не сказал, ни та женщина, ни ее муж, потому что он ширишиве и боится меня».

Тогда женщины сказали мне: «Ты уже почти созрела, а губы и уши у тебя до сих пор не проколоты [25]. Идем, мы тебе проделаем отверстие в губе и в уголках рта». В ушах у меня дырочки уже были. Я сказала: «Нет, не хочу, я не индианка». Но женщины настаивали: «Идем, это совсем не больно». Одна молодая женщина хасубуетери продырявила мне уголки рта. Она воткнула в кожу две колючки пальмы пашиуба, разломила их надвое, оставив маленький кусочек колючки в коже. К счастью, лицо мое не воспалилось. Между тем иногда ранка сильно гноится. Когда боль прошла, мне проткнули нижнюю губу, на этот раз губа очень сильно вздулась. Проткнуть губу много труднее, чем мочки ушей или уголки рта. Колючки пальмы пашиуба тут не годятся. Дырочку в губе мне делал муж моей новой хозяйки. Из куска очень крепкой пальмы бакабе он выточил острую иглу и ею проколол мне губу. Перед этим он слегка обжег кончик иглы, чтобы не внести заражения. Мне было очень больно, и я еле терпела. Потом губа вздулась и онемела. Теми же деревянными иглами индейцы протыкают нос и мочки ушей. Юношам обычно протыкают нижнюю губу и уши. Намоетери и караветари протыкают себе и углы рта. Но мало кто из мужчин протыкает себе нос. А вот женщины

почти все проделывают дырочки в носу, и порой довольно большие. Эти дыры особенно хорошо видны во время танцев, потому что женщины втыкают в них перья либо гладкие палочки с наклеенными белыми перьями.

Постепенно я окрепла и округлилась. Моя хозяйка соорудила для меня загородку из веток пальмы ассай, потом крепко обвязала ветки лианами. Мне не дозволялось ни выходить, ни даже разводить огонь. Женщина говорила мне: «Когда устанешь лежать в гамаке, встань и посиди». На третий день она дала мне три банана, маленькую куйю и соломинку. Иногда я пыталась незаметно выпить воду прямо из куйи. Однажды женщина заметила это и сердито сказала: «Больше не пей так, испортишь зубы». Примерно недели через две муж хозяйки наловил в лесу муравьев, хозяйка поджарила их и дала мне вместе с обычными тремя бананами. Я стала худой, одна кожа да кости. Немного спустя пришли люди из шапуно. Вечером, когда они отправились в обратный путь, муж хозяйки сказал мне: «Тушауа Фузиве приглашает нас на реахо. Он пригласил на праздник и махекототери, чтобы те принесли горшки и привели собак. Я ответила вождю Фузиве, что приду».

Женщина переговорила с дочкой и невесткой. Они снова подстригли мне волосы, которые сильно отросли за время «карантина», выбрили макушку. Потом разрисовали мне тело, лицо и голову красным уруку, а разжеванными лианами провели черные линии на ногах, спине, груди, лице и вокруг рта.

После этого мы направились к шапуно, которое находилось на высоком холме. Мне было стыдно и страшно. Я прослышала, что мужчины решили взять меня силой. Женщина, которая хотела дать меня в жены своему сыну, сказала мне: «Не отходи от меня, будь все время рядом. Мой сын еще маленький, и ему рано участвовать в обряде. Но все равно ты держись возле меня». Другие женщины также говорили мне: «Если мужчины захотят взять тебя силой, беги прямо к нашему очагу». Я им ответила: «Разве в самом шапуно куда-нибудь убежишь?» Наконец мы добрались до шапуно. Индейцы мне сказали: «Тушауа Фузиве пошел за собаками. Он собирается на охоту, чтобы на празднике была дичь. Он велел вам устроиться вот здесь». Эта часть шапуно пустовала.

Мужчины посмотрели на меня, но ничего не сказали. На следующий день я вместе со своей хозяйкой пошла на расчистку собрать дрова. «Напаньуму надо еще раз разрисовать. Она все это время должна ходить раскрашенная, иначе она быстро состарится»,— сказала женщина.

Я лежала в гамаке и вдруг увидела множество раскрашенных красным уруку мужчин. Они вышли из шапуно, покружились возле него и вернулись. Потом один из них направился ко мне, а за ним другой, выкрашенный сверху красной краской, а снизу черной. Я испугалась и сказала своей хозяйке: «Лучше я убегу, видишь, они идут за мной». «Нет, не убегай,— ответила женщина,— мои сыновья и внуки не дадут тебя в обиду». «Вас мало, и они вас одолеют»,— возразила я.

Я хотела убежать в лес, но невестка моей хозяйки тоже сказала: «Не бойся, не убегай».

Мужчин было не меньше пятидесяти. Первый из них подошел, держа в руках стрелы. Я посмотрела на крышу хижины: может, раздвинуть листья и убежать. Индеец, стоявший первым, присел на корточки. Тогда тот, что стоял за ним, ударил его ногой по спине и сказал: «Иди же, у тебя что, храбрости не хватает? Иди и притащи ее». Индеец поднялся, положил стрелы и схватил меня за руку. Я отвернула лицо. «Я пришел за ней»,— негромко сказал индеец. Тут моя хозяйка заплакала, закричала: «Конечно, я ее нашла, заботилась о ней, а теперь ты хочешь ее забрать? Почему это вы не брали ее, когда она была совсем худой? Тогда на нее никто не смотрел!»

Женщина отчаянно кричала, а индеец тянул меня за левую руку. Я вцепилась в гамак руками и ногами, и ему никак не удавалось меня оторвать. Тогда он сказал остальным: «Помогите же, сами послали, а теперь не хотите помочь». Другой мужчина схватил меня за правую руку и сумел разжать мои пальцы, впившиеся в гамак. Я сильно укусила его в плечо, и он сразу отпустил меня. Я ухватилась руками и заплела ногами столб, к которому был привязан гамак. Женщины бросились защищать меня, а из мужчин этой семьи никто даже не пошевелился. Женщины кричали им: «Трусы, все скажут, что вы подлые трусы, дали увести Напаньуму прямо на ваших глазах». Моя хозяйка кричала, плакала. Но ее муж и сыновья неподвижно лежали в гамаках, повернувшись ко мне спиной.

Все же женщинам удалось отстоять меня. «Ложись в гамак»,— сказали они. Тогда мужчины стали отвязывать гамак, и он упал на землю. Я снова уцепилась за столб. В то время я была куда более сильной, чем сейчас. Мужчины тянули меня за руки и за ноги, но все равно оторвать не могли. Тогда кто-то из них предложил: «Давайте унесем ее вместе со столбом». И они стали вытаскивать столб. «Хотите, чтобы все обруши-

лось! — закричала моя хозяйка.— Отпустите ее, у вас есть свои женщины, а Напаньума моя». Тут сын моей хозяйки сказал: «Если хижина рухнет, я убью из лука сначала Напаньуму, потом вас». Ему ответили: «Попробуй спусти тетиву, коль у тебя достанет смелости! Для начала убей Напаньуму».

Женщины тянули меня в одну сторону, мужчины — в другую. Они тянули за полосы из белой ткани, которыми мне обвязали грудь, запястья и колени. Полосы врезались мне в кожу. Я отчаянно кричала от боли.

Близилась ночь. Моя хозяйка подбросила сучьев в костер, сказав: «Хочу посмотреть, хватит ли у вас подлости убить ее». Мужчины грубо толкали женщин, те падали на землю, но тут же вскакивали и снова бросались защищать меня. Наконец мужчинам удалось вырвать столб, и он рухнул на землю. Мужчины поволокли меня к центральной площадке, а женщины продолжали тянуть меня в глубь хижины. Матерчатые полосы на груди сбились и сжимали мне теперь горло: я задыхалась. Потом в глазах у меня потемнело, и больше я уже ничего не помню[26]. Когда мужчины увидели, что я потеряла сознание, они ушли. Тогда сестра тушауа побежала к матери: «Мама, мама, они убили Напаньуму!» Мать ответила: «Наверное, матерчатые полосы сдавили ей горло. Побежим, может, она еще дышит». Они схватили головешки и склонились надо мной. Мать тушауа увидела, что я еще теплая. «Похоже, она еще жива, попробуем ее спасти»,— сказала старуха. Муж моей хозяйки перенес меня к очагу. Там они стали дергать меня за пальцы, за уши, лить мне воду на лицо, бить меня по щекам. И так до тех пор, пока я не начала дышать ровно и сильно. Тогда старуха сказала: «А теперь оставьте ее здесь со мной».

Когда поздно ночью я очнулась, то увидела, что сестра тушауа приподняла мне голову, а старуха льет мне воду на лицо. Старуха принялась разрезать полосы, приговаривая: «Они тебе всю грудь поранили, всю грудь!» Спина тоже вся была в синих полосах и царапинах: ведь меня волокли по земле, усыпанной мелкими камнями.

Старуха и ее дочь помыли меня, и я совсем пришла в себя. Но меня всю ломило, спина и грудь болели. Рядом сидел отец тушауа и молча смотрел на меня. Он был стар и весь изранен. Но эти раны, которые так и не зажили, ему нанесли не соплеменники, а враги. Я села. Из ран на груди и запястьях текла кровь. Старуха сказала мне: «Вчера я сплела новый гамак для сына, а ты ложись в старый, он побольше».

Ночью моя прежняя хозяйка и ее семья забрали свои вещи

и ушли из шапуно. Женщина хотела отдать меня в жены своему сыну, когда тот станет колдуном. Но я так и не поняла, зачем она привела меня в селение. Ведь все знали, что меня там ждет. Знали и они, а я всю дорогу дрожала от ужаса и стыда. Тушауа, его зятя и брата не было в шапуно, когда мужчины пришли за мной, они не знали, что сделали их соплеменники. Тушауа отправился за двумя собаками, чтобы убить тапиров для праздника, на который пригласили махекототери.

ФУЗИВЕ, ГЛАВА НАМОЕТЕРИ

Несколько дней спустя, ближе к вечеру, мать тушауа послала меня вместе с ребятишками набрать воды в реке. В это самое время по тропе возвращался Фузиве с тремя мужчинами. Сзади бежала большая собака. Малыши сказали: «Этот пес очень злой!» Тут и я крикнула: «Шами, вативе» (злой, грязный) — и со страху бросилась в реку. Одна женщина, двоюродная сестра моей хозяйки, услышала мои слова и потом сказала матери тушауа, что я обозвала Фузиве злым и грязным, да еще прибавила, будто я сказала: «Не стану я жить с этим уродом, у которого и так столько жен!» Она все это выдумала. Я ничего такого не говорила, а грязным и злым назвала пса. Мать тушауа позвала сына и сказала ему: «Ты великий воин, самый сильный. Неужели ты позволишь, чтобы женщина называла тебя грязным и злым. Ты не урод, а самый красивый из всех. Убей ее сразу же».

Я ничего не знала и спокойно вернулась в селение. Стала варить пупунье. Вдруг ко мне подошел тушауа с луком и стрелами в руках. Но я не чувствовала за собой никакой вины и ничего не подозревала. Фузиве пристально взглянул на меня, и я отвернула голову. «Одна из вас говорит, что я грязный и уродливый!» Я обернулась и увидела, что он целится в меня стрелой. Я одним прыжком перескочила через женщину, которая сидела на корточках у очага. Другие женщины бросились врассыпную, а один малыш угодил ногами в костер. Я раздвинула листья крыши, выскочила наружу и перепрыгнула через палисадник. Потом, когда вернулась, женщины сказали мне: «Ну и прыгнула же ты!» Но со страху и не то сделаешь. Когда убегала, меня настигла стрела. Но она лишь слегка задела руку и воткнулась в ствол пальмы пашиуба. Потом я узнала, что стрела была отравленная.

Я подбежала к реке и бросилась в воду. Плыла под водой, чтобы индейцы не заметили меня. На середине реки торчал

ствол затонувшего дерева. Я подумала: «Как бы с этого ствола перебраться на берег. Тогда индейцы не найдут моих следов». Вскарабкавшись на скользкий ствол, обсушила ноги и, прыгая с камня на камень, выбралась на берег. И сразу же скрылась от преследователей в лесной чаще.

Я добралась до края расчистки и села на пенек. Сидела и думала: «Почему я так мучаюсь в этой жизни? Саматари хотят меня убить, теперь и намоетери желают моей смерти. Одни лишь караветари не собирались меня убивать, но мне не удается найти тропу к их шапуно». У меня не было ни огня, ни еды. Когда убегала, в ногу, чуть повыше колена, вонзилась колючка. Я так и не сумела вытащить ее, и рана сильно нарывала. Потом, когда нарыв лопнул, из него вытекло много гноя. Под деревом на краю расчистки я и переночевала. На другой день отправилась искать что-нибудь съедобное, но так ничего и не нашла. «Самое лучшее для меня умереть с голоду»,— подумала я. Наконец добралась до новой расчистки. Индейцы совсем недавно вырубили деревья и сожгли их. Один из стволов больше всего обгорел внутри и превратился в своеобразную лодку. Уже вечерело, я застелила ствол-лодку листьями и улеглась в него.

Ночью мне приснился сон, будто бы я вошла в церковь, но там никого не было. И тогда я обратилась к матери пресвятой богородице: «О пресвятая дева. Ты привела меня сюда, так выведи же меня к Большой реке. Соверши такое чудо». И тут меня больно укусило в ногу какое-то насекомое, и я проснулась. Неподалеку от моей лодки дымился ствол, и по нему пробегали язычки пламени. В небе ярко сверкали звезды. Я заплакала от горя и одновременно от радости: все-таки теперь у меня был огонь. Когда сухой ствол большого дерева загорится, то потом горит несколько дней подряд.

На следующее утро мне никак не хотелось вставать. «Не стану больше строить хижину»,— подумала я.— Буду жить, как живут звери и птицы. Буду спать на деревьях или на камнях». Я взобралась на самое высокое дерево среди скал.

Вернувшись на расчистку, чтобы собрать бананы, я вдруг услышала шум. Спряталась в чаще и увидела вскоре человека с коротким топориком и со стрелами в руках. Потом мне рассказали, что этим топориком он собирался перерубить мне шею. Я распласталась на земле. Индеец всматривался в глубь леса, но меня не видел. На голове у него было два шрама. Индеец взял с собой двух собак, но, к счастью, они не залаяли. Потом через расчистку прошло еще несколько мужчин, однако и они меня не заметили.

Когда индейцы повернули обратно, я на цыпочках побежала за ними следом. Они вышли на тропинку и я подумала: «Должно быть, это тропа махекототери. По ней махекототери пройдут в шапуно на праздник. А когда они будут возвращаться к себе, я незаметно последую за ними». Я слышала, что махекототери (махеко означает «колени») живут у большой реки, в том месте, где она изгибается коленом. Индейцы говорили, что на этой реке бывают белые. Я решила, что махекототери должны скоро прийти, потому что в шапуно их давно ждут спелые бананы и пупунье. У этой тропы я прождала дней пять, но махекототери все не появлялись. Тогда я подошла к самому шапуно, так как понимала, что перед праздником намоетери не до меня, многие мужчины отправились на охоту, другие собирали бананы и пупунье. Подобралась так близко к хижинам, что отчетливо слышала голоса.

Однажды вечером я спустилась к игарапе. Туда же пришли и женщины намоетери наловить раков. Вокруг носились комары. Женщины беседовали между собой, а я внимательно слушала. Один комар укусил меня и я — шлеп! — ладонью припечатала его ко лбу. «Послушайте, кто-то убил комара. Уж не Напаньума ли?» Я сразу же бросилась в чащу. Женщины вернулись в хижину и рассказали, что кто-то убил рукой комара. Поздно ночью в лес, держа в руках горящие головешки, пришли трое или четверо мужчин. Они свистели, громко звали меня, но я не откликнулась. Тогда один из них сказал: «Может, это просто с дерева упал плод?» На следующее утро я услышала, как вождь громко кричит: «Соберите дрова и разожгите костер. Приготовьте банановую кашу. И пусть гости не приходят поздно. Потому что вечером наши враги могут напасть на них из засады. И я не хочу, чтобы вина за это пала на меня. Двое воинов должны пойти навстречу гостям и предупредить, чтобы они приходили, когда солнце будет висеть высоко в небе. Приятно танцевать при свете дня».

Примерно в полдень я увидела махекототери, приближавшихся к шапуно. Они говорили почти на том же языке, что и намоетери, и я хорошо их понимала. Один из них сказал: «Малыши голодны, они за весь день ничего в рот не брали, кроме сока патауа» [27]. Гости сделали привал неподалеку от шапуно, и вскоре я услышала крики: «Пей хав, пей хав... Дайте этим двум махекототери и этим двум кашираветери поесть!» Я знала, что, когда группа гостей отправляется на реахо, она вначале останавливается возле шапуно, два, иногда четыре индейца с корзинами идут туда. Тушауа дает им дичь, бананы, пупунье,

и те относят все это остальным. Посланцы вернулись и радостно закричали: «В шапуно полно еды: банановой каши, мяса, пупунье».

Гостей было, верно, больше сотни. Они все стали краситься. Матери говорили малышам: «Справьте нужду здесь в лесу. Когда мы будем в шапуно, не вздумайте гадить на землю. А если захотите выйти, то знайте, мы не пойдем вас провожать. Не хотим, чтобы в нас угодила стрела врагов намоетери. Если же вы нагадите в шапуно, потом о нас будут плохо говорить». Когда все разрисовали себя, гости направились в селение. Впереди мужчины, за ними старики с глиняными горшками и гамаками, привязанными за спиной, и, наконец, женщины. Когда они пришли в селение, раздался веселый голос Фузиве: «А-а-а, пришли наши братья, наши друзья». Поздно вечером он снова громко закричал: «Пей хав... Женщины кашираветери, женщины махекототери пусть споют. Наши женщины будут петь потом. Мы научимся вашим песням, а вы нашим!» Вначале запели женщины, а поздно ночью — мужчины. Всю ночь я лежала и слушала, как они поют.

Рано утром мимо меня прошли по тропе первые из гостей, возвращавшиеся к себе в шапуно. Когда взошло солнце, по тропе прошла еще одна группа мужчин и женщин. Я хотела последовать за ними, но потом подумала, что, может, с ними идет и несколько намоетери. Тогда они меня увидят и убьют. Я вернулась к своей «лодке», взяла пупунье и отправилась к игарапе, где водились маленькие рыбы. Поймала несколько рыбок, выбралась на противоположный берег, развела огонь, сварила рыбу с пупунье и сытно поела.

Позже мне рассказали, что, когда все махекототери и кашираветери ушли из шапуно, хозяева стали говорить: «Что-то слишком рано ушли эти махекототери. Может, они в лесу встретили Напаньуму и забрали ее себе». В полдень тушауа Фузиве громогласно объявил: «Наверное, махекототери нашли Напаньуму в лесу. Поэтому они и ушли с реахо так рано». Остальные ответили: «Конечно, так оно и было. Пойдем за ними следом. И в отместку заберем их женщин!»

Они взяли луки и стрелы и помчались за махекототери, которые еще вчера были их друзьями. К вечеру они настигли индейцев кашираветери и ворвались в их хижину. Кашираветери испугались и спросили, что им нужно. Тушауа кашираветери закричал: «Что вы тут ищете? Вошли и даже не обратились ко мне. Сначала должен был прийти ваш тушауа и поговорить со мной. Я бы ему ответил на любые вопросы». Тогда брат Фузиве сказал: «Вы должны знать. Махекототери

нашли в лесу Напаньуму. Оттого они и ушли рано утром». Похоже, что тушауа кашираветери ответил: «Я у них Напаньуму не видел. Четверо наших мужчин ушли вместе с ними из вашего шапуно, они сидят в соседней хижине. А ушли они рано потому, что по дороге к вам заметили нору броненосца и завалили ее. Вот они и поспешили, чтобы поймать броненосца и изжарить его». Потом он позвал четверых мужчин и спросил у них: «Видели вы в лесу женщину либо следы женщины?» «Нет,— ответили те,— в прибрежном иле отпечатались только наши следы, других следов не было». Тогда все кашираветери яростно закричали: «Вы, намоетери, наглецы. Почему вы угрожали нас убить, если ничего не разведали?!» Намоетери молча вышли из хижины и собрались возле реки. Посовещавшись, они решили догнать махекототери. Тушауа Фузиве велел своим воинам не спрашивать у них, не видели ли они Напаньуму, а сразу же схватить их женщин. Но только молодых, бездетных. Потом мне рассказали, что, когда в лесу совсем стемнело, воины тушауа Фузиве ворвались в хижины, в которых махекототери расположились на ночь. Старики и старухи перепугались, стали кричать: «Враги, враги, много намоетери!» В тот раз намоетери увели с собой семь молодых женщин, одна из них была беременна. Ни одного воина они не убили, потому что, по их словам, все мужчины махекототери схватили луки и стрелы и убежали в лес.

Ночью я услышала, как намоетери возвращались к себе в шапуно. Пленницы громко плакали. А воины уговаривали их: «Не плачьте, неужели вам так приятно было жить с противными стариками. Вы такие молодые, а живете со стариками, у которых уже седые волосы. Вам радоваться надо. Нас много, мы сильные, храбрые, вам будет хорошо с нами». Поздно ночью я подкралась к самому шапуно. Фузиве громко говорил своим: «Я тоже участвовал в походе. Одна из этих женщин для моего брата. Я пришел к кашираветери. Старик, их тушауа, сказал мне: «Здесь Напаньумы нет». Он сильно гневался. Может, он думает, что я его испугался? Захоти я, мои воины увели бы всех его женщин. Но я пожалел его. У кашираветери и без нас много врагов».

На следующий день я отправилась в лес, туда, где росли пальмы бурити. Когда спелые плоды бурити падают в реку и там сгнивают, к ним стайками подплывают рыбы. В ямках прибрежного ила прячется рыба, а то и две. Я их ловила голыми руками.

Это был последний день моей жизни в лесу.

Когда я ловила рыб, мимо проходило несколько намоетери. Они увидели мои следы и нашли то место, где я разводила костер. Они пошли по моим следам и обнаружили, что я брожу вокруг шапуно. Вернулись и рассказали об этом Фузиве. Он сильно разгневался: «Это ее вина, что я стал врагом кашираветери, это она виновата, что мои воины похитили женщин у махекототери. А теперь покажите мне ее следы».

Я варила на берегу рыбу, потом нырнула в воду и поплыла. Птицы купари, которые начинают кричать, увидев людей, заметили меня и заверещали: «кау, кау, кау!» Фузиве увидел мои следы, свежую рыбью чешую, услышал крики птиц и сказал: «Да, это Напаньума! Следы идут вокруг шапуно. Значит, она где-то недалеко».

Вернувшись в шапуно, Фузиве сказал матери: «Мать, я нашел следы Напаньумы». Мать ответила ему: «Если ты ее поймаешь, то не убивай. Она убежала из страха, а не потому, что виновата». Фузиве ответил: «Ночью я спрячусь возле реки. Если она скрывается там, то придет к реке напиться...»

Я легла спать. Потом часов в девять вечера встала и пошла варить завернутую в листья рыбу. Рыбу завертывают и варят в пяти больших листьях пишиаанси. Листья бананов для этого не годятся: они слишком быстро сгорают и рыба не успевает свариться. Если рыбы маленькие, то их в пакет из листьев кладут сразу несколько Когда рыба начинает потрескивать, листья приоткрывают, ставят вниз куйю, и в нее стекает сок. Когда сок перестает течь — рыба готова.

«Надо сходить за водой»,— подумала я. Взяла две головешки и прямо через старую расчистку спокойно спустилась к реке. Жабы громко звали кого-то: «кро, кро». Я, конечно, не подозревала, что меня уже поджидают в засаде Фузиве, его брат и еще один молодой мужчина.

Оставив головешки в прибрежном кустарнике, я вошла в воду. Всплеск — и кто-то схватил меня за руку. Раздался голос Фузиве: «На этот раз уж ты наверняка заслужила смерть! По твоей вине я захватил жен и дочерей моих недавних гостей. И теперь они стали моими врагами». Он подтолкнул меня: «Идем в шапуно!» Его младший брат, совсем еще мальчик, робко сказал: «Правда, мы захватили много женщин. Одна из них убежала, остальные сидят и плачут». Я шла первой, а за мной шли Фузиве, его брат и молодой мужчина.

«Теперь меня убьют,— думала я.— Мне уже не спастись». Я шла и тихо молилась.

Наконец мы добрались до шапуно. Тем временем патанаветери, которые жили вместе с намоетери, собрали свои пожитки и ушли. Они сказали: «Вы, намоетери, украли женщин у махекототери, а они друзья белых. Белые придут и убьют вас». В шапуно осталось человек сто. Едва мы вошли, Фузиве сказал мне: «Видишь, передняя часть шапуно опустела, очаги потухли. Патанаветери боятся, что придут белые и всех нас убьют. А все ты виновата!» Он привел меня к очагу, где жила его самая старая жена, и сказал: «Вот она, твоя Напаньума. Ты ее всегда защищала. Радуйся, она здесь и здесь останется». Старая жена сказала мне: «Иди сюда, садись». Я не переставая плакала, а рядом горько плакала одна из пленниц, та, которая ждала ребенка.

Фузиве отошел в сторону. Я услышала, как он сказал матери: «Мать, я поймал Напаньуму, когда она пришла напиться. Теперь она сидит и плачет у очага моей самой старой из жен». Мать ответила ему: «Не убивай ее. У тебя уже есть четыре жены, если она тебе не нужна, приведи ее ко мне. Она будет жить со мной до тех пор, пока мой младший сын не станет мужчиной». Отец Фузиве тоже стал уговаривать его: «Почему ты хочешь убить Напаньуму? У нее нет ни отца, ни матери, ни брата — никого нет. Она не виновата, что ты увел женщин махекототери. Вы их захватили, потому что сами этого хотели. Никто вам не говорил, что Напаньума прячется у махекототери. Когда они пришли на реахо, твоя мать спросила у их женщин: «Вы не видели дочь белых, она бежала отсюда?» Женщины ответили, что не видели. Вы похитили чужих жен, потому что вам этого хотелось».

Тут к Фузиве подошел крепкий юноша. Его звали Рашаве (раша означает «пупунье»). Он сказал Фузиве: «Родич, кого ты собрался убить?» — «Я поймал Напаньуму, когда она пила воду у реки».— «Почему ты хочешь ее убить?» — «Потому, что она убежала и убежит снова. Это ее вина, что махекототери стали нашими врагами. Вот почему я хочу ее убить».

И тогда Рашаве сказал: «Ты самый могучий человек в шапуно, ты наш тушауа, но послушай моего совета — не убивай ее. Она и прежде подолгу жила одна в лесу. Когда мы ее увидели первый раз, она была худой. А теперь у нее тело женщины. Сохрани же ей жизнь. Оставь ее с твоей самой старой женой либо сам возьми в жены. Нет, ты не убьешь женщину, у которой нет родных. Если ты ее убьешь, кто будет потом оплакивать ее? Кто сожжет ее на костре? Кто возьмет ее пепел! Ты очень плохо сделаешь, если убьешь ее».

Тогда Фузиве ответил: «Раз ты просишь меня не убивать

Напаньуму, я ее пощажу». Рашаве воскликнул: «Однажды, Фузиве, ты мне скажешь так: «Твои слова были мудрыми. Поешь эту банановую кашу, ее приготовила Напаньума». Вот что ты мне скажешь однажды».

Фузиве и Рашаве подошли ко мне. Фузиве сказал старшей из своих жен: «Дай Напаньуме гамак, она останется с нами. Я хотел убить ее сегодня же, но, когда я советовался с отцом, пришел он (он показал на стоящего рядом Рашаве) и отговорил меня». Рашаве посмотрел на меня и спросил: «Куда ты хотела убежать?» «Я бродила вокруг шапуно»,— ответила я. «Больше не убегай. Я тебя защищал, не дал тебя убить, но ты уж больше не убегай».

Тушауа Фузиве подошел к стене шапуно, взял огромную дубинку из пальмы пупунье и сказал: «Этой дубинкой я хотел тебя убить. Этот человек спас тебя, и ты будешь жить, считай его отныне твоим братом». Я расплакалась.

Тогда Рашаве сказал мне: «Живи с ним, не убегай больше». Я не отвечала, лишь горько всхлипывала. Повернувшись к Фузиве, Рашаве продолжал: «Мне очень жалко ее, и мой старик отец тоже очень ее жалеет. Ты великий тушауа, но ты послушал моего совета. Мой отец говорил: «У нее никого нет, она могла бы жить с нами». Но ты нашел ее в лесу, и она твоя. Не обижай ее, не бей. Она убегала, потому что у нее не было родных, которые могли бы ее защитить и спрятать! А махекототери трусы. Когда мы вместе с вашими воинами нагнали их, они чуть не умерли со страху. Старики кричали, старухи вопили, мужчины все разбежались».

Рашаве был тушауа пишиаансетери. Вместе с Фузиве и его воинами он участвовал в нападении на махекототери и захватил двух молодых женщин.

Несколько дней спустя Рашаве со своими людьми вернулся в родное шапуно у подножия горы.

Я осталась с намоетери. Больше я не убегала: Фузиве был высоким и сильным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Так я стала пятой женой Фузиве. Мы жили отдельно, но наши очаги были рядом. Самая старая из жен была из общины патанаветери племени намоетери. У нее была взрослая замужняя дочь и маленькая дочка. Она командовала всеми нами. Вторую жену звали Шерекума. Она принадлежала к арамамисетери. Фузиве похитил ее совсем девочкой, когда она купалась в реке. Воспитала ее мать Фузиве. Третью жену, по происхождению хасубуетери, Фузиве захватил после одного праздника, когда она с родичами возвращалась в шапуно. Четвертую жену, намоетери, самую молодую и красивую, звали Токома. И наконец, пятой женой стала я.

Индейцы не любят, когда их называют по имени, и я узнала их имена лишь много времени спустя[28]. Однажды Фузиве сказал: «Почему это вы не находите для детей красивых имен?» Одна из его жен сказала: «Твое имя тоже плохое». Но я не решилась спросить, как его зовут. От жены хасубуетери у Фузиве был сын по имени Комохиве. И я звала своего мужа «отец Комохиве», другая жена называла его «отец моего сына», тетка — «отец моего племянника». Имя отца Фузиве я узнала, лишь когда тот умер. Звали его Хайамамукуве (что означает «олений глаз»). Малышей называют по имени, но только до тех пор, пока они не подрастут. Женщин обычно тоже называют не по имени, например, а — Мать Моего Сына. Когда человека нет в шапуно, другие иной раз называют его по имени, но в его присутствии — никогда. Во время боя индейцы окликают своих врагов по имени, но это потому, что они враги.

В состав намоетери (намое — название высокой горы) входили также патанаветери, гнаминаветери и пишиаансетерй. Когда они жили вместе, всеми ими руководил Фузиве. Их общая численность составляла больше сотни мужчин, женщин и детей. До Фузиве вождем всей группы был его отец, а вождем собственно намоетери был старший сын вождя группы. Дядя Фузиве, имевший двоих сыновей-колдунов, младший брат его отца, был вождем патанаветери, самого многочисленного среди всех четырех подразделений. Вождь другой группы все время повторял: «Хочу жить один, гнами». Поэтому и всю группу назвали гнаминаветери — одинокие. Вождем пишиаансетери

был Рашаве, спасший меня от смерти. До этого вождем пишиаансетери был его отец. Рашаве не был старшим сыном, но он отличался храбростью и силой и стал вождем.

Возле нашего шапуно были две большие расчистки. На одной росли бананы, на другой — хлопок. Кустов хлопчатника я до этого не видела, потому что саматари его не сеют. Однажды Фузиве сказал: «Колибри поедают семена хлопка, а крысы пожирают то, что падает на землю. Надо поскорее его собрать». Мы почти без отдыха трудились целых три дня. Хлопок еще не созрел, и мы положили его сушиться на банановые листья. Индейцы обычно сушат хлопок на открытой лучам солнца площадке перед шапуно, при этом подальше от огня, чтобы он не пожелтел. Сеют хлопок мужчины. Вырывают на поле сорную траву, затем жгут деревья и сажают семена. С помощью сломанного лука или заостренной палки делают в земле ямку и кладут в нее два семени. Если хлопок кустится слишком сильно, его подрезают, оставляя всего два отростка. Индейцы говорят, что у некоторых «дурная» рука, и, когда они сеют хлопок, он потом вырастает чрезмерно высоким.

Однажды тушауа Фузиве рассказал мне историю хлопка: «В давние времена колибри были людьми и у них были гамаки из хлопка. (До сих пор колибри крадут кусочки хлопка, чтобы сделать себе гнездо.) Яноама увидели эти гамаки и спросили у теңшо (колибри), как они их сделали. Колибри привела людей к расчистке и показала людям маленькие растеньица, потом растения с коробочками хлопка и, наконец, те же растения, но уже с пустыми коробочками. Потом сказала людям: «Сажайте на расчистке один только хлопок, потому что другие растения отнимают у земли силу. Сажайте хлопок так, чтобы у вас были и молодые побеги, и с коробочками, и старые. Тогда у вас всегда будет хлопок». Колибри дала яноама семена и сказала: «Когда растение вырастет, подрежьте ему макушку, тогда ветви будут гуще». Взяла длинную палочку, кусок круглой и гладкой внизу куйи и сделала из них веретено. Так она научила людей прясть. А когда люди превратились в животных, теңшо превратилась в маленьких птиц колибри».

Самая старая из жен Фузиве очень хорошо относилась ко мне. Иногда другие три жены требовали, чтобы я делала для них большие ножи и материю, потому что я белая и должна это уметь. Они приходили к Фузиве и говорили: «Побей ее, она белая, а не хочет делать для нас ни горшков, ни ножей». Тушауа гнаминаветери всегда меня защищал: «Белые женщины, наверное, тоже не умеют делать больших ножей, нет! И по-

том Напаньума уже давно живет с нами, откуда же ей знать! Почему вы хотите, чтобы ее побили? Почему вы желаете ей зла, нехорошо это!»

Но женщины не сдавались: «Она белая и должна знать. Просто не хочет ничего делать. Побей ее. А если не умеет, значит, ее отец не был белым».

Я отвечала: «Мой отец не умел делать мачете, он работал на сборе каучука и покупал мачете у других[29]. А ткани ему давали в уплату за работу».

Фузиве не требовал, чтобы я делала мачете или ткани, но и не защищал меня, когда другие жены кричали и возмущались.

Во время сбора урожая кукурузы, когда нужно было разделить между всеми пятью нашу долю урожая, этим занималась самая старая из жен Фузиве. Она отделяла маленькие початки от больших и потом говорила мне: «Когда они соберут кукурузу, поделишь ее между всеми». Я отказывалась: «Не хочу, вдруг я одной дам больше, а другой меньше». Старая жена часто говорила мне: «Командуй ими сама». Когда не хватало хворосту, она звала меня и говорила: «Хворосту мало осталось, пошли остальных в лес». Я говорила им: «Идите в лес и принесите оттуда хворосту». Вначале я не хотела командовать и даже плакала. Но потом привыкла. Нередко одна из жен спрашивала: «А ты почему не идешь?» Я отвечала: «Мне велено передать тебе, и все тут. Посылают-то тебя, а не меня». «Как! Ты, чужая здесь, будешь командовать, а мы должны тебе повиноваться!» Я передавала их слова старой жене, а она отвечала: «Если они тебе еще раз скажут то же самое, предупреди тушауа (то есть Фузиве). Он сам решит, что и как». Спустя некоторое время, когда старой жены не было рядом, я уже сама говорила: «Ты сходи за водой, а ты свари мингау из бананов». И они подчинялись. Когда в гости приходили женщины из других шапуно, старуха говорила мне: «Сходи по воду вместе с остальными женами. Не то они начнут болтать, будут без конца купаться в реке и потеряют впустую много времени. А если ты пойдешь с ними, они долго бездельничать не станут — побоятся, что ты потом передашь все тушауа. Большую корзину не бери, понесешь только куйю».

Как-то Фузиве мне сказал: «Если какой-нибудь из мужчин будет лезть к тебе или к твоим подругам, ты знаешь, где его слабое место?» «Нет»,— ответила я. «Так вот, схвати его между ног и дави изо всех сил и увидишь, что он мертвым упадет». В шапуно мужчины обычно не трогают женщин. Но не все. И я сказала им однажды: «Не вздумайте приставать ко мне. Я вас за шею или за руку хватать не стану, схвачу вот за это

место и, сколько не кричите, не отпущу». Мне рассказывали, что одна женщина убила так одного насильника, а потом убежала в другое шапуно. В нашем шапуно мужчины все время преследовали одну девушку, отец у нее был намоетери, а мать саматари. Она очень боялась и вечно просила меня проводить ее к реке. Мужчины часто спрашивали ее: «Почему ты неразлучна с Напаньумой? Она тебе что — мать или муж?»

Однажды мы вчетвером отправились в лес: я, эта девушка, ее тетка и дочь моего мужа. Вдруг на девушку набросилось несколько мужчин. Она обхватила руками и ногами ствол дерева. Женщины тянули ее в одну сторону, мужчины в другую. Дочь моего мужа пыталась ее защитить, но мужчины оттолкнули ее и снова окружили девушку. Она закричала: «Напаньума, спаси меня, спаси!» Я бросила корзину и встала между девушкой и мужчинами. Один из них сказал: «Отойди, не то плохо тебе будет». Но я закричала: «У вас в руках отравленные стрелы, и все равно я вас не боюсь!» У мужчин не хватило смелости тронуть меня, но они не расходились. А я в ярости вопила: «Вы хуже собачьей своры. Может, думаете, я из тех, что садятся на землю и ждут, пока вы кончите свое дело? Нет, хоть я и слабая женщина, но свою подругу в обиду не дам».

Я и в шапуно вошла с криками и плачем. Несколько мужчин спросили: «Кто же это был?» Я показала рукой на женщин: «Вон стоят их жены». «Они причинили зло девушке?» — спросил кто-то. «Нет, но они хотели»,— ответила я. Меня переполняла ярость. Девушке я сказала: «А ты со всеми болтаешь. Девушка, которая собирается замуж, не должна так себя вести». От волнения и обиды я разрыдалась. Это увидел Фузиве. Он подошел и спросил: «Почему ты плачешь? Кто тебя обидел? Сейчас я испробую на нем мою дубинку!» Тут вернулись из лесу мужчины и сказали ему: «Мы не трогали ни Напаньуму, ни твою дочь». «Знаю, но вы не должны трогать и других женщин». Он схватил дубинку и хотел ударить наших обидчиков по голове. Потом стал кричать: «Если думаете, что сможете делать подобные дела в моем шапуно, то лучше вам сразу отсюда уйти. Перебирайтесь к хасубуетери, они со своими женщинами всякое проделывают. В следующий раз я сам пойду за женщинами, которые отправляются в лес, и, если услышу крики, прибегу и убью вас этой дубинкой».

Многие женщины яноама всю жизнь остаются верными мужу, другие ему изменяют. Нередко дед и бабушка говорили внуку: «Скажи своему отцу, что, пока он был в походе, твоя мать жила с другим». Иногда отец отвечал: «Мне все равно, пусть спит, с кем ей вздумается». Но большинство мужей были

очень ревнивыми. Помню, как одна женщина, очаг которой был рядом с моим, поднесла мужу, вернувшемуся из лесу, банановое мингау. Тот отшвырнул мингау и ударил жену палкой по голове. Подбежала ее старая мать, громко запричитала, но он кричал: «Она настоящая сука. Стоит мне уйти из шапуно, как она уже бежит в кусты с другим». Потом он отыскал того, с кем она изменила, и побил его дубинкой. Женщина осталась с мужем. Но время от времени муж, вспомнив про ее грехи, снова принимался потчевать ее палкой по голове, приговаривая: «Беги, беги к своему милому».

Одна из замужних женщин полюбила мужчину, который был моложе ее мужа. Она дождалась, когда муж ушел далеко на охоту, и пригласила молодого воина на свидание на старую расчистку. Когда муж вернулся, ему об этом рассказали. Он избил свою жену палкой, а потом прижег ей грудь горящей головешкой. Но женщина сказала подруге: «Он избил меня палкой, теперь я еще и не такое сделаю».

Мать Фузиве часто беседовала со мной. Обычно свекрови не любят делиться опытом с женами своих сыновей, но моя рассказывала мне о многом. Она говорила, что не боится меня и я не должна ее бояться, потому что она уже совсем старая. Между тем, мужчины очень боятся своих тещ и говорят, что, стоит теще на них взглянуть, их словно огнем обжигает. Старуха рассказала мне об одном довольно диком обычае намоетери. Если первый сын родится и умирает, а за ним умирают второй и третий, то женщина должна провести ночь с другим мужчиной, и тогда ребенок не умрет. Иногда дети рождаются желтые-желтые. Индейцы говорят, что, значит, отец совсем недавно съел пепел умершего. Поэтому, когда женщина ждет ребенка, ее муж не ест пепла умерших.

У одной женщины дети все время родились желтыми и потом умирали. Старик колдун вдохнул в себя эпену и сказал мужу, что, если он хочет иметь детей, его жена должна встретиться с другим мужчиной. Мужу это не понравилось, и он отказался послать жену к другому, но колдун сказал ему: «Я тебе только дал совет. И не забывай, дети умирают по твоей вине». Все же муж не послушался колдуна, и дети у него по-прежнему рождались желтыми и потом сразу умирали. Я помню три случая, когда жены по воле своих мужей проводили ночь с другими мужчинами, чтобы иметь детей. Одна женщина не хотела встретиться с мужчиной, выбранным для нее мужем, и тот побил ее палкой.

Были женщины, которые встречались с женщинами, но остальные считали это диким. Однажды несколько девушек

сказали одной из таких женщин: «Вон твоя жена». Ее мать услышала это, но ничего не сказала. Эта девушка не хотела выходить замуж и избегала мужчин. Немного спустя она сказала своей приятельнице: «Пойдем в лес собирать плоды кайу». Другие девушки тоже хотели пойти, но она сказала: «Нет, мы пойдем вдвоем, потому что от вас мало проку». Девушки ответили: «Хотите пойти в лес одни, потому что вы — муж и жена!» Тут мать девушки схватила палку, та бросилась бежать, но мать догнала ее и побила.

Мужчины и женщины яноама стесняются интимных отношений. Мать Фузиве давала ему много мудрых советов. Я не раз слышала, как она говорила: «Сын мой, у тебя много жен. У этой нет детей, у той есть, а у этой двое почти взрослых детей. Когда пойдешь в лес, возьми с собой ту, у которой нет ребенка. Когда у нее округлится живот, оставь ее в шапуно, а в лес возьми другую, у которой пока тоже нет ребенка. Дети этого не должны видеть». Фузиве отвечал: «Мама, мне стыдно про такое слушать». «Нет, сын мой, тут нет ничего постыдного. Если ты будешь так делать, другие жены не станут сердиться, если ты не возьмешь их в лес. Могу тебе при всех повторить: все это делай тайком, чтобы никто не видел».

В то время мы жили мирно и спокойно, на наших плантациях уродился табак. Индейцы сушат табачные листья над огнем. Употребляют их для жевания. Сначала жуют листья, которые уже начинают портиться. Предварительно их кладут в кучу с водой. Затем у костра перемешивают листья с золой до тех пор, пока они снова не становятся сухими. Тогда стряхивают золу, скатывают листья в длинную и толстую трубочку и засовывают ее за нижнюю губу.

Женщины тоже жуют табак, но я не хотела жевать, свертывала «сигару» и начинала курить. Фузиве говорил мне: «Если хочешь, кури, когда стемнеет, так, чтобы другие не видели». Ему тоже был неприятен запах табачного дыма. Иногда женщины делают комок, кладут в рот и, пожевав, передают мужу. Некоторые мужчины не хотят жевать табак, побывавший во рту у жены, им это противно. Я всегда готовила Фузиве жвачку, но сама к ней не притрагивалась.

Однажды Фузиве рассказал мне историю табака: «Когда животные были людьми, летучая мышь, вашо, как-то встретила индейца яноама и предложила ему отведать табака. Индейцу табак понравился. Тогда вашо взяла табачные семена, которые хранила в маленькой бамбуковой трубочке. Несколько семян она положила в лист растения микуеми и так сказала человеку: «Возьми термитник, он хорошо горит, и разожги на

расчистке огонь. Через три дня положи эти семена на выжженную землю и слегка прикрой их сверху. Когда появятся зеленые кустики, пересади их и укрой от солнца, обложив большими листьями. Когда пройдут дни одной руки (пять дней) и кустики подрастут, убери листья, которыми ты их обложил. На солнце табак станет крепким, сильным, а от дождя он слабеет»».

Яноама до сих пор так и сеют табак.

Однажды Фузиве сказал мне: «Хекура рассказали мне, будто белые закапывают мертвецов в землю. Это правда?» Я ответила: «Да, я никогда не видела, чтобы белые сжигали мертвецов». «Значит, хекура не выдумали?» И добавил: «Однажды мы напали на хижину белых, но они убежали». Один из нас сказал: «Когда кто-нибудь из белых умирает, они вырывают в земле яму и вместе с мертвецом кладут туда все, что он имел при жизни: мачете, кувшины». Мы стали рыть землю, нашли вздувшееся тело в плоском деревянном стволе, но рядом не лежало ни ножей, ни кувшинов — ничего. Тогда мы снова зарыли яму». Я сказала: «Нет, мы ничего не кладем в могилу». Потом я спросила у Фузиве: «А почему вы тоже не закапываете мертвеца в землю?» Фузиве ответил так: «Если мертвец будет лежать в яме, засыпанный землей, его душа не сможет выйти. Вы закапываете своих мертвецов в землю, и их пожирают черви. Значит, вы не любите своих близких». «А вы слишком уж любите,— сказала я тогда.— Сжигаете родных детей, стариков. Мало того что они умерли, так вы еще поджариваете их на огне».

Он схватил палку и бросился за мной, но я улизнула. Потом он первый позвал меня: «Иди сюда, поговорим, но только тихо, а то ты вечно кричишь». Я остановилась, посмотрела на него и подумала: «Если я убегу из хижины, он решит, что я испугалась». Я вернулась, села к очагу и сказала: «Когда ты умрешь, вырою в земле большую глубокую яму и положу тебя туда». Фузиве засмеялся, огонь уже догорал, я встала и пошла в лес набрать сучьев. Вечером я села возле Фузиве и спросила: «Почему ты погнался за мной с палкой? Что я тебе такого сказала? Просила тебя, если умру, похоронить меня в земле, как это делают все белые! А ты хотел поколотить меня!» «Знаешь, иной раз на тебя нельзя не рассердиться,— сказал Фузиве.— Говоришь громче любого мужчины. Попробуй тебя перекричи». «И все равно вы нехорошо делаете,— повторила я.— Сжигаете мертвеца, потом начинаете размалывать кости. Заставляете беднягу мучиться и после смерти. После этого смешиваете пепел с банановой кашей и съедаете.

А затем отправляетесь в лес и оставляете под кустом зловонную кучку грязи». Фузиве внимательно посмотрел на меня и тихо сказал: «Как бы кто-нибудь не услышал этих твоих слов».

Индейцы верят, что и после смерти продолжается жизнь. Мать Фузиве говорила мне: «Я хочу умереть и потом отправиться в шапуно Туоно. Я устала от всех бед и дел, а там буду жить спокойно». «Значит, у Туоно есть хижина?» — спросила я. «Конечно,— ответила старуха.— Мои бабушка и прабабушка рассказывали мне о нем. Те, кто умерли на время, а потом ожили, сами побывали там. После смерти сын Туоно призывает к себе тень и говорит: «Пойдешь вот этой дорогой». Сын Туоно живет на горе рядом с шапуно Туоно. Тропа, ведущая к нему, некрасива. Красивая тропинка, по краям поросшая цветами, начинается дальше. Заканчивается она пропастью, но увидеть ее дано не всякому. Подступы к ней усыпаны красивыми листьями. В обрыве беспрестанно бурлит и клокочет смола. Сам Туоно красив и статен, как тушауа, и шапуно у него похоже на шапуно яноама. Вместе с Туоно живут мертвецы, они все очень красиво разрисованы и стали еще прекраснее, чем при жизни. Души умерших не обрабатывают плантации и не ходят на охоту. Они все едят авокадо и мукаму — маленький черный лесной плод[30]. Девушки там благоухают цветами. Никто не стареет, не болеет и не мучается. Но если ты в этой жизни вел себя плохо, то тебе не попасть в шапуно Туоно. Плохие яноама, не послушавшись сына Туоно, выбирают красивую тропу, доходят до пропасти, называющей ся Шопариваке, и падают в нее. Оттуда им уже не выбраться, и больше они не увидят своих родных». Такую же историю мне рассказал и Фузиве.

Иногда, когда вдалеке слышались раскаты грома, а дождь не начинался, индейцы говорили: «Это в Шопариваке плачут и кричат от боли мертвецы. Бедняги. Там жарче, чем на солнце, а они вдобавок плавятся в смоле». Я говорила тем, кто убил в бою чужого воина: «Вы плохие и попадете в кипящий Шопариваке». «Нет,— отвечали они,— мы не попадем, мы убивали в честном бою». Фузиве говорил мне: «Вот ты попадешь в Шопариваке, потому что, когда у тебя берут твою куйю, ты начинаешь кричать и ругаться. Бананами ты тоже не любишь делиться. Те, у кого есть еда или еще что-нибудь, а они отвечают: «У меня ничего нет, а то бы я охотно дал»,— вот они и попадут в Шопариваке». Старая мать Фузиве говорила мне: «Я очень боюсь Шопариваке, поэтому я даю все, что у меня ни попросят».

УСТУПЛЕННАЯ ЖЕНА

Однажды мы, жены Фузиве, отправились ловить рыбу на дальнее игарапе. Вечером, когда мы вернулись, каждая разожгла свой костер. Мы наловили много рыбы и теперь принялись жарить ее в пакетах из листьев. У жены хасубуетери был маленький сын и девочка постарше. Вдруг малыш заплакал. Фузиве спросил: «Почему он плачет?» «Не знаю,— ответила я,— может, переел рыбных икринок».

Фузиве стал искать мать малыша, позвал несколько раз: «Шаботами, Шаботами». Женщина не отвечала. «Не видела, куда она пошла?» — спросил у меня Фузиве. «Не знаю»,— ответила я. Тогда Фузиве взял малыша на руки и сказал другой своей жене, арамамисетери: «Возьми гамак Шаботами, незаметно обойди все очаги и, как увидишь ее, отдай ей гамак. С кем бы она ни была, пусть даже с моим братом, отдай ей гамак, а мужчине скажи: «Мой муж вручает тебе гамак и жену. Вам очень приятно беседовать, вот и оставайтесь вместе»».

Женщина взяла гамак и пошла искать Шаботами, которая как раз о чем-то беседовала с младшим братом Фузиве, сидя у его очага. У женщины не хватило храбрости сказать об этом Фузиве. Немного спустя она вернулась и сказала: «Я ее не нашла». «Ах, не нашла!» — воскликнул Фузиве. Схватил толстую палку и ударил жену по спине. Та упала и громко заплакала. «Так где она?» — грозно спросил Фузиве. «Сидит с твоим братом».— «Почему же ты не отдала ему гамак?» И он еще три раза что есть силы ударил бедняжку палкой. Потом той же самой палкой ударил по голове другую свою жену — Такому. Я думала, что меня он не тронет, но он и меня так ударил палкой, что я упала. Но тут же вскочила и побежала к его старухе матери и спряталась за ее спиной.

Мать крикнула: «Что с вами случилось? Вернулись с богатым уловом, сели бы все вместе, поели рыбы, так нет, одна плачет, другая стонет. А ты, сын мой! За что их побил? Иди ложись спать. Твой отец говорил: «Мужчина — сын женщины, и он не должен ее бить». Ты забыл слова отца? Ты ударил и Напаньуму, а ведь она меня больше всех уважает». Я горько плакала. А Фузиве слушал молча, ничего не возражал. Потом он сказал: «Ты всегда защищаешь женщин». «Да, защищаю. Потому что они тоже люди и им тоже бывает очень больно». Фузиве, понурив голову, отошел.

Старуха сказала мне: «Иди спокойно доваривай рыбу, он больше тебя не тронет». Я с плачем легла в свой гамак. Фузиве посмотрел на меня и сказал: «Это все Шаботами. А вас я уда-

рил оттого, что малыш плакал, и я сердился. А теперь, Напаньума, возьми ее гамак и отнеси ей. Может, брат так и не найдет другой жены и будет рад, что хоть Шаботами осталась с ним».

Я взяла гамак и сказала: «Мне уже раз попало по ее вине, с меня хватит. Если она вернется, я сама ее побью». И я, прихрамывая, пошла к очагу брата Фузиве. Он лежал в своем гамаке и ел бананы, а рядом сидела Шаботами. «Вот ее гамак,— сказала я брату Фузиве и, посмотрев Шаботами прямо в глаза, продолжала.— Отец твоего сына велел передать тебе гамак, чтобы ты навсегда осталась жить с этим человеком. Он тебя больше не хочет». Шаботами сказала: «Он попросил, и я принесла ему хворост».— «У него что, матери нет? Разве она сама не могла принести ему хворост? И потом, если ты уж и принесла, то должна была сразу вернуться к своему очагу. Я всегда так делаю. По твоей вине тушауа меня ударил. Если ты вернешься, я снова принесу твой гамак сюда».

Шаботами молчала. Брат Фузиве помрачнел и сказал: «Я ее не хочу». Швырнул на землю гамак и крикнул: «Скажи ему, что мне эта женщина не нужна». Я подняла гамак и ответила: «Нет, она тебе нравится, иначе бы ты не стал беседовать с ней, а сразу отослал назад». И я с силой бросила Шаботами гамак.

Тут подошла мать Фузиве и закричала: «Не хочу для моего сына эту старую, ленивую женщину. Сын мой, отнеси гамак своему старшему брату. Зачем тебе эта лентяйка, ведь она, чтобы напиться, ждет, пока другие принесут воды». Сестра Фузиве поддержала ее: «Брат, я уже подобрала для тебя молодую девушку. Ее мать согласна, эта девушка будет твоей женой». «Пусть берет сразу двоих»,— сказала я. Но брат Фузиве упрямо повторял: «Не хочу ее, не хочу, она мне не нужна».

Я вместе с матерью Фузиве вернулась к своему очагу. Мать сказала Фузиве: «Зачем ты послал ему гамак? Я не хочу, чтобы у твоего младшего брата была такая ленивая жена». Фузиве ответил: «Мать, пусть он пока возьмет Шаботами. Когда она состарится, он найдет жену помоложе». Мать ответила: «По-моему, ты ревнуешь ее к брату, потому и велел отдать ему гамак». «Если бы я ревновал, то не послал бы гамак, а избил бы палкой брата и жену. Нет, мне жаль брата. У меня целых пять жен, а у него ни одной. Вот теперь представился случай ему помочь». Тут мать подошла к Фузиве вплотную и тихо сказала: «Тогда ты должен был бы отдать ему жену помоложе. А то все скажут, что ты отдал брату самую плохую».

Шаботами вернулась к нам.

Однажды в шапуно пришли четверо мужчин и две женщины конакунатери. Они говорили немного иначе, чем намоетери. Через некоторое время пришла еще одна конакунатери. Это была молодая женщина, жена одного из этих мужчин. Намоетери забрали ее, а ее мужу сказали: «Не защищай ее, не то мы тебя сразу убьем». Конакунатери тут же отправились в свое шапуно. Они живут далеко в глубине гор Конакуна (буквально — «муравьиные горы»). Чтобы добраться до них, надо пройти мимо всех шапуно арамамисетери и мамунатукатубетери. Фузиве, до того как я с ним познакомилась, воевал против конакунатери с целью захватить у них женщин.

Как-то раз несколько намоетери пошли на охоту и убили трех диких свиней. Когда они стали делить добычу, то одному из охотников пишиаансетери дали только ногу. Тот воскликнул: «Как? Мне одну лишь ногу? Свиней было три. Я вам не собака». Он бросил наземь свиную ногу, схватил палку и ударил по голове другого охотника. Тот упал, но тут же вскочил и ударил обидчика палкой. Началась драка, и вскоре она стала всеобщей. В конце концов пишиаансетери ушли из шапуно.

Спустя много времени они решили помириться. Когда пишиаансетери вернулись, намоетери сказали им: «Сначала спокойно поешьте банановое мингау. Ведь когда вы надышитесь эпены, то станете как безумные, начнете бегать и непременно опрокинете кору с банановой кашей». Когда все поели, женщины унесли глиняные горшки и все остальное. Всю ночь Фузиве, мужчины намоетери и пишиаансетери пели. А наутро Фузиве сказал: «Принесите эпену». Тогда один из колдунов насыпал немного эпены в глиняный сосуд, за ним второй колдун, потом третий. Наконец тушауа крикнул: «А теперь будем вдыхать эпену, и когда надышимся, то и поговорим по душам».

Пишиаансетери вышли, чтобы расписать себя черной золой. Женщины стали испуганно перешептываться. Я прежде такого никогда не видела и теперь удивилась: «Почему женщины так испугались?» Когда гости покрасились и украсили себя перьями, тушауа Фузиве крикнул: «Входите!» Сначала вошли совсем мальчики, расписанные черной краской и держащие в руках палки. Они крикнули: «Хай, хай, хай!» Они еще не пробуют эпену. За ними тоже с палками, но уже побольше и тоже разукрашенные в черный цвет вошли юноши постарше. И на-

конец, вошли мужчины. Они кричали: «Хай, хай, хай, хо, хо, хо...» — и били палками о землю.

Потом все взяли тоненькие трубочки с просмоленным отверстием и стали вдыхать эпену. Хозяева вдували эпену в нос своим гостям. После того как все гости побывали в хижине, вошли юноши, которые должны были участвовать в состязании. Каждый держал в руке палку и лук. Первый кричал: «Хай, хай, хай!», второй — «Хохеа, хохеа!», третий — «Хи, хи, хи!», четвертый — «Фу, фу, фу,!» Они встали в ряд, и те, кто уже надышался эпены, стали по очереди вдувать ее в нос бойцам.

Спустя примерно полчаса самые юные стали кричать. Старшие товарищи уговаривали их: «Не кричите, сидите спокойно, боритесь с эпеной». Но они уже не в силах были бороться. Один из юношей вскочил и закричал: «Моя мать умерла!» — и бросился бежать. Мать кинулась за ним, но не догнала. Другой закричал: «Отец, отец! Почему ты от меня убегаешь?» А его отец стоял на месте. Третий отчаянно вопил: «Мама, мама! Хижина кружится, кружится надо мной!» Четвертый зарыдал: «Мой отец стоит на голове». Пятый в ужасе воскликнул: «Какие у вас огромные острые зубы!» Мне стало страшно. Несколько юношей и мужчин постарше совсем обезумели. Они выбегали наружу, обламывали ветки с колючками и, заскочив в хижину, принимались бить ими по спине всех, кто оказывался рядом. Женщины разбежались кто куда. Я спряталась за большим столбом.

Когда головы у всех затуманились от эпены, хозяева сказали гостям: «Вы в тревоге, мы тоже в тревоге, нам надо успокоиться». И начался поединок. Двое мужчин встали друг против друга, гость поднял согнутую в локте руку, а хозяин изо всех сил ударил его в грудь кулаком. Потом хозяин поднял согнутую руку, а удар нанес уже гость. Иногда бьющий наносил два-три удара подряд, затем говорил: «А теперь ты». Потом настал черед поединка на палицах. Палицы были приготовлены заранее, с утолщением на том конце, которым наносился удар. Обычно палицы бывают увесистыми, но не слишком длинными, потому что очень длинной палицей, говорят индейцы, вместо головы часто попадаешь по плечу. По словам индейцев яноама, есть такое растение с длинными листьями и маленькими корнями, которое, если его растереть, нагоняет на человека страх. Старухи растирают корни этого растения, а потом мужчины добавляют в крошево уруку и «смазывают» этим зельем палицы. Они говорят, что, если ударить противника такой намазанной палицей, тот сразу же свалится на

землю и потом, когда поднимется, ноги его еще долго будут дрожать.

Вначале бились один на один, того, кто падал, заменял брат или муж сестры. Но если на одного нападали сразу четырепять человек, Фузиве говорил: «Нет, борьба — это один на один, остальные пусть отойдут». Упавшего тут же подхватывали под руки, лили ему на голову воду, растирали уши, обтирали кровь, поднимали и снова давали палицу. Противник, опершись на свою палицу, наклонял голову, ожидая удара. Бить полагается по выбритой макушке. Наносящий удар держит палицу обеими руками. При этом бьющий говорит: «Посмотрим теперь, настоящий ли ты мужчина. Если выдержишь, мой гнев пройдет и мы снова станем друзьями». Другой отвечал: «Бей меня сильнее, и тогда мы опять станем друзьями».

Если после удара воин уже не в силах был подняться, его уносили к очагу и жены раненого начинали испуганно причитать.

В поединке участвовали не только мужчины — мальчишки тоже бились на палках со своими сверстниками.

После палиц и палок пришел черед топоров — очень давно яноама украли их у сборщиков каучука. Тушауа дважды ударил в грудь обухом топора своего противника, и тот упал. Брат поверженного четыре раза ударил Фузиве в грудь, но тот устоял. Потом Фузиве сказал: «А теперь приготовься ты» — и дважды сильно ударил юношу. Тот побледнел и упал. Подбежали женщины и унесли его. Подошел второй брат и несколько раз ударил Фузиве обухом топора в грудь, но мой муж был очень сильный и даже не пригнулся. Потом он поднял свой топор, нанес удар, и противник свалился на землю. Тогда против него встал Махарашиве, брат Рашаве, и сказал: «У этих юношей сил еще маловато. Поглядим, как ты против меня устоишь». Фузиве поднял руку, и Махарашиве ударил его обухом топора: раз, два, три. Тут Махарашиве опустил топор, но мой муж сказал: «Нет, нет, бей еще, пока я не упаду». Махарашиве снова несколько раз ударил его, но Фузиве крепко стоял на ногах. «Хватит, хватит»,— сказали те, что стояли рядом. Тогда Фузиве занес топор, изо всех сил ударил Махарашиве обухом в грудь, тот покачнулся, еще удар — и Махарашиве упал. И тут вперед выступил Рашаве, который заступился за меня и спас мне жизнь. «А теперь мой черед»,— сказал он.— «Начинай ты первым». Фузиве ударил его сначала в грудь, потом в плечо, но Рашаве выдержал. Он был очень сильным и стойким. Потом он ударил Фузиве. Я стояла рядом

вместе с другой женой Фузиве и смотрела. Наконец Фузиве сел, изо рта у него хлынула кровь.

Когда все поединки закончились, Фузиве сказал: «Мы вас крепко побили, и вы нас тоже. Пролилась ваша и наша кровь. Наш гнев прошел. Теперь мы снова стали друзьями». И еще Фузиве сказал: «А теперь возвращайтесь к себе в шапуно. Вот вам мясо, вот вам бананы, пупунье и маис». Женщины тут же принесли корзины с мясом и с плодами. «Если вы устали,— продолжал Фузиве,— и не можете двинуться в путь, оставайтесь ночевать у нас. Уйдете завтра утром. Мы бились на палках и топорах не для того, чтобы остаться врагами, а чтобы прошел ваш и наш гнев. Я узнал, что вы держите зло на меня. Но я не хочу быть вашим врагом, потому что мы один народ». Брат Фузиве тоже сказал: «Не сердитесь на нас. Мы позвали вас, чтобы вернулась наша прежняя дружба. Хотели вас испытать. Если бы вы не захотели или не умели биться на палицах, тогда пришлось бы сразиться с вами стрелами. Но теперь наш гнев утих, и никто не скажет про вас плохого слова, и нам не нужно стрелять друг в друга».

Фузиве часто дрался на таких поединках. Нередко потом он весь распухал и становился багровым. Стоило мне надавить пальцем на кожу, и оставалась вмятина. Ночью он беспрестанно стонал и никак не мог уснуть. Индейцы говорят, что они бьются на палицах, чтобы успокоиться и стать друзьями.

Однажды, когда все мужчины ушли на охоту, дочь Фузиве сказала мне: «Хочу попробовать эпену отца». Женщинам и детям строго запрещено даже касаться рукой бамбуковых трубочек и маленьких куйй, в которых мужчины хранят эпену. Женщины могут дотронуться до куйи, если только муж скажет: «Пойди принеси мне эпену». Дочь Фузиве растерла листья, процедила жижу, разогрела ее в горшке и сказала мне: «А теперь давай вдохнем эпену, попробуем, какой у нее запах». Я с силой вдохнула серую пыльцу, и сразу внутренности обожгло, словно это был перец. Вдохнув эпену раза четыре, я села на землю. У меня все поплыло перед глазами, в голове шумело. Я еле поднялась. Ноги плохо слушались меня. «Больше не буду вдыхать,— сказала я,— не то вовсе не встану». Дочь Фузиве надышалась эпены сильнее, чем я. «Шапуно вертится вокруг меня»,— сказала она потом.

Мы отправились к игарапе, чтобы искупаться. Но я чувствовала такую слабость, что в воду лезть побоялась. Все, что мне говорили, я понимала, но с большим трудом. Так продолжалось примерно с час, потом стало легче. Но голова болела весь день. Я только один раз попробовала эпену, и больше у

меня такого желания не появлялось. А ведь это была слабая эпена, из коры деревьев. Мужчины же обычно вдыхают куда более крепкую — из семян *.

Готовая эпена — это серо-зеленая пыль, которую индейцы чаще всего хранят в бамбуковых трубках. Саматари, намоетери и их соседи готовят ее из лесных, а не культивируемых растений. Когда они находят растение эпены с большими листьями и расходящимися от ствола веером ветками, то надрезают желтоватую кору и выскребают из нее тонкие волокна, которые сушат сначала на солнце, а затем над огнем. А еще они лечат корой эпены кожную болезнь, называемую куруба. Когда растолченные волокна накладывают на рану, то больное место сразу обжигает как огнем. Кроме того, эпену готовят из коры растения хама-ацита. Просушив волокна на солнце, а затем опалив их сверху головешками, но так, чтобы они не превратились в золу, индейцы смешивают уже готовую эпену с волокнами хама-ациты и затем руками растирают эту смесь до тех пор, пока не получат тончайшую пыльцу. В эту пыльцу добавляют пахучую траву маши-хири, которую вначале тоже сушат на солнце, а потом над огнем.

Самой сильной бывает эпена, которую индейцы делают из темных семян одного невысокого растения, название которого я забыла. Помню только, что семена эти величиной каждое с фасолину. Даже когда их высушат над огнем, они остаются слегка влажными. Поэтому в них все время подбавляют горячую золу. Потом жидкую смесь осторожно выливают на раскаленную глиняную сковородку. Капли, попадая на раскаленную сковородку, вздуваются пузырьками и тут же лопаются с шипением: «пам, пам, пам». Если пузырьки вздуваются сильно, значит, эпена «дозрела» и будет крепкой.

У намоетери этого растения не было, и они одалживали семена у других. Однажды Фузиве посадил растение, из которого получают эпену, на склоне холма. Года четыре спустя он взял корзину и отправился на холм. Вернулся он оттуда с корзиной, полной семян. Муж сказал мне: «Видишь, мои растеньица дали хороший урожай. Ветви еще маленькие и слабые, но на каждом уже висит много плодов. Видно, там на склоне хорошая земля».

---

* Этот галлюциногенный порошок, исследовавшийся автором вместе с Марини-Беттоло, яноама изготовляют из растений *Piptadenia, Virola* и т. д., которые содержат много алкалоидов, действующих на центральную нервную систему.— *Прим. авт.*

АМАХИНИ — ЛЕСНЫЕ ДУХИ

Как-то раз один мальчик вышел из шапуно и пропал. Его мать едва заметила, что сын ушел, спросила: «Где сын? Может, он пошел к игарапе вместе с другими ребятишками?» Но другие дети его не видели. Отец мальчишки, который был сыном дяди тушауа, тоже спрашивал, не видел ли кто его сына. Отец мальчика страшно перепугался: ведь это был его первенец. Ночью он вместе со своей матерью, братом и женой, держа в руках горящие головешки, отправился в лес. Они отчаянно кричали: «Саматари, саматари» (мать малыша была саматари, поэтому и мальчика все звали саматари). В шапуно они вернулись лишь утром. Они добрались до берега большой реки, потому что решили, что речные духи, которые живут в красивых хижинах под водой, утащили его к себе. Эти духи, которых индейцы часто видят, надышавшись эпены, похищают мужчин, женщин, детей, утаскивают их под воду и больше уже не отпускают.

Мальчика искали три дня. На четвертый день решили отправиться к месту, где берет начало одно маленькое игарапе. Мы часто собирали на его берегах плоды какао — там этих деревьев дикого какао росло видимо-невидимо. И вот там родители увидели пропавшего малыша. Он сидел на стволе дерева, на груди его, щеках и лбу белой глиной были проведены змеящиеся полосы. Отец малыша сказал жене: «Смотри! Вот наш саматари!» Мать позвала его. Малыш оглянулся и свалился в воду. Они подбежали к стволу, но там никого не было. А рядом на илистом берегу были хорошо видны следы малыша. Женщина снова стала звать сына. Прибежали те, кто искал малыша поблизости, и тоже увидели следы на берегу.

Потом уже вечером туда пришел один из охотников. Вернувшись в шапуно, он рассказал, что еще издали услышал, как малыш плакал и звал: «Мама, мамочка». Он подбежал к стволу, но никого не увидел. На шестой день колдуны объявили, что мальчика украли речные духи — амахини. Эти амахини — маленькие человечки, которые живут под землей или под водой. На следующий день все снова отправились искать малыша, но теперь уже на рассвете. «Может, амахини приходят к устью рано утром»,— сказал один из колдунов. Ночью колдуны надышались эпены, а потом подули ею на амахини, чтобы их спугнуть.

И вот когда совсем рассвело, отец и мать увидели, что малыш, весь разрисованный, сидит на прежнем месте. Ствол, на котором сидел малыш, покачивался и мальчуган, чтобы не

упасть, держался руками за ветку. Отец малыша незаметно подкрался к нему сзади и, когда был уже совсем рядом, прыгнул и схватил сына на руки.

Индейцы рассказывали потом, что амахини все время хлестали малыша лианами. Спина, руки и зад у него были все в багровых полосах. У него спросили: «Что ты ел?» Малыш был для своих лет очень сообразительным, но он еще почти не умел говорить и лишь повторял: «Напе, хапе» (мама, папа). В последний день амахини раскрасили малыша не белым илом, а красным уруку.

Мальчик подрос, но так ничего и не вспомнил из того, что с ним случилось. Отец брал его с собой на охоту, но каждый раз, когда должен был преследовать зверя, сажал малыша на ветку дерева — боялся, что вернутся амахини и сиова украдут сына. Мать часто окуривала сына дымом, чтобы амахини не могли к нему подступиться.

Фузиве был великим колдуном. Он знал много песен и всех до одного хекура. Согласно поверью, хекура живут в горах. На высоких горах живут и хекураньума, дочери хекура. Все они молодые и красивые. Фузиве говорил нам, женщинам: «Думаете, хекураньума похожи на вас? Нет, они прекрасны, как солице, и благоухают, как лесные цветы. Когда услышишь этот чудный запах, то сразу забываешь про голод и жажду». Индейцы не призывают дочерей хекура, чтобы те помогли им на войне, но они просят их вылечить от болезней, положить свои руки на тело, горящее от лихорадки, чтобы недуг вышел из тела.

А против врагов индейцы призывают хекура большого муравьеда, при этом они держат за спиной пальмовый лист, похожий на хвост муравьеда. Когда индейцы вызывают хекура дикой свиньи, то отыскивают грязь, банановую кожуру или золу и валяются в них, словно они на самом деле дикие свиньи. Фузиве, когда уходил в поход или на охоту, говорил, что он берет с собой не всех своих хекура, а лишь трех из них: вакариве, окориве и пашориве (духов большого броиеиосца, маленького броненосца и обезьяны). Остальных хекура он оставлял охранять шапуно.

В бурю призывают вайкуньариве — духа анаконды. Индейцы поют: «Приди, о вайкуньариве. Ты так силен, что можешь удержать падающие деревья. Обвейся вокруг ствола и не дай ветру их свалить».

А еще, чтобы защитить деревья и кусты, индейцы призывают вайкошевеириве, духа паука, чтобы тот обвил листву и ветви. Индейцы поют: «Ты маленький, но очень сильный, вай-

кошевеириве». Когда же они призывают хамориве, духа белого паука, то посыпают грудь и плечи белой золой. При этом они поют: «Я хамориве. Я был стариком, взобрался на высокое дерево жатуба, сорвался, упал, скрючился и стал не человеком, а пауком. Зачем ты меня позвал? Зачем ты потревожил мой сон?» Тот же самый человек отвечал: «Хамориве, я позвал тебя, чтобы ты сдул тех хекура, которые ломают деревья и кусты». Затем этот человек вставал и начинал дуть в тоненькую трубочку, которой он обычно вдыхает эпену. Это он пылью эпены насылал чесотку на враждебных хекура.

Фузиве насылал на другие племена бурю. Но иногда он начинал сильно чесаться и говорил: «Враги наслали на меня чесотку». Он тут же посылал за водой и обливал ею голову. Когда буря кончалась, индейцы говорили, что это хекура ее прогнали.

МАРАМАВЕ

Я ждала ребенка и вот-вот должна была родить. В это время многие намоетери решили отправиться к вакавакатери (вака — индейцы называют большого броненосца) и попросить у них подарков. Они узнали, что у вакавакатери есть много мачете. Предстоял дальний путь.

Я осталась в шапуно. Утром мы, жены Фузиве, вместе с самим Фузиве, его дочерью и многими другими пошли в лес искать бурити[31]. Живот у меня к тому времени был уже очень большим. На обратном пути мы перешли игарапе. Женщины наловили рыбы и рачков. Я несла большой пакет рыбы. К вечеру мы набрели на рощу пальм бакабе. Мужчины взобрались на деревья и оттуда бросали нам гроздья плодов. Они кричали сверху: «Поживее двигайтесь, уже поздно. Враги могут быть близко».

У меня очень сильно заболел живот, и я села. Одна из девушек спросила: «Что с тобой?» «Ничего»,— ответила я, не вставая. Дочь Фузиве также ждала ребенка и у нее был большой живот. Она сказала мне: «Давай уйдем вперед, не то мы их потом не догоним». Но тут другие увидели дикий кокосовый орех, и дочь Фузиве стала есть его. Я сказала ей: «Передай, что я пойду вперед. Пусть меня не ждут».

Когда боль становилась особенно сильной, я садилась. Так потихоньку добралась до берега игарапе и искупалась. Возле шапуно мне повстречалась старая мать Фузиве. «У тебя что, живот болит?» — спросила она. «Нет»,— ответила я. «Неправ-

да, болит»,— повторила старуха. Мы подошли к шапуно. Я поставила на огонь пакет с рыбой и села в гамак. Вскоре вернулся Фузиве. «Рыба готова»,— сказала я ему. Я слезла с гамака и поделила рыбу между всеми членами семьи, как меня учила старуха — мать Фузиве.

Боль становилась все сильнее. Всю ночь я не могла заснуть, но никому ничего не сказала. На следующий день многие мужчины снова отправились ловить рыбу. При этом дети плакали, потому что они не хотели оставаться в шапуно. Нам, женщинам, Фузиве сказал: «А вы идите собирать пупунье, чтобы, когда рыбаки вернутся голодными, их уже ждала еда». Я взяла маленькую корзину и пошла в лес вслед за остальными женщинами. Мы дошли до поляны. От боли я не могла идти, села и прислонилась к стволу. При этом подумала: «Если закричу, остальные меня увидят». И тогда полезла в чащу. Другие женщины стали меня звать, но я не отвечала. Я сидела у большого дерева, когда услышала вдали крики. Потом узнала, что один из тех, кто пошел в гости к вакавакатери, прибежал назад с вестью, что всех намоетери убили, и спасся только он один.

Ребенок родился ночью. Он был весь багровый и не шевелился. Я посмотрела на него и подумала: «Наверное, он умер! Что же мне теперь делать? Надо набрать листьев пишиаанси, завернуть его в эти листья и похоронить в норе броненосца». Неподалеку я видела такую нору. И с грустью побрела искать эти листья. Боли больше не чувствовала. Я взобралась по лианам, которые росли уступами (индейцы называют такие лианы набути), на скалу и там нарвала охапку листьев. Потом тихонько пошла назад. Когда уже была совсем близко от того большого дерева, то услышала плач: «А, а, а». Малыш лежал под деревом, весь облепленный муравьями, и плакал.

Я не знала, что делать с новорожденным, и даже пупок ему не отрезала. Когда я была маленькая, мать родила одного сына, потом другого, но тетушка не пустила меня тогда к матери, и потому я ничего не знала. А у женщин-индианок я спрашивать не стала. Все же я подумала, что надо отрезать пупок. Неподалеку рос бамбук. Отломила кусок и провела им по своим волосам — бамбук был острый. Тогда я этим кусочком бамбука отрезала у малыша пупок, но вот перевязать его не догадалась. Из пупка стала сочиться кровь. Я взяла малыша на руки. Он дышал тяжело, с хрипом. Тут я вспомнила, что мать говорила: «Если у тебя родится ребенок и ему трудно будет дышать, высоси у него из носа воду. У новорожденных всегда в носу вода». И верно, когда я стала отсасывать губами воду из носика ма-

лыша, оттуда вышла бурая жидкость. И сразу малыш стал дышать ровнее и легче. Потом я завернула в листья послед, сделала пакет и пошла к норе, чтобы его закопать.

По дороге встретила пожилого бородатого мужчину. Он сказал мне: «Знаешь отчего так кричат в шапуно? Всех намоетери, которые пришли к вакавакатери просить мачете, убили. Наши воины хотят сегодня же выступить в поход и отомстить им». Тут он увидел малыша и воскликнул: «О, это у тебя родился ребенок. Я услышал, что кто-то стонет, и подошел посмотреть. Думал, что это стонет олененок, а увидел плачущего малыша; он дрыгал ножками, а рядом не было никакой женщины. Я решил, что это сын поре, испугался и убежал».

Наконец, я добралась до норы броненосца. Положила в нее пакетик с последом и потом утрамбовала землю. Чуть поодаль увидела игарапе и подумала, что надо бы помыться. Потом я взобралась на пригорок и положила малыша на большой лист, села у самого игарапе и холодной водой помыла ребенку головку. Из пупка у него по-прежнему текла кровь, особенно когда он начинал плакать и корчиться. Мне стало холодно, я вернулась на поляну и села погреться на солнце. Малыш почти сразу умолк. Я почувствовала голод и решила вернуться в шапуно. Взяла несколько спелых бананов и пошла, неся малыша на руках.

Когда у намоетери родится ребенок, его отец долгое время не должен есть мясо тапира, большого кабана и обезьяны. А вот мясо маленьких кабанчиков могут есть и отец и мать малыша. Мать Фузиве сказала мне: «Маленький кабанчик был создан на свет добрым омаве, и потому его можно есть». Еще разрешается есть птичье мясо [32].

Я раздвинула крышу и увидела, что молодой индеец что-то рассказывает Фузиве, а тот внимательно слушает его, держа в руках лук и стрелы. Женщины громко рыдали: думали, что их родные убиты. Я боялась войти, но потом все же решилась и тихонько проскользнула в свой гамак. Ко мне подошла мать Фузиве и сказала: «Убили брата твоего мужа». «Неужели это правда?» — подумала я. Когда с кем-нибудь случается несчастье, мне становится жалко этого человека и я начинаю плакать. Но сейчас из моих глаз даже слезинки не вытекло. И я сказала: «Нет, по-моему, этот человек лжет».

Фузиве заметил меня, увидел малыша и спросил: «Кто?» «Сын»,— ответила его старуха мать. Фузиве подошел ко мне: «Тогда береги его и постарайся вырастить сильным. Помни, что саматари мне враги, вакавакатери убили моего брата. У меня много врагов. Когда твой сын подрастет, он сможет защитить

тебя». С этими словами он ушел. Примерно через час он вернулся, сел рядом со мной и долго сидел задумчивый, мрачный. Потом вскочил и крикнул: «Пей хав, пей хав! Сегодня выступаем в поход. Иначе вакавакатери скажут: «Вы не боитесь сражаться со слабыми, а вот хватит ли у вас храбрости прийти и сразиться с нами. Посмотрим, какие вы ваитери». Так они скажут». Я сказала Фузиве: «Я не верю, что вакавакатери убили своих гостей! К ним в шапуно отправилось много намоетери. Неужели только одному удалось спастись? Подождите еще немного. Глаза мои не плачут, значит, эти люди живы. Вы всегда хотите сразу же попасть во врага стрелой, убить его. Подождите, может, этот человек все придумал». Но Фузиве ответил: «Нет, тогда мои воины скажут, неужели наш тушауа боится сразиться с вакавакатери! Я хочу сразиться с ними и посмотреть, отомстят ли мои воины за меня, если я погибну».

Тут к Фузиве подошел индеец махекототери по имени Акаве. Позднее он стал отцом двух моих детей. Акаве сказал: «Ты тушауа намоетери, но не ты должен сразиться с вакавакатери. Я знаю, где они живут, как проникнуть в их шапуно и откуда они выходят, чтобы пойти на охоту. Наш шапуно недалеко от их шапуно, я проберусь к ним и все разведаю».

Тем временем женщины подошли и стали рассматривать моего сына. Он был белый, красивый, но почти безволосый. И женщины зашумели: «Это не человек, у него нет волос. Наши дети родятся сразу с волосами. Убей его, поскорее убей!» Я ответила: «Я не умею убивать детей. Моя мать никогда не убивала своих детей. Как я могу его убить?» «Положи его на землю, потом положи ему на шею бревно и надави на него ногой».

Фузиве услышал их слова и подошел. «Что они говорят?» — спросил он. «Хотят, чтобы я убила сына, потому что у него не человечье лицо и волос нет». «Как у вас язык повернулся сказать такое? — воскликнул Фузиве.— Вам самим кто-нибудь велел убивать ваших детей? И так же, как вы любите своих малышей, Напаньума любит своего». «Но у него нет волос!» — отвечали женщины. «Это уж забота Напаньумы, а не ваша. Она мать,— сказал Фузиве.— Когда мальчик подрастет, он защитит Напаньуму от врагов. А вы идите лучше варить пупунье для ваших мужей. Нам скоро выступать в поход». Женщины начали понемногу расходиться. Когда я осталась одна, Фузиве сказал: «Если бы на твоем месте оказалась женщина потрусливее, она бы убила своего сына». «Нет, я никогда не убью его»,— сквозь слезы отвечала я. Фузиве положил мне руку на плечо.

К вечеру воины приготовились к походу против вакавакатери. Они раскрасили свое тело черной краской, собрались все вместе и закричали: «Хав, хав, хав!», да так сильно, что задрожала стенка шапуно.

День спустя после рождения сына я уже собирала в лесу хворост. Женщины яноама, когда у них родится ребенок, сразу же встают и начинают заниматься делами. Поэтому и я не стала отлеживаться в гамаке. Внезапно я услышала странный шум и подумала, что это ягуар. Но шум доносился откуда-то сверху. Я взглянула на небо и увидела белый самолет. Он летал совсем низко над шапуно. Когда я была маленькой, дедушка однажды рассказал мне про самолеты, но сама я до этого их не видела. «Неужели в них сидят люди?» — подумала я. Я положила малыша на большой лист, сверху накрыла его другим листом и побежала к шапуно. Там никого не было — все убежали. Мужчины и женщины спрятались в лесной чаще, некоторые со страху залезли в расщелины скал.

Я стала кричать, делать самолету знаки и размахивать листьями эмбаубы. С самолета, видно, заметили шапуно, летчик спустился, стал кружить над ним. Индейцы решили, что это прилетели души мертвецов, чтобы всех их съесть. «Поре капе, поре капе!» — в страхе кричали они. Я им объяснила: «Это не поре, а белые. Мне дедушка рассказывал, что белые умеют летать по воздуху». Но индейцы мне не поверили и все повторяли: «Нет, это поре, поре». Они заметили, что я подавала самолету знаки, и теперь поглядывали на меня с подозрением.

Ночью все жаловались, что у них болит голова и дрожь пробегает по телу. Они очень сильно испугались,— может, оттого их и пробирала дрожь. Следующим утром все пошли к игарапе и обмазали все тело белым илом, чтобы остудить жар. У меня жара не было, да и дрожь меня не била. Женщины сказали: «Ты не человек и твой сын не человек, вы — звери, поэтому у вас нет жара». Я отвечала: «Нет, болезнь поняла, что мы люди, и не тронула нас». Тогда старики стали дуть в мою сторону, чтобы наслать на меня жар. Я смеялась. «Дуйте, дуйте, все равно меня болезнь не тронет».

Воины, которые пошли, чтобы сразиться с вакавакатери, добрались до большой реки (скорее всего, это была Ориноко), а как через нее переправиться — не знали. Потом мне рассказали, что Акаве, который вел их, переплыл через реку, держа в руке длинные лианы. На противоположном берегу он привязал лианы к стволу дерева. За ним, цепляясь за лианы, на другой берег перебрались и все воины. И тут на тропе показались

те, кто ходил в гости к вакавакатери. Они несли подарки: мачете, глиняные горшки, бананы. Воины спросили у них: «Что случилось?» «Ничего, они нам дали подарки».

Когда все с громкими криками вернулись в шапуно, тот человек, который солгал, будто намоетери всех гостей убили, решил, что теперь его самого убьют, и убежал в лес. Он всю ночь просидел на дереве и вернулся в шапуно лишь вечером следующего дня. Его никто не тронул.

Фузиве сказал мне: «Раз весть о том, будто вакавакатери убили гостей, оказалась неправдой, назовем нашего сына Марамаве» (марамаве значит «обман»).

ЖИВОТНЫЕ — ЛЮБИМЦЫ

Фузиве очень любил собак. Да и вообще для индейцев собаки почти то же, что люди. Я часто видела, как женщины вскармливают щенят грудью. Когда собака умирает, индейцы громко плачут и сжигают ее в самом шапуно. Потом собирают обгоревшие кости и уходят на охоту. Вернувшись с охоты, дробят обгоревшие кости и смешивают их с банановым мингау. Затем кладут их в старую куйю, вырывают у столба, поддерживающего крышу, глубокую яму, сливают туда мингау, смешанное с золой. Куйю индейцы сжигают. Хозяин собаки угощает гостей дичью и остатками мингау. При этом сам он к еде не притрагивается, точно так же как если бы умер кто-нибудь из его родичей. Гости некоторое время спустя делают банановую кашу — мингау — и сами зовут хозяина умершей собаки в гости. Вот так индейцы поминают своих собак. Индейцы держат у себя много разных диких животных и птиц, но не для того, чтобы их потом съесть. В шапуно живут попугаи, туканы и другие птицы. Держат индейцы и маленьких кабанчиков. Но когда эти кабанчики подрастают, они часто становятся злыми, гоняются за людьми и кусают их. И все равно хозяева не убивают этих кабанчиков. Правда, иной раз другие индейцы, увидев в лесу такого ручного кабанчика, притворяются, будто не признали его, и тайком убивают. Иногда индейцы приносят в шапуно и детенышей ягуара. Только они боятся, что придет самка ягуара и ворвется в шапуно. Когда индейцам удается убить ягуара, они отрезают куски кожи и привязывают их детям к пояску, чтобы этот талисман отпугивал болезни и чтобы на малыша не напали в лесу другие ягуары.

НАПАДЕНИЕ ЯНОАМА

Однажды к Фузиве пришел Хохошиве — младший брат Рохариве и сказал так: «Тушауа, мой брат — убийца. Он наслал яд — ароари на твоего младшего брата и потом хвастал: «Я испытал силу ароари на младшем брате тушауа и теперь точно знаю, что мой ароари убивает людей». Фузиве ответил: «Я отомщу ему». И сразу же позвал самотари на реахо.

Как-то вечером, когда я вместе с другими рубила в лесу дрова, мы увидели, как мимо нас прошло много людей. Я узнала тушауа Рохариве. С ним было человек двадцать саматари. Среди них были те, кто хотел меня убить, когда умерла девочка, съевшая жабьи икринки. Они меня узнали, но ничего не сказали, потому что боялись намоетери. Вместе с Рохариве пришли его жена с маленькой дочкой и его старшая сестра. Они были разрисованы красным уруку как гости, приходящие на реахо с добрыми намерениями. У всех мужчин с головы свисали волосатые обезьяньи хвосты. Я узнала жену Рохариве: когда меня ранили, она выступила в мою защиту. Поэтому я сказала другим женщинам: «Давайте предупредим ее! Мне будет больно смотреть, как ее убьют на моих глазах». Нас, женщин, было четыре: я, дочь Фузиве, другая жена Фузиве и одна саматариньума, жена брата Фузиве. Другая жена сказала саматариньуме: «Иди предупреди своих сородичей». Мы подошли к группе мужчин, которые шли сзади, и спросили: «Что это вы несете?» «Свиней»,— ответили они. «Дайте их нам, а сами возвращайтесь». А я добавила: «Не ходите в шапуно, вас хотят убить!» Другая жена Фузиве подтвердила: «Возвращайтесь, мы не хотим плакать завтра над покойниками». Мужчины переглянулись. Один спросил: «Что? Нас хотят убить?» «Да, хотят»,— ответили мы. Тогда один из саматари сказал: «Меня никто не убьет! Посмотри на мою стрелу, я сам умею убивать». Тогда я сказала: «Многие из вас храбрецы, но никто уже не отомстит сам за себя, когда стрела вонзится ему в грудь».

Один из саматари сказал другому: «Ложь. Просто эти женщины хотят полакомиться свиным мясом». Тогда я сказала: «Что ж идите». Жена Шамаве, которая сама была саматари, ничего не говорила, а только плакала, глядя на своих сородичей. Один из воинов сказал: «Я — саматари, меня все боятся!» Другой заметил: «А может, они говорят правду». Но третий прервал его: «Остальные ушли вперед, надо их догнать». Дочь Фузиве сказала: «Давайте тоже побежим к шапуно.

Если их ранят, они побегут в лес. Наши погонятся за ними и могут попасть в нас стрелой».

Саматари привели с собой трех собак. В пути они убили диких свиней и потом весь день жарили мясо. Рохариве сказал: «Отнесем этих свиней тушауа, пусть полакомится дичью». Рохариве не знал, что его ждет, а вот брат, который послал его на смерть, знал. Многие намоетери не знали, что Фузиве решил убить тушауа саматари. Не знали об этом и патанаветери, даже их тушауа, дядя Фузиве, ни о чем не догадывался. Вот почему потом он так разгневался на Фузиве.

Саматари вошли в шапуно, и мы услышали приветственные крики мужчин. Потом мне рассказали, что Фузиве, увидев гостей, даже не слез с гамака. Он взял стрелы и с силой бросил их под гамак. Он поступил так, потому что был очень разгневан. Шамаве подошел к нему и сказал: «Брат, слезь с гамака. Если саматари заметят, что ты гневаешься, они ночью подстрелят тебя, а сами спасутся бегством». Фузиве ответил: «Мне хочется перерубить их тушауа шею топором. И я только потому этого не сделал, что сейчас светло и, если они начнут отстреливаться из луков, стрелы могут попасть в женщин». Но Шамаве сказал: «Нельзя показывать свою ярость. Лучше встань спроси, как они до нас добрались и когда их провожать. Я тоже хочу завтра убить их, но своего гнева не выдаю. Лишь крепко держу в руке стрелу».

Когда саматари вошли, некоторые из намоетери радостно закричали: «Пей хав, пей хав!» Шамаве и стоящие рядом женщины сказали: «Братья саматари, наверное, голодны? Поскорее сварите для них банановое мингау. Не успеют они его съесть, как уже снова умирают от голода!» Так велел сказать Фузиве. Но саматари не поняли намека. Очаг Фузиве и его родных был далеко от входа. Фузиве сказал нам, женщинам: «Сходите за водой и сварите побыстрее банановое мингау. Завтра утром я их всех убью!» Он говорил громко, но саматари не услышали, потому что стояли далеко. Одна из женщин сказала: «Если ты их убьешь, вина падет и на нас, женщин. Разве ты не знаешь, что саматари убивают всех подряд — мужчин, женщин, детей?»

Наступила ночь. Много мужчин собралось у гамака Фузиве. Они стали его уговаривать: «Давай убьем их сейчас, сразу». У Шамаве одна из жен была саматариньума. Он ее похитил, когда она ждала ребенка. Ее девочка подошла к отцу попросить банан как раз в тот момент, когда Рашаве говорил: «Я — ваитери, и никто не спасется от моей стрелы». «Молчи,— сказал Фузиве.— Тут много всякого народу, и кто-ни-

будь может предупредить саматари. Завтра решим». «Нет, сегодня»,— настаивали воины. Девочка побежала к матери: «Мама, они красятся углем, они хотят убить саматари». Женщина заплакала: «За что они хотят убить саматари? Что они им сделали плохого?» Когда вернулся муж, она спросила: «Вы хотите ночью убить саматари, это правда?» «Правда,— ответил Шамаве.— Но не сегодня ночью, а завтра». С Рохариве пришел и его брат Шерекариве. Тот самый, который вместе с другим братом рассказал Фузиве про то, как Рохариве убил ядом ароари его самого младшего брата. Одна из женщин сказала Шерекариве: «Зачем ты пришел, теперь убьют и тебя. Ночью беги из шапуно». Но Шерекариве ее не послушался. Рохариве, тушауа саматари, никто не предупредил.

Ночью саматари пожарили свиней, разрезали их и поделили между хозяевами. Утром Шамаве подошел к Фузиве и спросил: «Брат, саматари подарили тебе тушу свиньи?» «Да,— ответил Фузиве.— Но я не хочу есть мясо животного, убитого моим врагом. У меня потом разболится живот». Саматари стояли рядом и все слышали, но они не убежали. Быть может, они боялись, что намоетери бросятся в погоню и попадут им стрелами в спину. Тем временем гнаминаветери и патанаветери, которые ничего не знали о задуманном нападении, встали и ушли из шапуно в лес.

Обычно утром гости обходят хозяев и просят у них табак, стрелы и другие подарки. Уже было часов семь утра, а саматари все не показывались. Арамамисетериньума, жена Фузиве, сказала: «Саматари молчат, может, они решили потихоньку скрыться?» Но часов в восемь к Фузиве подошел тушауа Рохариве и попросил в подарок табаку. Фузиве, не слезая с гамака, сделал мне знак рукой. Я встала, вынула из сумки немного табаку, высыпала его на банановый лист и дала Фузиве. Тот протянул лист с табаком своему врагу. Рохариве спросил у него: «Шари (брат), ты что, болен?» «Немного приболел»,— ответил Фузиве. «Твои хекура грустят, поэтому тебе так плохо». И он стал дуть на Фузиве. «Вставай, шари». «Нет, не могу»,— ответил Фузиве. Мне было до смерти жалко Рохариве, и я стояла, опустив голову. К Фузиве подошел другой саматари и попросил стрел. Младший брат Фузиве сказал: «Свою стрелу я не дам. Ею я убью вас, а другими отомщу вашим родичам, если кого-нибудь из наших убьют». Саматари и его друзья переглянулись. Они, видно, решили, что брат Фузиве пошутил, и громко засмеялись. Потом Рохариве сказал своим: «Идите на другой конец шапуно, там нам обещали дать мачете». Он тоже пошел. Был он высокий,

красивый. Рядом с ним шел его сын, а позади бежали собаки.

Позже мне рассказали, что Рохариве перед тем, как отправиться в путь, сказал своему сыну: «Сын, и ты пойдешь со мной к намоетери. Я знаю, что не вернусь. Они хотят меня убить, но пусть уж тогда убьют и тебя. Тебе тяжко придется одному без отца».

Ума не приложу, откуда он знал заранее, что его ждет. Ведь его никто не предупреждал. Может, все это ему приснилось. А еще он сказал старику отцу, тому бородатому седому старику, которого я знала: «Отец, намоетери позвали меня в гости. Они просят у меня трех собак. Я им приведу собак, но сам, наверное, уже не вернусь. Но я пойду, чтобы никто не подумал, что мне страшно. Я думаю, что меня убьют. Я убил много людей, женщины и старухи ненавидят меня. Пусть уж лучше меня убьют намоетери. Когда ты услышишь гром, знай — это убили твоего сына и он подал тебе знак». Потом он повернулся к сыну и сказал: «Что с тобой станет, когда меня убьют? Нет, уж лучше нам умереть вместе».

Ночью многие намоетери раскрасили тело черным уруку и спрятались позади шапуно. Я их заметила и сказала арамамисетериньуме, другой жене Фузиве: «Сегодня этих саматари убьют, мне их так жалко». «Как? Тебе жалко саматари?! — воскликнула женщина.— Они ранили тебя, хотели убить, из-за них тебе пришлось много дней прятаться в лесу». «Но ведь я не умерла»,— сказала я. «Верно, она не умерла»,— подтвердила дочь Фузиве.

Тушауа Фузиве раскрасил черным уруку лоб и грудь. На другой стороне площадки саматари ждали обещанные мачете. Фузиве подошел к ним и сказал: «Вот вам мачете,— и бросил гостям связку мачете.— А теперь давайте собак». Он взял одну собаку, другую... Тут младший брат Фузиве ударил Рохариве топором по голове. Рядом зять Фузиве ударил по голове другим топором Шерекариве, брата Рохариве, того самого, который предупредил тогда намоетери. Я что-то варила на огне, как вдруг услышала крик: «Ой! Они его убили».

Рохариве и его брат рухнули на землю. Остальные саматари схватились за луки, но намоетери опередили их. Один из молодых саматари, раскинув руки, бросился к выходу, и тут в спину ему вонзилась стрела. Другого стрела поразила прямо в грудь. Рядом со мной в дерево воткнулась стрела, выпущенная кем-то с другого края площадки. Я вскрикнула со страху, схватила ребенка, выскочила из шапуно и спряталась за стволом пупунье. Никто из раненых даже не вскрикнул: слышны

были лишь свист стрел да топот ног. Жена Рохариве закричала: «Вы его позвали в гости, чтобы убить! Он пришел издалека, чтобы вас повидать! Одолел крутые скалы, а вы его убили!» Сестра Рохариве тоже что-то кричала. Двое мальчишек, которые пришли вместе со взрослыми, тоже бросились к выходу, младшему, верно, и десяти не было. Почти все саматари были ранены и все пытались спастись бегством. Фузиве вместе со своими воинами бросился за ними в погоню.

Я медленно вернулась и легла в гамак. Рохариве еще был жив, в теле у него торчало много стрел, он то подымался, то падал. Шерехариве тоже еще не умер. Жена Фузиве смотрела на него и плакала. Я крикнула воинам: «Прикончите его, не мучайте беднягу». Шерекариве узнал меня. «Что с нами делают?» — спросил он. «Что делают? — повторила я.— Хотят вас убить. И виноват во всем ты. Зачем ты натравил их на своего брата? Теперь и его и тебя убьют». Шерекариве поднялся, хотел, видно, спастись бегством, но тут в живот ему вонзилась еще одна стрела. Он упал.

Мне было так жалко Рохариве и других саматари, что я не могла больше выдержать — убежала в шапуно. Тем временем Фузиве, который преследовал других саматари, увидел под деревом эмбауба раненого сына Рохариве. Юноша сказал ему: «Не стреляй в меня, я и так умру от ран». Но Фузиве выпустил в него еще одну стрелу и убил его. На следующий день над эмбауба уже кружили коршуны.

К полудню Фузиве вернулся и сказал: «Пусть дети не подходят ко мне — я убил двух саматари. Теперь все будут против меня». Он вошел в шапуно и лег в гамак. Его дядя, тушауа патанаветери, подошел и стал кричать: «Ты убил саматари! Твои братья топорами убили их тушауа и его брата, но твоя вина не меньше. Я ухожу вместе со своими, не хочу из-за тебя умирать от стрелы саматари». Он долго кричал на Фузиве, а тот молчал. «Ты останешься один во всем шапуно. Вот тогда увидим, какой ты великий храбрец. Я знаю, ты не трус, но и саматари не трусы. Сейчас они убегают, но скоро вернутся, чтобы отомстить. Их будет очень много. Тогда посмотрим, как ты с ними справишься». Наконец Фузиве сказал: «Но Рохариве убил моего брата и сам этим хвастался. Поэтому я и разгневался и убил его. Это мои воины уговорили меня убить его. У меня тоже есть стрелы. Если придут саматари, я смогу защитить себя. Не думай, что я надеюсь на стрелы твои и твоих сыновей. Я мужчина, мои братья тоже не женщины, и у них есть стрелы». Тут отец Фузиве, седой израненный старик, сказал: «Сын, молчи, он справедливо ругает тебя. Ты убил сама-

тари, а они ваитери. Нас мало, а у саматари много друзей. Они объединятся, придут все вместе и убьют нас. Молчи и не отвечай, потому что ты не прав». Фузиве замолчал и снова лег в гамак. Он был очень грустный. Уже смеркалось, когда тушауа патанаветери сказал: «Кто убил хоть одного саматари, пусть возьмет лиану и оттащит тело убитого на поле и там сожжет». Те, кто убили тушауа Рохариве, поволокли его к полю. Слышно было, как стрелы царапают землю: «тр, трр...» Фузиве сидел в гамаке и молча смотрел: красные линии на окровавленном теле убитого не стерлись, в ушах по-прежнему торчали гладкие палочки, с головы не упало ни одного пера.

К Фузиве подошла сестра убитого Рохариве и плача сказала: «Я старая и уже не гожусь в жены. Я останусь здесь три дня, обмою тело брата, сожгу его, потом уйду. Отпустите меня». Она говорила, а слезы градом катились у нее по щекам. «Оставайся, уходи, делай как знаешь»,— ответил Фузиве. Жена Рохариве вместе с дочкой попыталась убежать. Но ее догнал один из мужчин, схватил за руку и привел назад в шапуно. Она была еще молодой женщиной.

Старая сестра Рохариве пошла вместе с нами на игарапе, чтобы обмыть окровавленные гамаки. Возле игарапе прятался ее сын, племянник Рохариве. Он был ранен в грудь. На рану он положил камень, потому что иначе не мог дышать. Он увидел мать и позвал ее: «Мама, сколько дней ты пробудешь здесь?» «Сегодня, сынок, я сожгу твоего дядю, а завтра или послезавтра уйду».— «Я буду тебя ждать у тропы к нашему шапуно, мама». Мы все слышали. Женщина стала просить нас: «Не говорите, что мой сын прячется здесь». Мы кивнули. Юноша встал и медленно направился в лес, прижимая обеими руками камень к груди. Звали его Иоинакепчела. Он был низкорослый, но очень сильный.

На другой день многие намоетери пришли к Фузиве и стали ругать его за то, что он убил Рохариве, тушауа саматари. Они сказали: «Мы в шапуно не останемся, уйдем. Лучше уж умереть от болезни, от укуса змеи, чем от стрелы саматари. Они храбрейшие из всех яноама». Самая старая из жен Фузиве защищала его: «Трусы, заранее дрожите от страха. Он не хотел убивать. Во всем виноваты сами саматари и их тушауа». В тот день в шапуно не умолкал шум и крики.

На следующее утро женщины гнаминаветери, которые жили в другой части шапуно, во главе со своим тушауа отправились в лес собирать пупунье. В лесу они наткнулись на второго племянника Рохариве. Он был тяжело ранен: одна зазубренная стрела попала ему в ногу, а другая, отравленная — в ляжку. Ему

удалось вырвать стрелу, но нога вспухла и посинела. Он позвал старого тушауа и сказал: «Дядя, разожги огонь». Старик палочками добыл огонь и помог раненому перебраться к костру. «Нас все еще ищут?» — спросил раненый. «Нет, со вчерашнего дня перестали». «Кого из наших убили?» Старик подумал и ответил: «Тушауа, его сына и брата». «А мой брат?» — спросил юноша. «Он жив, твоя мать нашла его». Тогда раненый попросил, чтобы матери передали, что и он будет ждать ее здесь: сам он добраться до шапуно саматари не смог бы. Женщины гнаминаветери собрали плодов пупунье и для него. Неподалеку в кустах лежал другой раненый саматари. Старый тушауа сказал обоим: «Идите по этой тропинке и, когда увидите игарапе, ждите там».

Единственные, в кого не попала ни одна стрела, были двое маленьких саматари. Один из них был совсем еще малыш, и я бы никогда не поверила, что он мог так быстро бежать. Но страх придает ногам силу. Вместе с ним спасся в лесу и второй мальчик.

Позже хасубуетери, которые в те дни отправились навестить саматари, рассказали мне, что второй брат Рохариве сидел в шапуно и взывал к духам: «Небо потемнело, сердце мое сильно стучит. Наверное, моего брата убили». Он-то хорошо знал, что Рохариве убьют, потому что сам послал его на верную смерть. Но он умел притворяться. «Я знаю,— пел он,— вы хотите убить моего брата. Но я жив, и у меня есть лук и стрелы!» Внезапно вдали послышался плач. Это плакал старший из двух мальчишек, приближавшийся к шапуно. Предатель-брат воскликнул: «Не плачьте! Наконечники моих стрел так же остры, как и у наших врагов. И я умею метко целиться из лука. Я отомщу намоетери». Мальчишки рассказали, что днем они пробирались по лесу, а на ночь взбирались на деревья. Мужчины сказали: «Наверное, их охраняла тень нашего убитого тушауа. Иначе бы их сожрал ягуар». Вскоре после двух мальчишек в шапуно вернулись раненые саматари. Потом хасубуетери (хасу — маленькая жаба с красными пятнышками) рассказывали мне, что один из воинов был ранен в живот и умер. Из всех раненых выжили только те, кого ранило в лицо, в ноги или руки.

КОСТЕР И СТАРУХИ

Тем временем намоетери срубили несколько деревьев, чтобы сжечь мертвецов. Они развели огромный костер и первыми положили в него Рохариве и его брата. Фузиве громко сказал:

«Все саматариньума пусть пойдут с этой несчастной старухой. Вы одного племени с убитыми и должны их оплакивать». И все женщины саматари, ставшие женами намоетери, вместе с сестрой Рохариве отправились оплакивать своих сородичей.

А тело Рохариве никак не хотело гореть. Подкинули дров в костер, но Рохариве все не сгорал. Тогда мужчины стали говорить: «Он не горит, потому что при жизни не уважал даже своих сестер. Этот саматари — явере». Явере называют человека, который живет со своей сестрой. Один старик крикнул: «Смотрите! Вот что случается с тем, кто обращается со своей сестрой как с женой».

Наутро жена Рохариве одна пошла собирать кости и пепел мужа. Намоетери сказали: «Она убежит». Ее они пустили, но дочку лет двух-трех оставили в шапуно. Женщина собрала мелкие кости и пепел в корзинку и вернулась. Старая сестра Рохариве пошла отдельно и собрала большие кости убитого.

После этого старая сестра Рохариве решила уйти. Намоетери отдали ей дочку Рохариве, а его жену оставили в своем шапуно. На дорогу они дали сестре бананы и головешку.

Между тем намоетери разделились: гнаминаветери ушли на свою расчистку. Патанаветери — к большой реке. Ушли и пишиаансетери вместе со своим тушауа Рашаве. С Фузиве осталось всего человек тридцать. Они во всем, что случилось, обвиняли моего мужа. Между тем сын вождя гнаминаветери тоже убил одного саматари, да и сам Рашаве ранил саматари. Просто они ушли потому, что боялись Хохосиве, второго брата Рашаве. Мой муж так им и сказал: «Вы уходите из страха. Что ж, уходите. А я пойду по тропе, ведущей к шапуно саматари. Пусть они меня убьют. Я не побегу трусливо от врагов».

Однажды, возвращаясь вместе с другими женщинами из лесу, я услышала голоса. Я узнала по голосу сестру Шерехариве. Она несла на руках обезьянку, которую ей в детстве подарил брат. Вместе с ней пришли еще четыре женщины: невестка Рохариве, другая его сестра, старая мать Рохариве, мать женщины, взятой намоетери в плен, и еще одна старуха. Женщина с обезьянкой узнала меня и плача сказала: «Напаньума, я пришла забрать кости моего брата. Где они?» Я ответила: «Пойдемте к тушауа, он должен знать, где лежат кости».

Фузиве сидел в гамаке. Женщины сказали ему: «Я пришла за костями моего брата», «А я ищу кости сына», «Я — моего брата». Они говорили и плакали. Тушауа посмотрел на них и ответил: «Я велел собрать кости убитых, но не для того,

чтобы их съесть. Они лежат в глубокой яме возле костра. Вы пришли за костями, что ж, идите и берите их. Там на земле тоже валяются кости». Женщины сказали: «Пошли кого-нибудь, чтобы нам дорогу показал». Фузиве позвал самую старшую из жен и приказал ей: «Пойди покажи этим женщинам, где лежат кости». Но она боялась, что возле шапуно прячутся в засаде саматари. «Какая уж там засада! — сказала одна из женщин.— Саматари боятся вас и хотят объединиться с караветари, чтобы отбить ваше нападение. Вы убили нашего тушауа, который был великим ваитери. Остался лишь его трусливый брат, который сам дрожит от страха». Фузиве, обращаясь к нам, спросил: «У кого из вас есть спелые бананы?» У всех были спелые бананы.

Фузиве взял у каждой несколько плодов и разделил их между пятью женщинами. «Поешьте бананов и тогда у вас прибавится сил,— сказал он.— Ведь вы проголодались за время долгого пути». Женщины поели, и потом старшая жена Фузиве показала им дорогу. Жена Рохариве рассказала, что обезьянка помогала им искать кости. Может, она что-то поняла. Она находила кости среди листьев и даже вытащила несколько косточек из неглубокого ручья, протекавшего рядом.

Пять женщин пробыли с нами три ночи. Они собрали все, даже маленькие кости.

Жена убитого Рохариве хотела вернуться в свое родное шапуно вместе с остальными женщинами, но один старик держал ее в своем тапири. У этого старика уже была жена, и саматари сказала, что все равно убежит: «Мой муж был молодым, как же я буду теперь жить со стариком?» Женщины намоетери услышали эти ее слова и не дали ей убежать.

Перед самым уходом женщин саматари Фузиве сказал им: «Тетушки, мои люди заставили меня убить ваших родных. А потом, когда я убил, многие из страха покинули шапуно. Но я никого не боюсь. Скажите воинам саматари, что я пойду по тропе, которая ведет в их шапуно. Нас мало, и саматари могут меня убить. Так им передайте!» Когда пять женщин отправились в обратный путь, мы три дня шли за ними следом, пока не добрались до рощи пальм бурити. Совсем близко протекало игарапе. Тушауа Фузиве сказал: «Здесь мы построим шапуно и будем ждать саматари. Женщины принесут им весть, что нас мало, и они нападут на нас. Я убил их вождя, и теперь они хотят убить меня. Но я не боюсь».

Мужчины срубили большие деревья и построили небольшое шапуно с круглой площадкой вокруг. Фузиве велел огородить шапуно частоколом из стволов пальмы пашиуба. Когда ин-

дейцы собираются долго жить в новом шапуно, они делают изгородь из толстых, очень крепких столбов, которые не гниют. Затем связывают эти столбы лианами, а когда лианы сгнивают, заменяют их новыми. Но если частокол надо построить быстро и на короткое время, то его делают из стволов пальмы пашиуба. Изгородь отстояла от шапуно метра на четыре. Вокруг шапуно намоетери вырубили лес, затем упавшие деревья сожгли, чтобы на этом месте вырос густой подлесок, который врагам трудно будет преодолеть. Ночью воины сидели в засаде и слушали. Если враги станут пробираться через срубленный лес, то обязательно наступят на обгоревшие сучья, те затрещат, и тогда намоетери начнут стрелять из луков.

В этом шапуно мы пробыли долго. Когда мы его строили, плоды пупунье были еще совсем зелеными, а за это время они успели созреть. Однажды, еще до того как плоды созрели, мужчины отправились на охоту и почуяли неподалеку запах дыма. Они подошли и увидели тлеющие головешки и остатки еды. Потом саматари рассказали хасубуетери, что они подобрались к самому шапуно. Но ночью один из воинов проснулся и сказал: «Мне приснился плохой сон. В мою грудь и рот залезло много червей». Тогда другие воины сказали: «Это значит, что тебя убьют, а потом и сжигать не станут. Лучше нам вернуться назад». И они вернулись в свое шапуно.

Как-то в полдень мимо пролетал самолет. Летчик увидел шапуно и стал кружиться над нами. Мужчины сказали: «Давайте позовем его. Пусть он спустится пониже, и тогда мы подстрелим его из лука». Все схватили луки и стрелы, вышли на площадку и стали кричать: «Шори, шори!» Самолет снизился. Воины хотели уже выстрелить в него из луков, но Фузиве крикнул: «Подождите, пусть опустится еще ниже». Самолет стал летать прямо над нашими головами. Наверное, летчик заметил, что индейцы вооружены, потому что он выпустил облако черного дыма. Тут все намоетери в страхе разбежались кто куда.

МАХЕКОТОТЕРИ ПОЛУЧАЮТ ПРИГЛАШЕНИЕ

Однажды в наше шапуно пришло двое сыновей старого вождя патанаветери. Они сказали, что у намоетери слишком много врагов и потому они должны снова объединиться. Тогда мы все вместе вернулись в большое шапуно рядом с большой расчисткой. Там решено было пригласить на реахо махекототери, чтобы опять стать с ними друзьями. На следующий день мужчины принесли гроздья бананов и повесили их над оча-

гами. Охотники отправились в лес. Перед уходом они все просили сохиринариве послать им богатую добычу. «Когда луна поднималась на небо,— рассказал мне как-то Фузиве,— много воинов яноама собрались вместе и стали стрелять в нее из луков. Они выпустили так много стрел, что померк лунный свет. Но каждый раз промахивались. И тогда Сохиринариве сказал: «Вы не смогли подстрелить луну, когда она висела совсем низко, где уж вам теперь попасть, ведь она уже поднялась высоко в небо». Он прицелился, спустил тетиву и угодил стрелой точно в луну. Сразу же сверху полилась кровь —кровь луны. Из этой крови родилось много сильных людей. А Сохиринариве унесли к себе духи».

Охотники вернулись с богатой добычей. Фузиве обрадовался и сказал Рашаве и своему брату Короиве: «Идите и позовите в гости махекототери. Только живо. Переночуйте один раз в лесу, а на следующий день вы должны быть в их шапуно. Ты, Рашаве, умеешь красиво говорить, а потому я и посылаю тебя вместе с братом». Оба посланца захватили перья, чтобы украсить ими уши и руки, обезьяньи хвосты на голову, несколько пакетиков уруку и тронулись в путь.

Когда посланцы подходят к чужому шапуно, они, чтобы их узнали, начинают свистеть точно выдра: «фью, фью, фью». Хозяева отвечают криками: «Пей хав, тезамуну хе» (тезамуну — яноама называют того, кто приходит пригласить вас на реахо). Рашаве так сказал хозяевам: «Тушауа зовет вас в гости и просит, чтобы вы поторопились, потому что хочет с вами поговорить дружески. А если вы придете поздно, то для дружеского разговора уже не останется времени». Тушауа махекототери велел своим людям поскорее собираться в путь.

Между тем, женщины намоетери стали убеждать мужей и братьев, что у махекототери есть много вещей, много мачете, но они их не дарят. А сами, когда приходят в гости, съедают все подряд и просят еще. Чем больше едят, тем голоднее становятся. Просто ненасытные какие-то. Фузиве рассердился: «Это все неправда! Вечно вы, женщины, недовольны, махекототери, когда у них есть мачете, охотно дают их другим. Разве не их мачете мы очистили наше шапуно и подготовили участок для посева».

На второй день пришли махекототери и построили тапири в лесу возле нашего шапуно. С ними пришла старуха — мать Акаве, который потом стал моим вторым мужем. Она не осталась в тапири, а пришла прямо в наше шапуно. Когда мы с ней остались одни, она мне предложила убежать к махекототери. Но я не захотела.

Вечером несколько гнаминаветери пришли к махекототери и сказали, будто Фузиве задумал на обратном пути напасть на них и снова похитить несколько молодых женщин. Это была неправда. Но махекототери испугались и потихоньку бежали.

ГОРЯЩИЕ ГОЛОВЕШКИ

Когда махекототери сбежали, Фузиве решил все равно устроить реахо для одних намоетери. И вот на этом-то празднике и произошла его ссора с Рашаве. Фузиве так поделил добычу, что пишиаансетери почти ничего не досталось. Вечером ребята стали играть в горящие головешки. Один выхватывал головешку из огня и бросал в другого. Тот старался увернуться, а потом той же головешкой попасть в противника. Старик — отец Фузиве крикнул: «Мальчики пусть играют, но вы — мужчины и вам эти игры ни к чему. А то как бы не вышло ссоры». Но юноши не удержались и тоже стали кидаться горящими головешками. Одна из них попала на крышу хижины как раз над гамаком, в котором отдыхал брат Фузиве. «Кто бросил горящую головешку?! — закричал он.— Может, это сыновья гнаминаветери или пишиаансетери задумали поджечь нашу крышу». Он вместе с несколькими воинами взобрался наверх и потушил занимавшийся огонь.

Тут Фузиве сказал мне: «Сними с огня горшок и дай вон ту большую головешку». Старшая из жен воскликнула: «И тебе поиграть захотелось? Что тебе не сидится спокойно? Вечно ссоры ищешь! Мало тебе вчерашнего. Не останови я тебя, ты бы палицей голову противнику проломил!» Когда взрослые увидели, что Фузиве поднялся, они сказали: «Тушауа тоже решил поиграть». И стали бросать друг в друга головешки. Старик отец кричал Фузиве: «Сын, ложись в гамак, ты старый, у тебя есть жены. Зачем тебе эти ребячьи игры?!»

Было очень темно. Фузиве угодил большой головешкой в голову одному пишиаансетери, и тот упал. Тут многие похватали горящие головешки и целые поленья, и началась драка. Я взвалила сына на спину, выбежала из шапуно и спряталась за пальмой. Другие женщины тоже с криками разбежались кто куда. Во все стороны летели горящие головешки, осыпая нас дождем искр. Слышались крики, стоны, головешки падали в горшки.

Вдруг все стихло. На площадку выскочил Фузиве и позвал меня: «Напаньума, разожги огонь, посмотри, что это мне по-

пало в глаз». Я разожгла огонь, подбросила в него сухих листьев, потом сказала: «Покажи». Горящий кусок угля вонзился Фузиве рядом с глазом и обжег ему ресницы. Старшая жена, которая была поопытнее и посмелее меня, попыталась вытащить уголек, но ничего у нее не получалось. Подошла дочка Фузиве, и ей удалось наконец вытащить кусочек угля. Из раны сильно текла кровь. «Ну, теперь я им покажу, всех убью!» — в гневе воскликнул Фузиве. Мы заплакали от страха.

А в шапуно многие обгорели. Один из мужчин гнаминаветери кричал брату Фузиве: «Вы чуть не сожгли моего сына. Всю грудь ему опалили. Думаете, вам все можно, раз тушауа на вашей стороне!» Братья Фузиве отвечали: «Это вы, гнаминаветери, начали первыми». Пишиаансетери и гнаминаветери в один голос ругали Фузиве. Наконец он не выдержал и закричал: «Вататие! (замолчите). Хватит, не то я ночью всех вас перебью. Молчите, если вам жизнь дорога!»

Сын тушауа гнаминаветери сказал: «Отец велел тебе передать, что он молчать не будет». Тут Фузиве снова схватил горящую головешку, и мы, женщины, бросились врассыпную из шапуно. Мать Фузиве закричала: «Вы хотели ослепить моего сына. Теперь он вам покажет. Я не побегу вместе с другими женщинами, останусь рядом с сыном».

Все, кто был против Фузиве, не осмелились на него напасть. Тушауа называл их по именам, оскорблял, но они не отвечали. Потом старик — тушауа патанаветери сказал своим: «Сегодня тушауа в большом гневе, лучше нам уйти». Он ушел, а за ним другие. Понемногу и Фузиве утихомирился. Мы, женщины, незаметно проскользнули к своим гамакам.

С того дня Рашаве и Фузиве стали врагами.

На следующее утро все вернулись в шапуно. Фузиве громко сказал: «Значит, я кое-кому мешаю! Что ж, я уйду». Нам он сказал: «Собирайтесь, да поживее. Бананы оставьте». Мы положили в корзины глиняные горшки, наконечники стрел, гамаки и тронулись в путь. Шли и плакали: думали, что больше уже не вернемся в большое шапуно. За нами, женщинами, шли Фузиве с братьями, его зять, отец с матерью и группа намоетери.

На другое утро мы взобрались на гору, где жили родные самой старшей из жен Фузиве. Они называли себя тетехейтери. Их было всего несколько мужчин с женами. Они когда-то отделились от патанаветери. Жили они в горной долине, и добраться к ним можно было лишь по труднопроходимой тропе. Мы остановились возле маленького, очень чистого игарапе, а несколько воинов пошли предупредить хозяев. Хозяева ве-

лели нам поскорее идти в шапуно. Мы все помылись в реке, но краситься не стали.

Шапуно тетехейтери было круглым, и часть его пустовала. Фузиве спросил у нас: «Хотите соорудить тапири либо будете жить в шапуно?» Я ответила: «Не знаю». Старшая из жен сказала мне: «Вот что, мы с тобой останемся здесь, а остальные жены пусть живут в тапири. Все равно от них мало толку». Она позвала Фузиве и сказала ему: «Я и Напаньума будем жить здесь с моими братьями. А ты построй три тапири и оставайся с остальными женами. За нас не бойся, ничего с нами не случится». Я снова ждала ребенка, и у меня уже был большой живот. Но я вместе со старшей женой Фузиве каждый день ходила в лес и на расчистку и собирала пупунье и уруку.

У тетехейтери умерла девочка, и теперь они толкли кости для реахо. Я впервые увидела, как толкут кости в большой скорлупе ореха пара [33].

Фузиве спросил у тетехейтери, есть ли тут место, пригодное, чтобы расчистить его для плантации. Старший из них ответил: «Да, совсем близко от горы». «Нет, здесь рядом мне не годится,— сказал Фузиве.— Остальные намоетери снова захотят объединиться, а я больше не хочу». Спустя несколько дней тушауа тетехейтери вместе с несколькими мужчинами показали нам место для плантации. Оно было далеко от шапуно, на опушке леса. Фузиве и другие мужчины свалили большие деревья, срубили деревья поменьше и с помощью тетехейтери расчистили участок. Дней восемь спустя все вернулись в шапуно. Фузиве сказал: «Дайте мне банановые побеги, а то у нас ничего нет».

Мы, женщины, вместе с мужчинами сразу же отправились на плантацию тетехейтери выкапывать банановые побеги. В корзине их умещалось довольно много, но и весили они немало. Нести их через горы было очень тяжело. Фузиве говорил мне: «Ничего, потерпи. У нас есть сын. Пусть, когда он вырастет, живет отдельно от гнаминаветери и пишиаансетери». Чтобы не упасть, я при ходьбе опиралась на две палки. Фузиве нес на спине огромную корзину, которую и двум мужчинам поднять не под силу. От расчистки тетехейтери до нашей было три дня пути.

Мы еще не раз проделали этот путь — принесли корни ухины, семена табака и хлопка, побеги маниоки и тростника для стрел. За это время мы протоптали к расчистке широкую тропу. Посадили мы и пальму пупунье. Перед этим индейцы зачищают на камне семена пальмы до тех пор, пока они не ста-

новятся совсем гладкими в том месте, где есть крохотная дырочка, из которой появляется побег. Индейцы говорят, что тогда пальма будет без колючек. Старуха — мать Фузиве рассказала мне, что впервые пупунье индейцам показала птица аньакоремасики. От нее они узнали, что плоды этой пальмы съедобные.

Однажды вечером тушауа сказал: «Попробую убить крокодила». Возле игарапе было много крокодильих следов. Фузиве вместе с братом отправились на охоту и подстрелили птицу мутум и крокодила. Крокодил был такой большой, что пришлось его разрубить — целиком его даже Фузиве донести не мог. Фузиве велел женщинам поджарить крокодила, и потом мы устроили настоящий пир. Женщины могут жарить и варить мясо птиц, рыб и крокодилов. Мясо крупных животных готовят только мужчины. Возле расчищенного нами от леса участка мы построили шапуно и стали там жить.

КАРИОНА

В тот же год у меня родился второй сын. Его я тоже родила в лесу. Там я и оставила детское место и пуповину. А когда вернулась за ними, то уже не нашла. Может, их тем временем съел какой-нибудь зверь. Индейцы обычно вешают пуповину на ветку пальмы пупунье.

Когда Фузиве увидел младенца, он сказал: «Глаза у него большие, как у Карионы. Его имя будет Кариона». Так индейцы зовут красивую птицу с большими глазами.

Примерно в это же время началась страшная эпидемия. Фузиве не велел мне выносить малыша на солнце — говорил, что в сильную жару духи солнца похищают младенцев. На плантацию мы ходили рано утром. «Когда солнце стоит высоко в небе, оно очень злое, потому оно и печет так сильно»,— объяснял муж. Вечером он не разрешал моему старшему сыну играть на площадке, потому что дух ночи — черный титири мог его украсть. Фузиве знал все пути ночи, луны и солнца.

Мой первенец тоже заболел и был при смерти. Старые колдуны — шапори стали искать тень сына. Они надышались эпены, легли на землю, прислушались и сказали: «Мы ничего не слышим, значит, амахини[34] его не похитили!» Потом они стали на корточки и поползли по тропинке. Первым полз Фузиве, немного спустя он громко объявил: «Эта тропа ведет к белым. Видите, никаких следов нет. Я пойду первым, потому что я знаю пути солнца, ночи, луны, титири, белых, амахини».

Он полз дальше и потом говорил: «Эта тропа ведет к амахини, но и тут нет никаких следов. А здесь, на лунной тропе, следы очень старые. Смотрите, на тропе саматари видны следы! Они влезли на крышу шапуно и спрятались вот здесь. Смотрите, тут следы двух хекура саматари». Шапори смотрели и подтверждали: «Верно, вон тут они повернули назад». Так Фузиве и шапори обошли на корточках шапуно, и потом Фузиве сказал: «Его украли хекура солнца! Малыш плачет там, наверху. Солнце спрятало его у себя, ему жарко, поэтому он и плачет. Попробуем его отнять».

Фузиве был великий шаман, и он знал все тайны.

После этого шапори и Фузиве снова как следует надышались эпены и сказали: «Вот теперь мы можем подняться к солнцу и не сгореть!» Они стали бегать по площадке. Фузиве шел впереди и говорил: «Не бегите! Идите следом за мной! Я поднимаюсь к солнцу». Когда индейцы сильно надышатся эпены, они верят, что и в самом деле взлетают в воздух. Вдруг один из колдунов закричал: «Солнце прожгло мне глаз!» Он заметался по площадке и свалился на землю. Другой держался руками за ствол дерева и стонал: «уа, уа», потом опустил руки и тоже рухнул на землю. Индейцы сказали, что солнце дунуло на него огнем и он сгорел. Один за другим шапори без чувств валились оземь. Лишь Фузиве уходил все дальше и не падал. Наконец он сказал: «Ты, солнце, всех сжигаешь, но все равно я проник в твое шапуно. Ты похитило моего сына, и теперь я пришел его забрать». И он с корзиной на руке побежал к моему больному сыну.

Он отсасывал губами болезнь из горла сына и громко пел: «Маньебириташе, хекура птицы тукана, приди и притронься к горлу сына, чтобы оно опять стало влажным. А ты, красавица преньума, дочь хекура жабы, сядь рядом и своими маленькими холодными руками охлади кожу моего сына. Я пришла, меня зовут преньума, мое лицо все в красивых цветных полосках. Я живу у реки и по утрам пою: «прик, прик, прик»,—так приговаривал Фузиве, обливая сына невидимой водой всемогущих хекура,— а теперь, пританцовывая, подходит красивая хасубуриньума[35]. Всю ночь она будет сидеть возле больного, чтобы успокоить боль. Вот идет маньебириташе, в пакетике из листьев она несет зелье от болезни, зелье великих хекура. Она намажет сына этим зельем, и он снова станет здоровым. А ты, иньамариве (хекура ленивцев), слишком медлителен, твоя ленивая, вялая рука не сумеет схватить болезнь. Уходи, не мешай». Фузиве передохнул и снова запел: «Я хехериве — хекура летучей мыши. Я прилетела, чтобы укусить бо-

лезнь и вытащить ее из тела. Своими крыльями я отгоню болезнь. Когда я была человеком, я любила свою свекровь, и в наказание хекура превратили меня в летучую мышь». Потом Фузиве стал потихоньку отходить от больного, громко повторяя: «Останься с ним, преньума, останься с ним, хасубуриньума. Не дайте болезни вернуться».

Сыну и в самом деле стало много лучше. Потом еще многие заболели и умерли. Индейцы говорили, что эти люди умирали не потому, что была похищена душа — нохотипе. Виновником смерти был шавара — вакеши, бледное существо, которое проникало в тело больного и убивало его хекура.

Помнится, я сидела рядом с Фузиве под пальмой бакабе[36], когда вдалеке послышалось: «Э... ээййй...» Фузиве сказал: «Не отвечай, это кричит лихорадка, мать болезни. Она увидела много человеческих следов сразу и не знает, куда ей идти. Потому она и кричит. Если ты отзовешься, она придет к тебе. Сегодня ночью мне приснились белые. Все они были одетые. Они подбрасывали в очаг сучья, из трубы валил зловонный дым и летел к нам. Когда белые раздеваются, они оставляют болезнь в своей одежде. А потом приходит шавара — вакеши и убивает хекура. Если бы не было белых, не было бы и болезней»[37]. Пожалуй, в его словах была доля правды. Когда я жила с индейцами, я ни разу ничем не болела и даже голова у меня не болела. Я узнала, что такое болезнь, когда вернулась к белым.

Сразу после того как началась эпидемия, все намоетери разделились. Каждая семья жила в отдельной маленькой хижине. Вскоре умерла и старшая жена Фузиве, которая так любила меня.

У нее остался маленький ребенок. Он все время плакал. Фузиве сказал мне: «У тебя много молока, покорми и этого малыша». Я согласилась. Как только малыш начинал плакать, сестра Фузиве приносила его ко мне. Он был очень воинственный, отталкивал моего второго сынишку и не подпускал его к груди, пока не наедался досыта. Я очень его полюбила. Потом заболел и сам Фузиве. Он ходил, опираясь одной рукой о длинную палку, а другой — о плечо одной из жен. Однажды у реки он наклонился, чтобы напиться, упал и потерял сознание. Подбежали дочка и другая жена, подняли его, усадили. В тот день он чуть не умер. Подошел старый колдун — шапори и спросил: «Что с ним?» «Не знаю,— ответила дочка Фузиве.— Ночью ему было плохо, утром пошел к реке напиться и упал». Старик поставил на землю глиняные горшки и стал трясти Фузиве. Потом нанюхался эпены и запел: «Болезнь

сожгла горло херерехириве, хекуры попугая, верного друга тушауа. Вот почему он потерял сознание». Он стал обсасывать горло, голову, грудь Фузиве, чтобы вытащить болезнь. Фузиве упал часов в восемь, а старик шапори колдовал над ним примерно до полудня. Когда Фузиве пришел в себя и ему стало лучше, старик сказал: «А теперь вставай». Тушауа поднялся и, опираясь сразу на две палки, медленно-медленно пошел к хижине.

Однажды, когда Фузиве наглотался эпены, он сказал старику шапори: «Херерехириве больше нет со мной, кончилась моя болезнь, и его не стало». Старик ответил: «Да, верно, он исчез. Но я попрошу, чтобы к тебе пришел другой — хекура попугая».

Фузиве заплакал оттого, что потерял верного друга херерехириве.

Когда эпидемия кончилась, мы все возвратились в шапуно. Зять Фузиве отправился искать дикий мед. Вернувшись, он сказал: «Я встретил твоего дядю. Он зовет нас к себе». Дядя Фузиве был тушауа патанаветери. Спустя несколько дней он сам пришел к нам в шапуно и сказал Фузиве: «Мы тебя ждали, почему ты не пришел? Саматари нам обоим враги, а вы, сыновья моего старшего брата, для меня как родные дети. Приходите к нам в гости, и поскорее». Старуха — мать Фузиве сказала: «Он верно говорит, и ему нельзя отказать». Когда гость узнал, что умерла старшая жена Фузиве, она тоже была патанаветери, он горько заплакал. В тот же день мы отправились в гости к патанаветери.

Мать Фузиве и мать тушауа патанаветери были сестрами. Когда они снова увидели друг друга, то заплакали от радости. Мать тушауа патанаветери все повторяла: «Проходите, проходите в наше шапуно». Фузиве называл ее «мама», а сыновья тушауа называли Фузиве «старший брат».

В шапуно патанаветери мы прожили долго. Фузиве помирился с гнаминаветери, и они вместе с хасубуетери устроили большой пир.

Спустя некоторое время Фузиве решил вернуться в шапуно возле плантации. К этому времени бананы и пупунье сильно выросли. Иногда Фузиве говорил нам, своим женам: «Надо бы навестить старика отца». Так он называл тушауа патанаветери. По дороге он беседовал с нами, с ребятишками, давал им совет: «Когда придем в шапуно, вы, малыши, не носитесь по хижине, не хватайте все подряд и сами ничего не просите, ждите, пока вам подарят». С нами, женщинами, он был очень добрый, часто говорил мне: «Возьми детей, пойдем даль-

ше все вместе». Если на охоте ему удавалось поймать красивую птицу, он нередко отдавал ее малышам. «Пусть порадуются»,— говорил он. Когда в шапуно приходили гости, он разрешал им пойти на плантацию и нарвать сколько захочется бананов и пупунье. Старикам и старухам он отдавал табак, даже если у него самого оставалось совсем немного. Иной раз я даже плакала с досады, потому что Фузиве все плоды у меня забирал и отдавал гостям. Он никогда не сердился, если только его нарочно не подзуживали.

Старик — тушауа патанаветери всегда говорил Фузиве: «У тебя много жен — арамамисетериньума, хасубуетериньума, намоетериньума, Напаньума. Так вот, Напаньума — белая, но она такая же, как мы. Я зову ее племянницей, потому что она тоже женщина. Никогда не бей своих жен, особенно палкой, женщины слабее нас и больше страдают от побоев. Иногда муж поколотит жену палкой, она убежит в лес с ребенком, а там их ждет ягуар. И потом этот человек остается и без жены, и без ребенка». «Нет,— отвечал Фузиве,— я их не бью. Правда, если они начинают ссориться, тут я не выдерживаю, всем сразу достается. Но теперь они почти не ссорятся».

Старый тушауа говорил нам: «А вы, женщины, не ссорьтесь между собой. Если перестанете ревновать, то скоро полюбите друг друга, станете как родные сестры».

В это время умер старик — отец Фузиве. Тело его четыре дня висело в гамаке под самой крышей. На пятый день его сожгли.

КОЗНИ ПИШИААНСЕТЕРИ

После ссоры пишиаансетери и намоетери стали врагами. Когда мы жили в шапуно патанаветери, несколько мужчин пишиаансетери пришли на нашу плантацию и поломали побеги табака. Фузиве ничего не знал. Однажды он сказал тушауа патанаветери: «На нашей новой плантации очень хорошо растет табак, можешь послать за ним своих людей». Тушауа ответил: «Наши хекура видели молодых воинов, которые спали в тапири возле твоей плантации. Они повесили табачные листья сушиться над костром. Может, они украли твой табак».

Тогда Фузиве послал зятя взглянуть, что там делается. Он вернулся вечером следующего дня, но заговорил не с Фузиве, а с одной из его жен: «Скажите ему, чтобы он больше не ждал табака. Осталось лишь несколько листьев, я их принес,— и он положил на камень пакеты с табаком.— Бананы растут так, что любо посмотреть, тростник для стрел тоже высоко поднял-

ся, но вот табак они погубили». Дочь сказала Фузиве: «Эти люди из зависти поломали весь наш табак. Ничего не осталось». «Это были пишиаансетери, следы ведут к их шапуно»,— продолжал зять Фузиве.

Тут Фузиве так разгневался, что все испугались. Когда стемнело, тушауа патанаветери крикнул: «Все замолчите! Послушаем, что скажет мой сын». В полной тишине Фузиве заговорил негромко: «Я посадил много табаку, а пишиаансетери оборвали все листья и поломали кусты. Что они хотят от меня? Хотят, чтобы я их убил! Ну что ж, я убью одного из них. Тогда у пишиаансетери будет настоящая причина гневаться на меня. Это я должен был разгневаться за то, что они ранили меня в глаз. Но я их простил».

Он говорил долго, до самой ночи. Когда он наконец умолк, старик — тушауа патанаветери сказал: «О сын мой, не надо никого убивать. Двое твоих сыновей уже большие, один недавно родился. Почему ты хочешь кого-нибудь убить? Думаешь, убить человека — это так, шутка. Часто тому, кто убил, приходится спасаться бегством. И тогда его дети будут из последних сил тащиться по лесу и плакать от голода. Разве ты этого не знаешь? Я знаю, потому что я стар. Когда мы жили на том берегу Большой реки, мы враждовали с кунататери. В бою они убили одного из наших и многих ранили. Пришлось нам бежать. В дороге мы питались только сердцевиной пальмы инайя и плодами балаты. Мои дети плакали от голода, а я плакал от жалости, глядя на них. Твой отец тоже плакал от горя, а ты, тогда еще совсем малыш, вместе с другими ребятишками плакал от голода. А теперь ты хочешь убить кого-нибудь из пишиаансетери. Разве тебе и твоим детям после этого станет легче? Подожди немного, и табак вырастет снова. Не гневись, если бы они убили твоего брата, ты бы мог им отомстить. Но за куст табака человека не убивают. Табак можно посадить снова, а вот брата, отца, сына больше уже не найти. Хочешь, мы сами снова посадим табак на твоей плантации?» Старый тушауа говорил долго и умно. Он был добрым и мудрым и не хотел никого убивать. Когда Фузиве погиб, он приносил мне мясо, брал моего сына за руку и говорил: «Старый дедушка принес тебе что-то» — и протягивал ему бананы.

Постепенно Фузиве успокоился. Мы вернулись в свое шапуно и снова посадили табак. Спустя некоторое время старик — тушауа тетехейтери пригласил нас к себе в шапуно. Однажды туда пришел муж сводной сестры Фузиве. Он жил вместе с пишиаансетери. Прежде чем войти в шапуно, он раскрасил лицо и грудь.

Женщины тетехейтери сказали: «Вон идет пишиаансетери. Наверное, он принес грустную весть». Фузиве лежал в гамаке. Он надышался эпены и теперь беседовал со своими жекура. Он еще раньше сказал: «Я по ногам чувствую, кто-то идет к шапуно. В груди у меня стучит, он придет по этой тропе». Женщины сказали: «Кто к нам может прийти? Ведь никто даже не знает, где мы теперь живем». Но мать Фузиве возразила: «Вот увидите, скоро кто-то придет». И в самом деле пришел этот пишиаансетери. Он повесил гамак и молча улегся. Фузиве встал, подошел к гостю и сел рядом на корточки. Тогда гость слез с гамака, взял свои стрелы, тоже сел на корточки и сказал: «Не жди больше плодов. Пишиаансетери построили шапуно возле твоей плантации, поломали все деревья, повыдергивали ростки уруку. Жена стала кричать, ругаться, но они сказали, что вы сами этого хотели. Они поломали кусты табака и маиса. Все валяется на земле и гниет. Они хотят, чтобы ты оставил им свою плантацию и навсегда поселился вместе с патанаветери. Вот почему они тебе пакостят».

Тут жены Фузиве стали возмущаться. Намоетериньума по имени Токома сказала: «Мы много трудились, когда сажали табак, маис, уруку... А теперь пишиаансетери все хотят погубить. Они тебя нарочно подстрекают, так убей их». Она еще долго убеждала Фузиве отомстить врагам. Наконец Фузиве сказал: «Ты, женщина, хочешь, чтобы я убил кого-нибудь из пишиаансетери, и я убью. Но помни, потом тебе же будет хуже!» Он рассердился на Токому за ее слова. Я сказала: «У тебя есть отец и мать, вот ты и подстрекаешь мужа на войну. А я и арамамисетериньума, если мужа убьют, останемся одни. Я не хочу, чтобы он сражался с пишиаансетери, потому что боюсь их тушауа Рашаве. Он очень сильный, и его даже смелые воины боятся».

Наконец Фузиве решил: «Вернемся на плантацию, посмотрим, что стало с нашими посадками». По дороге в шапуно он сказал: «Когда был жив отец, он всегда мне говорил: «Не убивай». Теперь старика больше нет». Вечером Фузиве надышался эпены, сел на корточки, подозвал моего старшего сына и сказал ему: «Сын, пишиаансетери пакостят мне, хотят, чтобы я сразился с ними. Если однажды меня одолеет гнев, я их убью. Но тогда и ты останешься без отца». Мальчик посмотрел на него и засмеялся. «Сейчас, сын мой, ты смеешься, но когда меня не станет, тебе и твоей матери плохо придется». Мальчик смотрел на него во все глаза, а Фузиве снова и снова вдыхал эпену. Мой младший в то время еще не мог ходить, а лишь ползал.

Потом Фузиве запел свои песни хекура: «Идите завтра в лес. Я вижу много диких свиней, они едят упавшие плоды бурити. Убьем их и в последний раз полакомимся мясом. Потом будет бой и пишиаансетери всех нас истребят, как уже истребили все побеги на нашей плантации». Мимо шапуно проходила старуха пишиаансетери. Она вернулась к своим и сказала, что тушауа их оскорблял, называл дикими свиньями и обезьянами.

На следующий день мужчины собрались на охоту. Фузиве решил пойти с нами, женщинами, в лес — посмотреть, не падают ли уже орехи дерева пара. Когда мы проходили мимо плантации, он увидел, что тростник для стрел тоже сломан. «Нет, они явно хотят сразиться с нами,— сказал он.— Хотят убить меня. Только враги ломают тростник для стрел».

За нами шли брат, зять и шурин Фузиве. Мы подошли к реке, Фузиве посмотрел на землю и сказал: «Вижу свежие следы человека. Наверное, это пишиаансетери. Мои стрелы соскучились по ним». Я испугалась и сказала: «Не стреляй! Может, они охотятся в лесу. Потом они скажут, что ты хотел убить их из засады, потому что побоялся прийти прямо в шапуно. Не стреляй в них. Не то они нападут на наше шапуно и убьют всех детей». «Нет, я их убью»,— ответил он. Взял из колчана два отравленных наконечника и вставил в стрелы. Другая жена тоже сказала: «Не надо их убивать». Фузиве постоял и молча пошел дальше.

В глубине леса мы увидели нескольких пишиаансетери: Вашаве, что на языке яноама означает летучая мышь, Нимотаве, Хотонаве и других. Они болтали, весело смеялись, поправляли наконечники стрел. Нас они не заметили. Когда мы подошли совсем близко, они, увидев нас, смутились и низко опустили головы. Не успели мы пройти мимо, как один из мужчин громко захохотал. Фузиве остановился, посмотрел на них и сказал: «У тебя, Хотонаве, лицо старой обезьяны. И ты еще осмеливаешься смеяться надо мной, когда я прохожу мимо. Знайте же, меня недаром все боятся. Хотите, чтобы я вас убил?» И он с силой ударил стрелой о стрелу. Я схватила его стрелы и тихо сказала: «Идем, они не смеялись. Тебе показалось». Он послушался. Когда мы уже отошли далеко, он сказал: «Ты что, стрелы мои пожалела?» Я ответила: «Нет, мне больно будет, если ты убьешь кого-нибудь из тех, с кем мы жили в одном шапуно. Я их за родных считаю».— «Значит, если я убью одного из них, ты его станешь оплакивать?» — «Да, стану».

Пишиаансетери ничего не ответили на слова Фузиве. Но едва мы скрылись за деревьями, они схватили свои палицы и

побежали к нашему шапуно. А там оставались всего три женщины да дети.

Мы собрали много орехов, и в полдень Фузиве сказал: «Пора возвращаться. Пишиаансетери за нами не пошли, а вернулись назад. Может, они хотят напасть на шапуно».

Я не стала раскалывать орехи, а положила их целиком в корзину. Проходя мимо шапуно пишиаансетери, мы услышали шум и крики. А когда вышли на тропу, ведущую к нашему селению, то увидели бежавшую нам навстречу старуху. «Внучки,— закричала она еще издали,— к нам ворвалось много пишиаансетери с палицами. Они хотели сразиться с вами, но никого из мужчин не нашли. Тогда они сказали: «Сегодня вечером вернемся»». Фузиве ответил: «Я не хочу драться с ними на палицах, хочу пронзить одного из них стрелой. Палица не убивает насмерть». Я стала умолять Фузиве: «Не убивай, ведь они никого из наших не убили. Я боюсь за детей». Другая жена, намоетериньума, наоборот, подстрекала его: «Нет, он должен убить этих подлых пишиаансетери. Почему ты их защищаешь?» «Потому что, если тушауа убьют, мне некуда будет деваться». Мы начали ругаться. Фузиве прикрикнул на нас и заставил умолкнуть.

Пополудни за шапуно залаяли собаки. Фузиве сказал мне: «Ты храбрая, сходи посмотри». Я очень боялась, но выскользнула за ограду и бесшумно добралась до плантации. Там я увидела мужчин пишиаансетери. Они были раскрашены черной краской и двумя руками потрясали палицей над головой. Сзади шли женщины и несли луки и стрелы. Я бегом бросилась в шапуно и сказала Фузиве: «Пишиаансетери идут на нас с палицами». Тем временем наши мужчины вернулись с охоты. Фузиве сказал: «Берите палицы. Разве вы не слышите, как они громко бьют о землю ногами. А с меня хватит моей рахакашива (стрелы)». «Нет,— сказал брат Фузиве,— не стреляй в них сразу. Возьми и ты палицу».

А пишиаансетери подходили все ближе, стуча о землю ногами. Они попытались ворваться в шапуно намоетери. Фузиве кричал им: «Нас мало, но все равно вы не войдете, ни один не войдет». Каждого, кто пытался проникнуть в шапуно, намоетери ударяли палицами. Зять Фузиве сильно ударил палицей по голове одного из пишиаансетери, и тот рухнул на землю. Остальные закричали: «Пей хав! Один из нас ранен. Женщины, дайте нам стрелы».

Если индейцы хотят сразиться с врагами на палицах, они отдают луки и стрелы идущим сзади женщинам. Только Фу-

зиве и его брат держали в руке стрелы. Фузиве крикнул: «Его ранили палицей, а не стрелой».

Тут Рашаве крикнул: «Сегодня зять тушауа расхрабрился. Хочет показать себя перед шурином. Был бы он один, сразу бы в угол забился. Ничего, сегодня мы заставим вас плакать горькими слезами». Фузиве схватил лук и ответил: «Подходи, подходи поближе, Рашаве! Мне как раз захотелось поплакать». «Оставь лук и возьми лучше палицу»,— крикнул Рашаве. Я подошла к Фузиве и забрала у него стрелы: «На палицу!» «Боишься за меня? — сказал он.— Думаешь, что я не мужчина?» «Нет, но ведь они без стрел»,— сказала я, выхватила у него стрелы и убежала.

Тогда Фузиве взял свою палицу: короткую и тонкую — у ручки, толстую и сучковатую — на конце. Когда Рашаве попытался войти, Фузиве изо всех сил ударил его по голове, содрав кожу вместе с клочьями волос. Рашаве не упал, но громко вскрикнул: «Ой! Ну, теперь я с тобой рассчитаюсь. Ведь ты мне раскроил голову». Он подозвал брата и сказал: «Моя рука ослабла. Дерни посильнее, я хочу отомстить Фузиве». Брат сильно дернул его за руку. Тогда Рашаве сказал другому своему брату: «Дай мне твою палицу, она побольше». Фузиве кричал ему: «Что же ты ждешь. Хочешь сразиться со мной, так подходи». «Иду»,— крикнул в ответ Рашаве. Он подбежал и сильно ударил по голове зятя Фузиве. Брат Фузиве тут же ударил Рашаве по руке, и тот выронил палицу. Фузиве сказал: «Что-то я не знаю ваитери, которые роняют палицу. Где же твоя месть?» У Рашаве из головы и руки текла кровь: «Сейчас я не могу, моя рука ослабла, но завтра я приду с луком и стрелами и отомщу».

Двое пишиаансетери ударили брата Фузиве по голове. Рашаве был ранен, многие пишиаансетери тоже. Начинало темнеть. Фузиве издевался над своими врагами: «Как же так? Вас больше, а вы отступаете. Ну, кто еще хочет сразиться с нами?» Тут один из воинов пишиаансетери по имени Тукумапахаве выскочил вперед: «Я готов сразиться с любым из вас». Зять Фузиве бросился ему навстречу. От полученной раны он рассвирепел. Тукумапахаве испугался и бросился назад. Зять Фузиве настиг его, ударил по спине, и тот упал. К нему подбежал сын и с упреком сказал: «Отец, ты не должен был сражаться, это дело молодых».

Когда Фузиве увидел, что пишиаансетери отступают, он крикнул: «Давайте выйдем и догоним их». Стало уже совсем темно. Намоетери собрались все вместе, грозно топали ногами о землю, потом выскочили из шапуно. Пишиаансетери броси-

лись бежать. Фузиве крикнул им вслед: «Я больше не гневаюсь на вас. Вы ударили меня по голове, но я уже не гневаюсь. Возвращайтесь в свое шапуно и спите спокойно. Я тоже пойду спать». Махарашаве, брат Рашаве, ответил: «Вы должны уйти отсюда и оставить нам плантацию. Здесь мы хозяева».

Фузиве созвал своих воинов и сказал: «Хорошо, закройте все входы в шапуно. Когда Рашаве в гневе, он сам не знает, что творит».

Той же ночью брат Фузиве и один из воинов отправились в шапуно патанаветери, чтобы предупредить их старого вождя. На следующий день все остались в шапуно. Лишь я одна сходила в лес за листьями. Когда я собирала листья, то услышала голоса маленьких птиц, которые своими криками предупреждают о том, что поблизости кто-то прячется. Это были пишиаансетери. Много позже они мне рассказали, что в тот раз заметили меня. Один из воинов сказал: «Убьем ее. У нее двое сыновей. Если она умрет, они тоже умрут. А сыновей надо убивать, чтобы они потом, когда вырастут, не отомстили за отца». Но другой воин сказал: «Не стреляй. Она женщина, и потом у нее нет родных».

ТОКОМА И ГНЕВ ФУЗИВЕ

На следующий вечер в наше шапуно пришло больше двадцати воинов патанаветери. Перед тем как выступить в поход, они раскрасили черной краской лоб, щеки, грудь. С собой они захватили только луки и стрелы, даже гамаков не взяли. Войдя в шапуно, один из воинов издал воинственный крик, но Фузиве велел ему молчать: «Если они услышат крики, то догадаются, что мы позвали вас на помощь».

Старший сын тушауа патанаветери подошел к Фузиве и сказал: «Я пришел вон по той дороге. И по той же дороге я хочу на своих плечах отнести тебя и всех твоих людей. Пишиаансетери задумали тебя убить. Поэтому я и пришел, чтобы отнести тебя и твоих в наше шапуно. Хочу посмотреть, в самом ли деле пишиаансетери такие ваитери (храбрецы), как они хвастают, и хватит ли у них смелости ворваться в наше шапуно. Нам передали, что они пришли к хасубуетери и сказали: «Мы самые храбрые из всех, мы убьем патанаветери и останемся хозяевами этих мест». Я пришел к тебе, тушауа, только с луком, стрелами и колчаном. Эти два отравленных наконечника посылает тебе мой отец». Фузиве ответил: «Мне приятны твои слова, говори еще, говори». И сын вождя патанаветери продолжал: «Берите женщин и детей и возвращайтесь в наше шапуно.

А мы разведем здесь костер, и пишиаансетери решат, что вы не тронулись с места. Потом мы вас догоним».

Мы тихо отправились в путь, и пишиаансетери ничего не заметили. На полдороге нас догнали патанаветери, которые оставались защищать шапуно. Они рассказали, что разожгли костер, стали свистеть, кричать и пишиаансетери ни о чем не догадались. Ночью они подошли к шапуно, но патанаветери начали еще издали стрелять в них, и те в испуге отступили.

В пути Токома, самая молодая из жен Фузиве, плакала и упрекала его: «Ты испугался и потому не захотел сражаться с пишиаансетери». Она никак не могла успокоиться и то и дело без всякой причины била свою дочку. Токома была молодой и очень нравилась Фузиве. Она еще была в животе у матери, когда Фузиве стал носить из лесу добычу своей будущей теще [38]. А эта женщина тоже очень хотела, чтобы Фузиве стал ее зятем, и посылала ему жареные бананы. Сейчас Фузиве шел вместе с нами потому, что воины сказали ему: «Тебе лучше идти вместе с женщинами и детьми. Если на них нападут, ты сможешь их защитить».

Перед тем как войти в шапуно, Фузиве велел всем покраситься красным уруку: «иначе хозяева решат, что кто-то у нас умер». Фузиве взял немного черного уруку и сказал мне: «Покрась им моих сыновей. Когда я умру, они станут ваитери и отомстят за меня». Брат Фузиве тоже раскрасил лицо и грудь сыновей черным уруку, а дочерей — красным. В шапуно старик — дядя Фузиве грустно сказал ему: «Я же тебе говорил не ходи туда, оставайся с нами. Здесь у тебя совсем неплохая плантация, оставь старую этим пишиаансетери. Но ты меня не послушал». Все, и патанаветери, и намоетери, были очень злы на Рашаве.

Мы снова стали жить в шапуно патанаветери. Старик тушауа часто говорил Фузиве: «Сынок, у тебя маленькие дети, не надо тебе убивать пишиаансетери. Когда убивают отца, маленькие дети ищут его и не находят. Другие зовут: «Отец, отец». Они тоже начинают звать: «Отец, отец», но отца уже нет. Раньше мы жили все вместе. Позови пишиаансетери в гости и помирись с ними. Лучше убивай стрелами зверей, а не людей. Убьешь птиц, диких свиней, тапиров и пригласи пишиаансетери на реахо. Помни, мы все живем, чтобы потом умереть. Смерть придет сама. А тебе снится плохой сон, ты просыпаешься и решаешь, что надо убить пишиаансетери: «Они плохо обо мне говорят, потому мне и приснился плохой сон». Но ты не о мести должен думать, а о твоих сыновьях и дочерях, которые потом будут плакать от голода. Разве ты не

знаешь, кто такие пишиаансетери. Прежде их отцы сражались против кунататери, против вайка. Они были настоящими ваитери, сильными и жестокими. Убитым врагам они отрубали головы и руки». Фузиве гневно отвечал: «А теперь я отрублю им голову и брошу в лесу». Старик продолжал: «Никто не говорит, что ты их боишься». Да и мои воины не из трусливых. Но пишиаансетери всегда были самыми воинственными: их деды и прадеды много людей поубивали. Поэтому я и не хочу вступать с ними в битву».

Я слушала и запоминала.

Немного спустя махекототери прислали в шапуно гонцов. Те сказали, что у них побывали белые и в обмен на бананы дали им мачете, топоры и ткани. Все патанаветери сказали: «Пойдемте за мачете». Но Фузиве не хотел идти со всеми. Он задумал убить кого-нибудь из пишиаансетери.

Едва патанаветери ушли, Фузиве сказал нам: «Собирайтесь и вы в путь. Пойдем к моему шурину. Там много диких свиней, хочу на них поохотиться». Жена арамамисетериньума сказала ему: «Ты все думаешь о мести, а о своих детях не думаешь». Фузиве ответил: «Да, я должен убить пишиаансетери, потому что вот эта,— и он показал на Токому,— говорит, будто я их боюсь. Я убью, а когда они потом из мести убьют меня, она наконец успокоится. А виновата во всем будет она одна. Хотел бы я посмотреть, как она, вся седая, будет стоять рядом с матерью, когда меня убьют». Токома ответила: «Я скажу, что ты хочешь убить пишиаансетери, чтобы они потом убили моего брата». Шурин Фузиве, к которому мы собрались, как раз был братом Токомы. «И снова скажешь неправду! Ты всегда говоришь неправду!» — воскликнул Фузиве.

Мы шли впереди всех, но Токома не хотела идти с нами. «Пусть он идет с теми, кого любит больше, чем меня»,— сказала она. «Это меня он больше любит?» — спросила я. «Молчи,— сказал Фузиве,— иди с детьми вперед».

Мы медленно продолжали свой путь. Шапуно брата Токомы стояло на высокой горе, а рядом была небольшая плантация. Фузиве решил оставить там нас, женщин с детьми, а сам напасть на пишиаансетери. Брат Токомы, вождь этой небольшой группки, оказался низеньким, хромым человеком. Как-то стрела попала ему в бедро, задела нерв, и с тех пор он охромел. Когда мы подошли к шапуно, то увидели дым от костра. Неподалеку протекал горный ручей, вода в нем была чистая-чистая. Тушауа сказал нам: «Раскрасьтесь!» Мы все покрасились красным уруку и вошли в шапуно. Брат Токомы, когда увидел нас, закричал от радости. «Наше шапуно большое — сказал

он.— Места хватит всем. Завтра приберите вон ту его часть и будете жить с нами».

Фузиве ответил: «Хочу оставить у вас на время моих жен».

Он твердо решил убить кого-нибудь из пишиаансетери.

МЕСТЬ ФУЗИВЕ

Обычно с нами в шапуно жил молодой пишиаансетери, сводный брат Рашаве.

Когда я ждала первого ребенка, он был совсем еще юноша. Он думал, что родится девочка, и хотел потом взять ее в жены. Когда у меня родился сын, он продолжал носить мне дичь. Я говорила второй жене Фузиве: «Свари ему бананы. У меня нет дочек, и я не могу заботиться о нем». Вторая жена Фузиве отвечала: «Ладно, сварю, но считай, что это ты делаешь». Потом у юноши один за другим умерли отец и мать.

Вскоре у меня родился второй сын, а юноша оставался жить с нами. Его сводный брат Рашаве говорил ему: «Убивай тапиров, диких свиней и приноси их Напаньуме. У нее родились двое сыновей, теперь родится девочка, и уж она станет твоей женой».

Этот юноша пишиаансетери стал жить с нами в маленьком шапуно. Мужчины сказали ему: «Тебе лучше перебраться к Рашаве. Твой будущий тесть решил его убить». Юноша заплакал и сказал: «Я не хочу уходить от него и Напаньумы. Я еще с детства у них живу. Мой будущий тесть всегда хорошо ко мне относился, давал мне стрелы, я ни разу не ложился спать голодным. Когда я возвращаюсь из лесу, меня уже ждет банановое мингау и пчелиный мед. Я его за отца считаю».

Но мужчины все равно вывели его на тропу и сказали: «Уходи, потому что он убьет твоего брата, а потом и тебя».

Но Фузиве никогда этого не говорил. Наоборот, он сказал: «Хочу убить Рашаве, его брата. А потом этот юноша, верно, из мести убьет меня».

Вечером Фузиве спросил у меня: «Уже совсем темно, этот юноша еще не вернулся из лесу?» «Нет, твоя вторая жена мне сказала, что твои родичи отправили его к пишиаансетери, потому что ты хочешь его убить».

«Неправда! — воскликнул Фузиве.— Я не собираюсь его убивать. Он всегда слушался меня, а я даже не могу дать ему дочь в жены. Когда я болел, он мне каждый раз приносил пчелиный мед. Без него я наверняка умер бы. Когда мои малыши начинали плакать, он брал их и уводил их на игарапе купаться». Я сказала мужу: «Прошу тебя, если ты сразишься

с Рашаве, не убивай его брата. Он для меня как родной сын». Фузиве ответил: «Я убью первого, кто выйдет из шапуно». Тут все женщины и даже Токома стали его просить, чтобы он не убивал юношу. Дочка Фузиве сказала ему: «Отец, этот юноша всегда жил с нами, он нам родной». «Дочка, я должен убить первого, кто выйдет из шапуно, все равно, друг он мне был или враг»,— ответил Фузиве.

Своему хромому шурину он сказал: «Дай мне маниоки, жены сварят кашу мне на дорогу. В лесу я постараюсь убить дикую свинью, мясо поджарю и отнесу моим друзьям пишиаансетери. А еще для охоты мне нужен яд». Шурин ответил: «Как раз вчера я приготовил очень сильный яд. У моих воинов в колчанах полно отравленных наконечников. Каждый из них даст тебе три наконечника». Он дал Фузиве десять новых красных наконечников. Тушауа понюхал их и сказал: «Они для любого зверя годятся».

Утром мы все отправились на плантацию. Только Токома осталась в шапуно. Вскоре пришел хромой шурин Фузиве и спросил: «Он что задумал сделать с пишиаансетери?» Одна из жен Фузиве ответила: «Он хочет их убить». Я добавила: «Нас, женщин, он решил оставить в шапуно, а сам собирается напасть на пишиаансетери. Он мне сказал: «Все говорят, будто пишиаансетери — храбрые воины. Хочу посмотреть, в самом ли деле они такие ваитери. Все остальные намоетери отделились от нас. Мне интересно, соберутся ли они снова в одно шапуно, когда я убью кого-нибудь из пишиаансетери». Может, он снова хочет стать вождем всех намоетери?»

На следующий день мы сварили маниоку и приготовили из нее лепешки — бейжу. Я подошла к Фузиве: «Послушай, что я тебе скажу. В последний раз. Тушауа патанаветери тебе обещал, когда вернется, позвать пишиаансетери в гости и устроить поединки на палицах и топорах, чтобы вы и они успокоились. А ты сказал неправду и теперь идешь на них войной. Если ты убьешь кого-нибудь из пишиаансетери, они станут тебя преследовать, увидят патанаветери и убьют бедняг». «Да,— ответил Фузиве,— я убью одного из пишиаансетери. Почему ты их защищаешь? Неужели тебе не горько смотреть на табак, маис и пупунье, которые ты сажала, чуть не плача от усталости, а теперь ни ты, ни твои сыновья их даже не попробуют?»

Больше он ничего не сказал. Взял стрелы, корзину с бейжу. Потом раскрасил себя черной краской: и шею, и грудь, и ноги. Вместе с ним ушли зять и еще трое воинов. Все женщины плакали, но он ушел. Они крикнули: «Хай, хай, ай!» — стукнули стрелами о землю и скрылись в лесу.

Потом Фузиве рассказал, как все было: они пришли на нашу старую плантацию, но пишиаансетери перебрались в другое шапуно. Тогда они пошли по следам пишиаансетери. Ночь была светлая, ярко светила луна, Фузиве сказал: «Пойдем по этой тропе. Завтра рано утром мы встретим пишиаансетери».

Когда они подошли к шапуно, жалобно запела птица мугум. Фузиве сказал: «Давайте подождем здесь. Пишиаансетери услышат мутума и захотят подстрелить». Один из охотников пишиаансетери и в самом деле отправился в лес, чтобы подстрелить птицу, но до того места, где сидели в засаде Фузиве и его воины, не дошел. Когда он приблизился, птица умолкла.

На рассвете Фузиве сказал: «Надо вернуться на старую плантацию. Пишиаансетери обязательно туда придут». Когда они подошли к плантации, то увидели на земле сломанный тростник. Тропинка змеилась вверх. Фузиве укрылся за стволом большой пальмы, остальные залегли чуть позади.

Рано утром юноша пишиаансетери, что жил с нами, вышел поискать собаку. Вместе с ним был маленький мальчик. Тушауа узнал юношу по голосу. «Зачем как раз ты и вышел первым из шапуно! Теперь придется тебя убить»,— подумал он. Фузиве стало ужасно жалко юношу, но он решил: «Все равно я должен его убить. Он брат Рашаве. Когда он умрет, тогда у Рашаве будет причина по-настоящему разгневаться на меня». Юноша подошел совсем близко. Фузиве вставил стрелу с черным, отравленным наконечником и натянул тетиву. Юноша увидел его и крикнул: «Не стреляй!» И в этот же миг Фузиве спустил тетиву. Стрела вонзилась юноше в живот. «Зачем ты пошел в лес?! Ведь ты знал, что я хотел убить твоих братьев». Прибежали женщины и унесли умирающего. Позже пишиаансетери рассказали, что юноша все просил воды, а потом умер.

Воины пишиаансетери стали окружать с двух сторон Фузиве и четырех других, сидевших в засаде. Фузиве бросился к реке, а остальные четверо скрылись в лесной чаще. Фузиве слышал топот ног у себя за спиной. Он забрался в густую бамбуковую рощу и спрятался там.

На следующее утро пришли в шапуно зять Фузиве и трое воинов. Они рассказали, что Фузиве убил того юношу. А сам Фузиве все не появлялся. Хромой брат Токомы сказал: «Тушауа только и думает, как бы кого-нибудь убить. Может, и его догнали и тоже убили».

Фузиве вернулся днем позже. В мочках ушей торчали черные палочки. Он попал под дождь, и тот смыл с тела чер-

ную краску. Он спросил: «А где остальные?» — «Уже вернулись»,— ответил хромой брат Токомы. «Сами меня подстрекнули, а теперь сидят себе в шапуно и не думают охранять тропинки,— сказал Фузиве.— Я шел по их следам, они направлялись к шапуно. Верно они уже близко».

Тут все испугались, схватили луки и стрелы и пошли охранять подходы к шапуно. Потом я узнала, что почти все пишиаансетери бросились преследовать Фузиве. Возле убитого юноши остались лишь Похаве да еще два-три воина.

Хромой брат Токомы сказал: «На нашей плантации много табаку, если хотите, можете его собрать. Но только сразу же — завтра никто не выйдет из шапуно». Старший в шапуно руководит всеми, даже если гостей больше, чем хозяев. Я вместе с Шереко, другой женой Фузиве, пошла набрать табаку. На поле я увидела два больших табачных листа, валявшихся на земле возле стебля. Я подняла листы и увидела, что их ножки еще влажны от дождя. Я испугалась и сказала Шереко: «Они только что собирали здесь табак». «Скорее вернемся в шапуно»,— сказала Шереко. Я закричала: «Пишиаансетери, пишиаансетери, не стреляйте, я здесь одна!» Наши мужчины услышали крики и бегом бросились нам навстречу. С ними был и Фузиве. «Зачем ты выбежал? — спросила я.— Ты же сам говорил, что тот, кто убил врага, должен спрятаться в шапуно». «Но ведь вас никто, кроме меня, не смог бы защитить»,— ответил муж.

За мужчинами шли две старухи — искали следы пишиаансетери. Яноама никогда не убивают старух. Они нашли место, где пишиаансетери отдыхали и где они собирали табак — на земле валялись ножки листьев табака.

Прошло два дня. Рано утром хромой брат Токомы сказал: «Пойду сорву бананов». «Иди, но будь осторожен,— посоветовал Фузиве.— Возьми лук и стрелы». Шурин Фузиве сказал: «А я знаю, где есть мед. Я видел на большом дереве пчелиное гнездо». «Какого цвета были пчелы?» — спросил Фузиве. «Черные». «У них мед очень вкусный,— ответил Фузиве.— Только лучше вам остаться в шапуно». Но эти двое и еще трое мужчин его не послушались и, захватив топор, отправились в лес. Я очень за них испугалась. Я слезла с гамака и сказала: «Мне страшно. У меня волосы встали дыбом». «Чего ты боишься?» — спросил Фузиве. «Что на них нападут пишиаансетери. Мне кажется, что они где-то рядом». Не прошло и часа, как послышался чей-то хриплый голос: «Хав, хав, хав». Я задрожала от страха. «Говорил я им не ходите, так нет, не послушались!» — воскликнул Фузиве.

«Они думают, что Рашаве трус. Вчера они сказали, что он даже муравьев боится!» — ответила я.

Брат Фузиве и хромой схватили луки и бросились к лесу. Навстречу им уже шли четверо индейцев. Они несли раненого зятя Фузиве. Стрела насквозь пробила ему бедро. Раненого принесли в шапуно, он был весь желтый и дрожал мелкой дрожью, но ложиться в гамак не захотел. Дочь Фузиве, как увидела его, громко зарыдала. Но он сказал: «Не плачь, я не умру. Меня однажды уже ранили такой стрелой, и я остался в живых». Кровь лилась, и раненый стал белым. Тогда я его чуть не силой уложила в гамак.

Тем временем пишиаансетери, которых преследовали наши воины, отсиделись в лесу, а потом незаметно подобрались к шапуно с другой стороны.

Я заглянула в просвет между столбами и увидела, что пишиаансетери подползают к шапуно. По огромной волосатой руке я узнала Рашаве. Я подбежала к Фузиве и шепотом сказала ему: «Что ты лежишь в гамаке? Разве ты не видишь врагов?» — «Где они?» Я сказала ему: «Смотри, вон за тем деревом прячется Рашаве. Я его по огромной руке узнала».

Фузиве медленно пошел к выходу из шапуно. И сразу же Рашаве выстрелил в него из лука. Но Фузиве увернулся от стрелы. Когда индейцы заранее знают, что в них могут выстрелить, они почти всегда успевают отскочить в сторону. Стрела вонзилась в столб. Рашаве решил, что попал в Фузиве, и закричал: «Прррхаааау! Вот тебе мой подарок». Фузиве в ответ закричал: «Хай, ай, ты промахнулся, Рашаве!» — «Ты лжешь, я попал в тебя».— «Попал, но не в меня». Фузиве выдернул стрелу из дерева и вернулся в шапуно. Он подошел к моему гамаку и сказал: «Да, это Рашаве. Он не убежал и не спрятался, а остался в лесу. Ты и дальше следи за ним».

Я посмотрела в щель в стене и увидела, что возле Рашаве стоят его братья, его двоюродный брат Татаиве и еще один воин.

Между тем Фузиве вынул из стрелы Рашаве наконечник и вставил свой. Индейцы говорят, что наконечник никогда не ранит своего прежнего хозяина, поэтому Фузиве его и заменил. Он сказал мне: «Я еще раньше выпустил три стрелы, осталось всего четыре. Придется их поберечь, стрелять только наверняка». Он снова вышел из шапуно, чтобы сразиться с Рашаве. Вместе с Фузиве пошел и хромой брат Токомы. Он сказал мне: «Я не дам им убить его. Подожду, когда они подойдут поближе, и выстрелю в них из лука». И он спрятался за ствол дерева. Только Фузиве сделал два-три шага, как снова в воз-

духе просвистела стрела Рашаве и вонзилась в стену. Фузиве крикнул: «Кья, кья... ты опять промахнулся!» И сам выстрелил в Рашаве, но тот увернулся. Стрела вонзилась рядом с Рашаве в дерево. «Прраура! — радостно закричал Фузиве.— На этот раз я в тебя попал». «Да! Попал прямо в дерево!» Тут хромой брат Токомы из своего укрытия выстрелил в Рашаве. Тот бросился назад и спрятался за большим деревом. «Что же ты убегаешь, Рашаве? — крикнул ему вслед Фузиве.— Я один, а вас много, и все равно вы убегаете!» «Нет, я не убегу и не вернусь в свое шапуно, пока не убью хоть одного из вас! — ответил Рашаве.— Ты по-предательски напал на моего брата!» «Во всем ты виноват! — крикнул Фузиве.— Это ты поломал на моей плантации табак, маис и тростник для стрел! Теперь тебя ждет смерть!»

Так они грозили друг другу смертью, а я слушала и думала: «А ведь прежде они жили в мире и были друзьями. Тогда Фузиве не раз говорил мне: «Я сделаю красивый лук из дерева пупунье, сделаю стрелы, свяжу их вместе. Когда сыновья подрастут, я дам им этот лук и стрелы и скажу: «Отнесите их родным вашей матери. Ты тоже пойдешь с ними, Напаньума». Другие жены возражали: «Она пойдет и не вернется. Останется вместе с сыновьями у своих родных». «Нет, мы вернемся»,— говорила я. «Она вернется,— подтверждал Фузиве,— я ей верю». Я и в самом деле вернулась бы назад. Рашаве добавлял: «Да, да. Хорошо бы нам стать друзьями белых. У тебя двое сыновей — внуков белого человека. Когда они вернутся, то принесут нам в подарок мачете». И все радовались, что мы вернемся с мачете».

А сейчас зять Фузиве истекал кровью. Саматариньума, жена брата Фузиве, сказала мне: «Надо остановить кровь. Сходи на реку за водой». «Не пойду. Я боюсь»,— ответила я. Тогда саматариньума сама отправилась на реку. Она набрала ила, белого, как молоко, и принесла его в шапуно. Пишиаансетери ее не тронули. Она размочила ил в воде и положила комок раненому в рот. Мать хромого брата Токомы сказала: «Обмажьте белой грязью тело и голову раненого. Тогда он не умрет». «Да, я не умру,— белыми губами повторял раненый.— Не плачьте. Я еще проживу долго, до самой старости».

Тем временем перед шапуно продолжалось сражение. Наконец Рашаве крикнул: «У меня кончились стрелы. Пока можете не бояться. Мне нечем больше в вас стрелять». Фузиве ответил: «Ты захватил нашу расчистку. Отдай ее». «Нет, больше вам ее не видать»,— ответил Рашаве. «Все равно эта расчистка не принесет вам счастья,— крикнул ему Шамаве,

брат Фузиве.— Скоро она зарастет кустарником». «Никогда. Может ты думаешь, Шамаве, что я женщина? Я не испугаюсь и не брошу плантацию».— «Зря ты так думаешь, Рашаве. Скоро туда придут тапиры полакомиться листьями эмбаубы».

Зятя Фузиве ранили часов в восемь утра. Уже наступил полдень, а пишиаансетери не собирались снимать осаду. К раненому подошел старик колдун и стал повторять: «Ты не умрешь, не умрешь, не умрешь. Пришли хекура, они уносят весь яд из бамбукового наконечника и отмывают его в воде хекура». Потом Шереко, жена Фузиве, сказала: «Крови уже вытекает поменьше. Теперь надо обжечь хлопок и положить на руку». Они взяли пучок хлопка, вынули семена, обожгли края и наложили пучок на рану. Потом положили сверху сухой хлопок и обвязали «марлю» тоненькой полоской коры. Очень скоро хлопок весь пропитался кровью. Тогда женщины сменили «повязку». Теперь рана лишь еле кровоточила. Раненый долго еще не мог подняться, но все же он выжил.

Ближе к вечеру Фузиве крикнул: «Рашаве, ты, наверное, проголодался. Ведь ты уже второй день меня преследуешь, и у тебя даже поесть нет времени». Рашаве ничего не ответил. Немного спустя он крикнул: «Можете передохнуть. Мы на время возвращаемся в шапуно». Фузиве и его воины по-прежнему прятались за деревьями. Потом все стихло. Тогда воины осторожно высунулись, чтобы проверить, правду ли сказал Рашаве.

Вернулся он уже поздно вечером. Жена хромого сказала своей дочке: «Сходи за водой». Дочка не решалась выйти за ограду. И только она пошла, как в столб шапуно вонзилась стрела. Фузиве соскочил с гамака. «Хочиа!» — крикнул он. (когда начинают падать стрелы, индейцы всегда так кричат). «Вы, женщины и дети, прячьтесь скорее за подпорками. Сегодня спать нам не дадут». Он взял наконечники стрел и стал их затачивать. Хромому шурину он сказал: «Надо сделать еще несколько стрел. Возьми перья и дай ребятишкам, пусть они прикрепят их к нижнему краю стрел». Хромой стал отбирать тростник, пригодный для стрел. Этот слишком длинен, он хорош только для охоты. А этот в самый раз. Индейцы говорят, что, когда стреляешь длинными стрелами, рискуешь промахнуться. Потому что длинная стрела в полете немного изгибается. А вот короткая стрела летит прямо и попадает точно в цель.

Женщины шапуно сидели и плакали. «Кончилось наше мирное житье! — стонали они.— Пришли намоетери, и теперь нас со всех сторон окружают враги».

Ночью мы услышали хруст ветки. Собаки сразу залаяли. Это один из пишиаансетери пытался выстрелить из лука через стену шапуно в направлении костра. Но плетеная стена была плотной, и ему никак не удавалось хорошо прицелиться.

Фузиве крикнул: «Стреляйте вон туда. Ветка там хрустнула». Намоетери выстрелили из луков. И сразу снаружи послышался топот. В ту ночь никому из нас не удалось заснуть. На рассвете пишиаансетери стали перекликаться, собираясь вернуться в шапуно. Когда стало совсем светло, Фузиве сказал: «Женщины, сходите и соберите стрелы». Мы тихонько выбрались из шапуно и стали искать стрелы. Я нашла стрелу с костяным наконечником, которая вонзилась в дерево. Ночью индейцы не стреляют отравленными стрелами. В темноте легко промахнуться, а тогда пропадет и стрела и драгоценный яд. Мы нашли возле шапуно много стрел и принесли их домой. После этого весь день никто больше не вышел из шапуно.

Ближе к вечеру вернулись к себе с праздника патанаветери. Один из патанаветери пошел навестить Фузиве, который приходился ему родственником. Он увидел, что у Фузиве из ушей торчат черные палочки. Он испугался, сразу вернулся к своим и рассказал, что Фузиве убил человека. Тушауа патанаветери тут же послал за нами своих воинов. Они сказали: «Тушауа велел передать, что вас слишком мало, чтобы одним бороться против пишиаансетери. Он зовет всех в свое шапуно».

На следующий день мы отправились к патанаветери. Когда мы вошли в шапуно, старик тушауа печально сказал Фузиве: «Зачем ты это сделал? Я же тебя просил — не убивай никого. Но ты меня не послушался». Старик говорил долго, а Фузиве слушал молча, низко опустив голову.

Он и сам очень жалел, что убил юношу. Когда он вернулся в шапуно и увидел, что мы, женщины, оплакиваем убитого, он сказал: «Женщины, перестаньте, не то я тоже заплачу. Во всем виноват Рашаве!»

Все эти дни Фузиве был очень грустен. Однажды он сказал: «Так мне больно, что я его убил. Ведь он был мне как сын родной». И заплакал. Спустя одну луну старый тушауа патанаветери сказал Фузиве: «Время тебе вынуть палочки из ушей и повесить их в лесу на ветке». Спустя еще дней пять Фузиве отправился на реку помыться. Пока он мылся, вооруженные воины охраняли его от нападения пишиаансетери. Потом арамисетериньума выбрила ему макушку. И сразу после этого Токома разрисовала свое тело змеящимися коричневыми полосами, а уголки рта, щеки и лоб обвела тоненькими черными волнистыми линиями. На другой день мужчины взяли гамак

Фузиве, его куйю, черные палочки, пошли в лес и привязали все это к ветке дерева. Фузиве они дали новый гамак.

Срок искупления «греха» для Фузиве кончился.

Когда Шереко брила Фузиве макушку, в шапуно пришли чужие. Я спросила: «Кто это?» Мне ответили, что это старик из племени хасубуетери. Когда стемнело, старик подошел к тушауа патанаветери и сказал так: «Я пришел, чтобы пригласить вас в наше шапуно. Наш тушауа велел передать, что у него много пупунье. Он ждет вас. Если вы согласны, он пошлет своих на охоту». Тушауа патанаветери ответил: «Возьми, возьми меня с собой, раз уж я вам так по сердцу. Путь к вам далек, но потихоньку мы дойдем, если из сил не выбьемся». Потом старик хасубуетери подошел к Фузиве и сказал: «Я пришел, чтобы отвести тебя к хасубуетери. Наш тушауа не хочет, чтобы вы остались одни здесь в шапуно. Он слышал, что пишиаансетери стали вашими врагами, и хочет, чтобы вы объединились с хасубуетери». «Да,— ответил Фузиве,— Я приду». Большая часть патанаветери была в родстве с пишиаансетери, и потому они гневались на Фузиве. Особенно враждебно были настроены женщины. Единственными друзьями Фузиве оставались старый тушауа, его трое сыновей и четверо других мужчин.

Рано утром, после того как старик хасубуетери пригласил всех на реахо, из шапуно тихонько выскользнула одна женщина. Юноша, которого убил Фузиве, был сыном ее брата. Эта женщина прибежала к пишиаансетери и сказала: «Пришел старик хасубуетери и пригласил всех на праздник. Вы, пишиаансетери, крадитесь за нами с двух сторон тропы, пока мы не подойдем к шапуно хасубуетери. И тогда нападите на Фузиве». Спустя три дня женщина вернулась, и никто даже не спросил у нее, где она пропадала. На следующий день мы тронулись в путь. Потом к нам присоединились гнаминаветери. На этот раз всеми руководил старый тушауа патанаветери.

СМЕРТЬ ФУЗИВЕ

Первую ночь мы провели в лесу. Утром мы, женщины, отправились на игарапе ловить рыбу. Фузиве пошел вместе с нами. Вдруг собаки громко залаяли. Потом я узнала, что та женщина побежала к пишиаансетери и сказала им: «Здесь вам не удастся его убить. На игарапе слишком много женщин, а вы можете не разглядеть его как следует и промахнуться. Спрячьтесь в лесу и ждите». Мы ничего не заметили, но у Фузиве было плохое предчувствие. Он сказал мне: «Не оставайся

сзади, возьми детей и иди вперед. Пишиаансетери крадутся за нами. Думаешь, они не придут? Нет, они придут. Я знаю, они уже рядом и скоро они меня убьют. Я это чувствую, потому что мне очень плохо. Ты даже не знаешь, как мне плохо!»

Я ответила: «Знаю, ты убил брата Рашаве и теперь Рашаве хочет тебе отомстить». Фузиве велел мне идти вместе с остальными, а сам пошел отдельно. Ночью снова залаяли собаки. Намоетери из своих тапири стали стрелять из луков в лесную тьму.

Утром мы снова тронулись в путь. Вечером остальные намоетери соорудили свои тапири впереди, отдельно от нас. Я сказала Фузиве: «Видишь, они поставили свои тапири впереди, чтобы мы остались сзади одни». «Конечно, они уже сговорились с пишиаансетери,— ответил Фузиве.— Если я останусь последним, меня легче будет убить. Я им уже сказал: «Вы поставили ваши тапири впереди, отдельно от моего и от моих братьев. После моей смерти вам же хуже будет. Думаете, пишиаансетери после моей смерти станут вашими друзьями? Нет, они будут вашими врагами, хоть сейчас вы все против меня». Так я им сказал, и они ничего не ответили».

Эта ночь прошла спокойно. Утро застало нас уже в пути. К вечеру мы уже были на земле хасубуетери. Неподалеку протекала речка. Фузиве поставил свое тапири у горы на тропе, ведущей к шапуно хасубуетери. Его брат Шамаве построил тапири рядом, а зять — на том берегу речки. Остальные намоетери соорудили свои тапири довольно далеко от нас.

Ночью в лесу запела птица: «ку́ри, кури, кури!» Фузиве сказал: «Пей хав, птица запела, значит, пишиаансетери уже рядом!» Птица снова запела: «кури, кури!» В ту ночь шел сильный дождь. У моего младшего сына Карионы очень болело горло, он метался в жару, стонал, плакал. Фузиве поднялся, взял эпену и запел. Я хорошо помню песню хекура, а вот его песен вспомнить не могу. Он отсасывал болезнь из горла и груди малыша и громко пел. Он не подозревал, что пишиаансетери сидят в засаде и прислушиваются. А они узнали его по голосу и сказали: «Это поет тушауа. Его тапири у края тропинки, других там нет». Потом Фузиве сказал: «Сын мой, когда меня убьют, никто не станет тебя лечить, если ты заболеешь». Он велел мне согреть воду, потом помыл малышу голову. Я легла в гамак и задремала. Когда я проснулась, Фузиве все еще пел свои лечебные песни. Он сказал мне: «Уже светает. Больше петь не буду, может, пишиаансетери подслушивают. Ну и пусть. Все, даже патанаветери, против меня. Когда меня убьют, они будут рады!» Он лег в гамак и уснул.

Вскоре опять полил дождь, и мы проснулись. Фузиве сказал мне: «Утром, когда встанешь, возьми из корзины пять листьев табаку, положи их в горячую золу и приготовь крепкий, пахучий табак. Когда меня убьют, положи его мне в рот. Потом этот табак сожгут вместе со мной». Я молчала. Казалось, кто-то говорил ему все, что с ним случится, или он все видел заранее.

Едва рассвело, мимо нас прошло четверо малышей патанаветери. Матери послали их к игарапе за водой. Обратно они бежали бегом. Они рассказали матерям, что на берегу к ним подошли пишиаансетери, раскрашенные черными полосами, и спросили: «Дети, где спит тушауа намоетери, который жил с вами?» Ребятишки ответили: «Вот там у тропинки». Пишиаансетери сказали им: «Когда вернетесь, никому не говорите, что видели нас». Но малыши все рассказали матерям. Те побросали кувшины с водой, собрали свои пожитки и снялись с места, ничего нам не сказав.

Снова полил дождь. Я встала и посмотрела, что делается в тапири патанаветери. Там было тихо. Арамисетериньума сказала мне: «Разбуди мужа. Все остальные уже ушли и сейчас поднимаются по склону горы». Я подергала гамак и громко сказала: «Вставай, патанаветери уже ушли, остались мы одни». Он сел в гамаке. «Мне приснился плохой сон,— сказал он.— Приснилось, будто патанаветери взяли горячую золу и стали растирать ею мое лицо. Наверное, это была зола от костра, на котором меня сожгут. Скоро меня убьют». Я сказала: «Ты только и думаешь, что о смерти. Раньше ты хотел сразиться с Рашаве, а теперь ни о чем больше не думаешь, кроме смерти».

Между тем мой сын стал ссориться с маленьким сыном женщины, которая умерла от болезни. Малыш укусил сына в щеку. Фузиве сказал им: «Вечно вы ссоритесь. Вот возьму вас за волосы, да и стукну друг о друга головой. Смотрите, я сегодня злой. И когда меня убьют, все будете ссориться? А ведь вы должны любить друг друга, потому что скоро останетесь без отца». Потом он спросил, где корзина со щенками. Любимая собака Фузиве родила щенят. Мой сын Марамаве в пути нес щенят в корзинке. Шереко, другая жена Фузиве, взяла корзину и протянула ее тушауа. Тот привязал к корзине ручку из коры и спросил у меня: «Ну как, хорошо?» «Удлини еще немного»,— сказала я.

И вдруг рядом просвистела стрела. Такома громко закричала: «О, отец моей дочки». Стрела пролетела над головой моего сына и вонзилась Фузиве в живот. Мимо тапири пробе-

жало несколько пишиаансетери. Брат Фузиве спокойно лежал в гамаке — он ничего даже не заметил. Я побежала, стала трясти гамак, закричала: «Посмотри, вон пишиаансетери! Они твоего брата ранили. А ты лежишь в гамаке!» Он соскочил с гамака и выстрелил из лука в убегавших пишиаансетери. «Беги за ними,— кричала я.— Ты только за женщинами умеешь гоняться!»

Еще одна отравленная стрела угодила тушауа в плечо. Фузиве даже не вскрикнул. Он сделал несколько шагов, потом упал. «На этот раз они меня убили!» — прошептал он.— Подбежали брат, зять и дочка Фузиве, они подняли его и положили в гамак. Другие братья помчались предупредить дядю Фузиве, старого тушауа патанаветери.

Он тут же прибежал. Громко плакал и приговаривал: «О сын мой, сын мой, убили моего сына, убили!» Старик плакал и в отчаянье бил себя по плечам. «Отец,— с трудом сказал Фузиве,— в этот раз стрела нашла то место, в котором прячется смерть». Прибежал и старик — тушауа гнаминаветери и стал вытаскивать из плеча наконечник отправленной стрелы. «Меня не эта стрела убивает,— сказал Фузиве.— Другая уже меня убила». Он посмотрел вокруг и спросил: «Где мой сын?» Он искал моего старшего сына, который сидел у меня на коленях вместе со своим больным младшим братом. Старший сын подошел к отцу. Фузиве взял его руку в свою: «Ох, сын мой!» Потом сказал, обращаясь ко мне: «Твои родные еще живы, отыщи их и возвращайся к ним. Потому что на нашей земле тебе не будет счастья». Так он и умер, ни разу не застонав и сжимая руку сына в своей. Когда сын услышал, что отец больше не дышит, он закричал от страха.

Шамаве, брат тушауа, со слезами на глазах сказал: «Срубите ствол этого дерева и привяжите к нему гамак». Мужчины привязали гамак с телом Фузиве к стволу, двое мужчин встали впереди, двое сзади и взвалили ствол на плечи. В печальном молчании мы стали подниматься на гору. Подъем был крутым, я несла за спиной больного сынишку, а на руках — малыша, потерявшего мать. Мой старшенький шел чуть впереди и нес на перевязи корзинку со щенятами. Он то и дело спрашивал у меня: «Когда же вернется отец?» «Не знаю,— отвечала я.— Иди, иди, разве не видишь, что рядом прячутся пишиаансетери». И тогда он в страхе шел дальше. Так мы добрались до небольшой долины. Все патанаветери, которые были против Фузиве, уже сидели там — отдыхали. Женщина, которая предупредила пишиаансетери, когда увидела мертвого Фузиве, воскликнула: «Хорошо, что его убили. Он убил мо-

его племянника!» Потом мне рассказали об этом другие женщины.

Тем временем подошли трое хасубуетери и сказали: «Наш тушауа велел передать, чтобы вы поскорее шли в наше шапуно, одна его часть уже готова для вас. Поторопитесь — несколько дней назад пришли четыре старика пишиаансетери и сказали: «Вы позвали на праздник патанаветери и намоетери. Так вот, мы все равно убьем тушауа намоетери, где бы он ни был. Если даже он будет сидеть в вашем шапуно, мы ворвемся и его убьем». Тут они увидели мертвого Фузиве и побледнели от страха.

Шамаве сказал мужчинам, которые несли тело Фузиве: «Отдохните, вы устали». В этот момент я вспомнила про табак и сказала жене Шамаве: «Вот табак, который тушауа велел приготовить». Жена передала мои слова Шамаве. Тот подошел ко мне и сказал: «Раз брат так просил, дай мне табак, я исполню его желание». Я дала ему табак. Шамаве крепко сжал табачные листья, сбил их в комок и положил убитому в рот. Возле тела тушауа собралось много народу. Мы, четыре жены, стояли поодаль. К нам подошли три воина хасубуетери и сказали: «Разве вы не знали, что пишиаансетери — ваитери? Почему вы остановились на ночь последними? Вам надо было уйти вперед». Мы молчали. Потом эти трое направились к шапуно хасубуетери, а остальные пошли за ними.

В тот день мы не добрались до шапуно хасубуетери. Гора была очень высокой, а шапуно стоит на самой вершине, огромное, круглое, с двумя входами. Неподалеку жили ашитуетери. Когда Фузиве еще был жив, мы однажды уже приходили к ним в гости. Хасубуетери очень многочисленны, одних мужчин свыше ста. Мужчины, которые несли тело тушауа, попросили сменить их. Мы, жены Фузиве, шли следом. Шамаве сказал: «Переночуем возле большой реки в тапири, где останавливаются хасубуетери, когда идут к нам в гости». В полдень полил дождь и шел до самого вечера. Когда мы остановились на отдых, я нарвала листьев пальмы патауа и вместе с детьми устроилась под пальмой. Младший плакал от боли и не хотел брать грудь, а старший плакал потому, что хотел к отцу.

Тем временем ствол, к которому был привязан гамак с телом Фузиве, обмазали смолой. Потом к стволу приклеили белые перья. Сестра Фузиве стала разрисовывать красным уруку тело умершего брата. Она позвала на помощь Токому, умевшую выводить самые красивые линии. Токома разжевала маленькую лиану, смешала уруку с золой и провела на лбу толстую коричневую полосу, на лице — тонкие змеящиеся полос-

ки, вокруг рта — совсем тоненькие линии. Шамаве открыл коробку, где лежали перья убитого тушауа, вынул их и приклеил к рукам, ушам и нижней губе убитого. Фузиве лежал такой красивый, казалось, будто он спит. Мой старший сын все время дергал гамак, звал отца.

Немного спустя пришли женщины хасубуетери. Одна из них, двоюродная сестра Фузиве, причитала: «Брат мой, пишиаансетери — храбрые воины, они убили тебя: ты шел веселый с детьми к нам на праздник и уже был совсем близко от нашего шапуно. И тут пишиаансетери убили тебя, бедный брат мой!» Дочка этой женщины плача повторяла: «Мой дядя был красивым, был сильным! Приди, приди еще раз в наше шапуно. Мой дядя, ты был веселым и сильным!»

Шамаве послал мужчин в лес, чтобы они срубили дерево. Когда дерево рухнуло, стали обламывать сучья. Я с детьми сидела неподалеку, а рядом сидела с двумя дочками арамамисетериньума, у которой тоже не было родных. Мне было очень страшно: «Куда я теперь денусь? Что буду делать? — с грустью думала я. — Теперь я совсем одинока! Когда он был жив, у меня был защитник, а теперь? У меня нет ни отца, ни матери, ни родичей!»

Тем временем мужчины сложили костер. Тело Фузиве предали огню гнаминаветери. Перед этим они все раскрасились черным уруку с золой. Они отвязали гамак и положили его в костер, а сверху завалили дровами. Когда тело загорелось, все вокруг заплакали. Плакали даже женщины патанаветери, которые были против нас. Они ненавидели Фузиве, но сейчас всетаки плакали вместе с остальными. Мы, жены Фузиве, и его родичи покрасили в черный цвет щеки. Ко мне с плачем подошла жена тушауа патанаветери и попросила у меня лук и колчан с отравленными наконечниками стрел. Потом все это сожгли на костре. Остались другие луки и стрелы Фузиве, их должны были сжечь позже.

них, двоюродная сестра Фузиве ... взяла за руку моего старшего сына, чтобы он
ансетери — храбрые воины, они убили тебя: ты шел веселый
с детьми к нам на праздник и уже был совсем близко от нашего шапуно. И тут пишиаансетери убили тебя, бедный брат мой!» Дочка этой женщины плача повторяла: «Мой дядя был красивым, был сильным! Приди, приди еще раз в наше шапуно. Мой дядя, ты был веселым и сильным!»

Шамаве послал мужчин в лес, чтобы они срубили дерево. Когда дерево рухнуло, стали обламывать сучья. Я с детьми
шел неподалеку, а рядом сидела с двумя дочками арамами-
нам идти?!» Вокруг все плакали. Младший брат ... очень

кал не так сильно, как остальные, и все посматривал на меня. Я плакала в сторонке одна. Лил дождь, но пламя полыхало ярко. Оно шумело: «хуа, хуа», и высоко в небо взлетали искры. К ночи тело Фузиве сгорело.

Я и другая жена Фузиве, у которой не было родных, не знали, куда нам деваться. Шереко спросила у меня: «А мы куда пойдем?» «Не знаю»,— ответила я. Уже совсем стемнело. К нам подошел молодой воин, зять сестры Фузиве. Он спросил: «У вас есть тапири?» Я ничего не ответила, а Шереко сказала: «Нет». «Тогда переночуйте в моем, я лягу спать вместе с женой». Он отвел нас и двух других жен в свое тапири. Токома спросила у меня: «Значит, теперь мы все разделимся?» Я ответила: «Не знаю. Ты только и думала о том, как бы его убили. Теперь можешь радоваться! У тебя есть отец и мать, поэтому ты не боялась, что его убьют. Теперь ты рада, что сможешь найти мужа, который не будет тебя бить». Она заплакала и сказала: «Я не хочу сразу отделяться от вас. Потом потихоньку мы все разделимся». Я ничего не ответила, взяла свой гамак, моток хлопка, корзину и перебралась к огню. Мой младший сын не хотел брать грудь. Шереко сказала мне: «Отнеси его к старому хекура, чтобы тот отсосал у него из груди жар. Смотри, какой он горячий!» «Лучше ему умереть! — воскликнула я.— Что мне теперь делать с двумя детьми, куда мне идти?» И я горько зарыдала. Шереко взяла малыша и отнесла его к старику гнаминаветери. Она рассказала, что старик хекура надышался эпены и стал отсасывать болезнь из головы и шеи малыша. Потом Шереко принесла мне малыша, и я взяла его на руки. Старший сын вылез из своего гамака и лег со мной рядом.

В ту ночь Токома не могла заснуть. Пришел злой дух — Поре. Он дергал и раскачивал гамак, хватал ее за волосы холодной рукой. Я ничего не боялась ночью. Со мной ничего не случилось, никто на меня не напал. Но Токома то и дело вставала, будила меня и просила: «Мать ребенка, разожги огонь. Тут кто-то ходит. Он мне дунул в лицо и зашипел: «сш-ш...». Но вокруг была одна [illegible] Ничего не ответила, а Шереко сказала: «Нет». «Тогда переночуйте в моем, я лягу спать вместе с женой». Он отвел нас и двух других жен в свое тапири. Токома спросила у меня: «Значит, теперь мы все разделимся?» Я ответила: «Не знаю. Ты только и думала о том, как бы его убили. Теперь можешь радоваться! У тебя есть отец и мать, поэтому ты не боялась, что его убьют. Теперь ты рада, что сможешь найти мужа, который не будет тебя бить [illegible] ...потому что скоро и их отцов убьют».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Спустя несколько дней намоетери решили вернуться. Двоюродная сестра Фузиве подошла ко мне и сказала: «Ты с детьми оставайся со мной». Но я решила идти с намоетери. Они возвращались в большое шапуно.

У одного из мальчиков, по имени Макакаве, рано умерла мать. Фузиве сказал мне: «Корми его, смотри за ним. Мать у него умерла, а отец и мачеха не заботятся о нем. Помоги ему. Потом он будет приносить тебе бананы, дичь».

Мальчик играл с моими сыновьями, которые были моложе его, водил их на игарапе купаться. Теперь он подрос, стал почти взрослым. Шереко, другая жена Фузиве, подозвала его и сказала: «Кому ты будешь носить бананы — Напаньуме или мачехе? Лучше носи их Напаньуме». «Я только ей и буду носить»,— ответил юноша. На ночь он шел спать к своему очагу, а днем отправлялся на охоту или на рыбную ловлю. Вот и на обратном пути он наловил в игарапе рыбы, и две большие рыбины принес мне. «Тетя,— так он называл меня,— возьми эти две рыбы. Нам с отцом двух других хватит». Он был добрым, этот мальчуган. Когда еще был жив тушауа, он часто ходил со мной в лес на плантацию, помогал мне нести дрова и корзины с плодами.

На четвертый день мы подошли к большому шапуно патанаветери. Шамаве, горько плача, сказал: «Куда же мы пойдем теперь, когда больше нет моего брата, нашего тушауа?» Старый вождь патанаветери ответил: «Пей хав! Давайте жить вместе в нашем большом шапуно. Ведь вы остались одни, а пишиаансетери — ваитери. Вы не собаку убили, а брата Рашаве. И они не собаку убили, а вашего тушауа. Оставайтесь у нас».

Мужчины намоетери стали говорить: «Если мы будем жить вместе с патанаветери, едва наши дети или жены поссорятся с ними, они скажут: «Раньше вы жили отдельно, а теперь когда ваш тушауа умер, боитесь. Значит, вы трусы»». Тут старик — тушауа гнаминаветери сказал: «Прежде вы ссорились с патанаветери, а не с нами. Перебирайтесь в наше шапуно. Нас мало и вас немного. Вот и давайте объединимся. Если вы будете жить одни, пишиаансетери нападут на вас. А если поселитесь в шапуно намоетери, то скоро поссоритесь». Шамаве

спросил у своих: «Выбирайте, будем жить одни на старом месте или же объединимся с гнаминаветери?» Токома сказала: «С гнаминаветери нам будет спокойнее. Тогда пишиаансетери не решатся напасть на нас».

Старший сын по-прежнему искал отца. Каждый день он плачущим голосом спрашивал: «Когда отец вернется в шапуно?» Он очень любил отца. Если Фузиве охотился рядом с шапуно, он часто брал с собой сына. И когда Фузиве удавалось подстрелить тукана, арару или другую красивую птицу, он привязывал ее ленточкой коры сыну на шею. И тот гордо приносил мне свою добычу — ведь у него тоже были маленький лук и стрелы.

Мы стали жить вместе с гнаминаветери в их большом шапуно. У гнаминаветери каждый мужчина, если у него не было жены, имел свой отдельный очаг. Я с детьми устроилась рядом с Шереко, другой женой Фузиве.

В это время умерла мать Фузиве, от которой я видела только добро.

Примерно месяца через два после смерти Фузиве его младший брат захотел взять меня в жены. Когда я попала к намоетери, он был совсем маленьким. Мы с ним вместе играли, и я относилась к нему, как к брату. Так я ему и сказала. «Если ты не хочешь стать моей женой, я тебя силой заставлю»,— ответил он. Но я его не боялась и быть его женой не захотела. С той поры жизнь моя стала печальной и тяжелой. Мужчины часто отправлялись на охоту, но мне и детям из добычи почти ничего не давали.

БЕГСТВО ВДОВ

Однажды я вместе с дочкой Фузиве отправилась в лес собирать дрова. Вдруг вдалеке послышались крики: «Пей хав, пей хав, хай, хай!» Дочка Фузиве сказала: «Бежим, это пишиаансетери». «Если бы это были враги, они кричали бы по-другому — хриплым голосом»,— ответила я. У некоторых индейцев яноама есть специально обученные попугаи, которые при приближении чужих громко кричат: «Вайукане, вайукане» (враги, враги). Но это были голоса людей. Мы вернулись в шапуно и увидели, что к нам пришли в гости хасубуетери, мужчины и женщины.

Вечером тушауа хасубуетери взял свой лук и стрелы, подошел к Шамаве и сказал: «Я пришел с одним только гамаком за спиной. Нет, я не собираюсь есть банановую кашу и пупунье, я пришел сюда, чтобы сразиться с пишиаансетери.

Хочу посмотреть, в самом ли деле наши враги — ваитери. Со мной пришли только те, кто первыми бросаются в схватку. Остальных я оставил в шапуно. Завтра ты покажешь мне тропу, которая ведет к Рашаве. Я сам, один хочу убить Рашаве». Но Фузиве был убит не Рашаве, а Херикакиве и Эраматове. Это они двое продели в уши и привязали к запястьям черные палочки. Но Эраматове был сыном родной сестры тушауа хасубуетери. Обо всем этом я узнала потом от самих пишиаансетери.

Мужчины проговорили всю ночь. Наутро Шамаве сказал: «Завтра мы разломаем и сожжем второй лук и стрелы, которые остались от умершего тушауа». Мы, три жены, хранили все, что осталось от Фузиве. У меня были три ящичка из коры пальмы пашиуба. В первом ящичке хранились одни белые перья, во втором — разноцветные перья тукана и в третьем — перья других птиц. Шереко хранила три связки бамбуковых стрел и связки черных и цветных палочек.

Ко мне подошел Шамаве, сел рядом на корточки и спросил: «Где лежат его вещи?» Подошел и второй брат Фузиве. Шамаве сложил стрелы и лук, разжег костер и заплакал. Мы стояли возле огня, смотрели, как горят стрелы, лук и палочки Фузиве, и тоже плакали. Потом гнаминаветери стали обносить всех банановым мингау.

Когда совсем стемнело, мужчины собрались на центральной площадке и хором закричали: «Эээй!» Индейцы яноама говорят, что, когда они собираются на войну, в ответ на их хриплый крик издали должно донестись: «Ауууу!» Трижды мужчины крикнули: «Ээээй!» — но никто не отозвался. «Никто не отвечает,— сказали индейцы.— Значит, в этот раз мы никого не убьем». Однажды, когда я уже жила у пунабуетери, воины тоже собрались и крикнули: «Ээээй!» и я сама слышала, как из лесу донеслось в ответ: «Аууууу!» Индейцы говорят, что это отвечает душа врага, которого они непременно убьют. В тот раз индейцы ударили стрела о стрелу и радостно сказали: «Он ответил! Очень хорошо! Он уже мертвый» — и спокойно улеглись в гамаки.

Воины встали рано и разрисовали себя разжеванным листом, который красит не хуже угля. У многих индейцев белыми остались лишь глаза и зубы. Потом все воины построились друг против друга на большой площадке шапуно. В одном ряду хасубуетери, в другом — патанаветери и гнаминаветери. Все держали в руках луки и стрелы. Они дружно крикнули: «Пей хав, пей хав!» — потом сказали нам, женщинам: «А вы повернитесь и не смотрите». Индейцы говорят,

что если их жены и сестры увидят, в какую сторону они направились, то потом жены и сестры их врагов тоже заметят, когда они подойдут к вражескому шапуно. Мы наклонили головы, и мужчины направились к лесу. Тушауа хасубуетери сказал: «Половина моих воинов пойдет впереди, за ними — патанаветери и гнаминаветери, сзади — другая половина моих воинов. Я пойду в середине». Впереди шел также зять тушауа, сзади — Шамаве и сыновья тушауа патанаветери. Всего в военный поход ушло больше пятидесяти воинов.

Когда воины скрылись из виду, старик — тушауа гнаминаветери сказал: «Женщины, сходите в лес за дровами и на реку за водой. Через три дня сюда нагрянут пишиаансетери, и тогда я никому не разрешу выходить из шапуно».

Все женщины отправились на реку. Только я и Шереко, у которой тоже не было родных, остались в шапуно. К нам подсели две старухи хасубуетери: «О внучки, послушайте, что мы вам скажем. Вчера, когда вы были в лесу, старейшины хасубуетери, патанаветери и гнаминаветери говорили про вас с братьями вашего мужа. Старший брат Фузиве сказал: «Сегодня мы уйдем, чтобы сразиться с пишиаансетери. Потом мы снова сразимся с ними, а когда вернемся, приготовим банановое мингау и съедим его вместе с пеплом. А после этого убьем Напаньуму и арамамисетериньуму. Иначе, когда пишиаансетери нападут на нас, они уведут с собой этих женщин. Потом у наших врагов родятся от этих двух женщин сыновья и тоже станут нашими врагами. Лучше заранее их убить». Старый тушауа патанаветери ответил: «Сын, не надо убивать женщин. Женщина всегда остается в шапуно убитого мужа и растит его детей. У арамамиситериньумы родные далеко, у Напаньумы родных и вовсе нет. Почему вы хотите их убить?» «Все равно мы их убьем. Нас никто не остановит»,— сказали братья Фузиве. Тушауа хасубуетери вначале согласился с ними, но потом ему стало жаль вас, двух ни в чем не повинных женщин, продолжали свой рассказ старухи.— Он позвал нас и сказал: «Когда мы уйдем, скажите этим двум, чтобы они убегали, да поскорее, если им жизнь дорога». Бегите, пока другие женщины собирают в лесу хворост. Мы никому не скажем, куда вы девались». Когда они умолкли, я плача ответила: «Куда мне идти? Я не убегу. Я никому не сделала зла». Тут старухи тоже заплакали и снова стали нас уговаривать: «Бегите, спасайтесь, пока не поздно».

Шереко спросила меня: «Что теперь делать?» «Я не стану убегать,— сказала я.— Да и куда?» Шереко продолжала: «Когда мы были у хасубуетери, мне сказали, что видели мою

мать и брата в шапуно арамамисетери. Сбежим к ним». Я сказала: «Я не знаю дороги». Но Шереко настойчиво уговаривала меня. С собой она взяла маленького попугайчика. «Мне его подарил Фузиве»,— сказала она. Тогда и я собрала свои вещи, сломанное мачете, которое мне дал Фузиве, взяла малыша на руки, и мы вышли из шапуно. У самого выхода нам повстречалась сестра Фузиве. Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Вместе с нами увязался Махакаве, мальчик, у которого умерла мать. Мы прошли совсем немного, как Шереко воскликнула: «Мы же огонь забыли!» Я сказала старшему сыну: «Сбегай и возьми головешку». Махакаве сказал: «Я пойду с ним. Можно?!» Тогда я им сказала: «Если спросят, зачем вам огонь, ответьте, что я и арамамисетериньума хотим сжечь муравейник и принести мужчинам личинки. Пусть полакомятся». Слышно было, как неподалеку женщины собирают сучья. Немного спустя мальчики вернулись. В шапуно женщины у них и в самом деле спросили, зачем им огонь. Махакаве спросил у меня: «Мы тоже пойдем собирать сучья?» «Да, беги к тем женщинам»,— сказала я. Он побежал вперед. Я не хотела брать его с собой. Когда мальчуган отошел подальше, мы свернули с тропинки в лес. Пробираться по лесу, да еще с детьми, было очень тяжело. Мы шли и шли, пока не добрались до большой поляны. Я ее сразу узнала: давным-давно, еще когда я была «на карантине», меня приводила сюда старуха, приставленная ко мне. На поляне мы нашли и следы воинов, отправившихся в поход. Шереко сказала: «Пойдем и мы по той же тропинке». Я удивилась: «Разве она не к пишиаансетери ведет?» Шереко ответила: «Не бойся. Я хорошо знаю дорогу. Мы пройдем лесом мимо шапуно пишиаансетери и потом снова выйдем на тропу, ведущую прямо к арамамисетери». «Так ты хорошо знаешь дорогу?» — «Конечно». Но она говорила неправду.

Мы шли долго и почти без остановок. Наконец я совсем выбилась из сил. Села на землю и заплакала. «Больше не могу,— сказала я.— Ты как хочешь, а я вернусь. Если они хотят меня убить, то пусть хоть убьют в шапуно. Это лучше, чем медленно умирать от стрелы в лесу». «Теперь уж нас, если мы вернемся, непременно убьют. Идем дальше»,— стала убеждать меня Шереко.

Стемнело. Я спросила: «Где же мы заночуем? На тропинке нельзя. Может, намоетери нас преследуют, тогда они нас сразу увидят». «Верно, лучше переночуем в лесу»,— согласилась Шереко. Мы углубились в лес и стали сооружать тапири.

Вдруг из-за кустов выскочила собака. Она подбежала к моему старшему сыну, уперлась лапами ему в грудь и... стала его лизать. Это была любимая собака Фузиве, мать щенят, которых сын носил на перевязи в корзине.

Мы развели огонь и легли спать. Ночью собака несколько раз начинала лаять. Я испугалась: обычно собаки лают, когда чуют запах ягуара. Посреди ночи я внезапно проснулась, будто кто-то меня в бок толкнул. Посмотрела вокруг и увидела, что огонь погас. Вода в игарапе поднялась и залила костер. Я посадила малыша на плечи, и мы побежали на маленький холмик. Когда мы немного отдышались, я стала ругать Шереко, но та молчала. Я не унималась. Наконец Шереко не выдержала и сказала: «Чем я виновата, что костер погас?» «Мы из-за тебя в этом лесу сидим ночью. Вот теперь разводи костер»,— ответила я. «Будь я крокодилом, который выплевывает огонь из рта, я бы давно это сделала. Но ведь ты дочь белого, а белые умеют разжигать огонь». «Мой отец употреблял для этого спички, о которых ты даже не слышала»,— сказала я. «Тогда возьми подгнивший кусок дерева и вытащи огонь из моего рта». Я с яростью ответила: «Я не птица, про которую твои хекура рассказывают, будто она умеет извлекать огонь изо рта». Так мы ругались и спорили почти всю ночь, пока я не замолчала, потому что уже не могла ни слова выговорить.

Но тут стали хныкать мои и ее дети. Им было холодно и страшно в темной лесной ночи. Я сказала старшему сыну: «Замолчи! Во всем виноват твой отец. Он только и думал, кого бы еще убить. А теперь, когда и его убили, я одна мучаюсь с вами». «Ты сегодня очень сердитая»,— сказал сын. «Да, сердитая. Поэтому тебе лучше сидеть тихо и молчать». Но и старший и младший продолжали плакать. «Я тут дрожу от холода, а та, которая послала его на смерть, спокойно спит в тепле рядом с матерью».

Стало светать. Я толкнула сына: «Вставай, пошли». Шереко спросила: «Куда ты?» «Тебе лучше знать. Ты пойдешь впереди, а я следом». Мы поднялись на высокую гору, спустились в долину и потом вошли в густой лес пальм бурити. Наконец мы добрались до большого игарапе. Я сказала: «По тропе нам идти нельзя. Кто убегает, должен избегать тропинок. Лишь тот, кто идет прямо через лес, может спастись». У нас не было ни огня, ни плодов, дети плакали от голода. Тут я заметила большие круглые листья, которые индейцы называют варума. Я никогда не видела, чтобы их ели индейцы, но теперь решила попробовать. Сунула лист в рот, пожевала. Он был негорький, приятный на вкус. Я сказала Шереко: «Я видела,

как обезьяны их ели, дадим их детям». Потом и Шереко отважилась дать эти листья своим дочерям.

Мы все время шли лесом, пока не добрались до просеки, которая прежде называлась Машиветека и была расчисткой намоетери. Перед тем как уйти в поход, намоетери сказали: «Если мы встретим пишиаансетери в лесу, то там сразу их и убьем. А потом вернемся через Машиветеку». Я сказала об этом Шереко. Мы стали искать следы воинов намоетери, а нашли следы пишиаансетери. Я это определила потому, что они вели к их шапуно. Я испугалась. Пройдя еще немного, я увидела три стрелы, связку бананов и несколько гамаков.

Я побежала назад к Шереко: «Там бананы, гамаки». «Может, они сражались и, когда отступали, побросали все?» Мы вернулись на просеку. «Верно, так оно и было»,— сказала Шереко. Мы осторожно пошли дальше и увидели, что на ветке висит связка плодов инайи. Ее уходя оставили пишиаансетери. Рядом на земле валялись зернышки. Я взобралась на дерево, палкой сбила плоды, и они попадали вниз. «Только не съедайте все сразу!» — крикнула я. Поев, мы замаскировали наши следы и пошли дальше.

Ночь мы провели в пещере у скал. Я сказала своим сыновьям: «Не вздумайте плакать. Ваш отец говорил, что в эти пещеры ночью часто заходят ягуары. Если вы заплачете, ягуары услышат и всех нас съедят». Утром, когда запели птицы, мы тихонько выбрались наружу. «Сегодня пойдем к ним»,— сказала Шереко. «К кому?» «Ну, к пишиаансетери»,— ответила она. «И у тебя хватит храбрости привести и меня с детьми?» — «Конечно». «Нет, я не пойду,— сказала я.— Подожду тебя в лесу. Ночью ты выйдешь из шапуно и оставишь головешку у главного входа. Я подкрадусь и унесу ее. День ты пробудешь у них, разузнаешь путь к арамамисетери, а на следующую ночь убежишь. И тогда мы вместе пойдем к твоим родным». Шереко согласилась.

Мы еще немного прошли лесом, а потом выбрались на тропинку. Я увидела неподалеку сломанные ветви и рядом место, где сидели в засаде двое индейцев. «Оно еще теплое, они только-только ушли»,— сказала я. Очень скоро на смену им должны были прийти два других воина. Мне стало очень страшно. Когда мы подошли совсем близко к шапуно, я сказала Шереко: «Я подожду тебя в пещере. Никому про меня не говори». «Не скажу»,— пообещала Шереко и пошла прямо в шапуно. Немного спустя я услышала голос второй жены отца Фузиве. Она звала меня: «Напаньума, Напаньума!» Я не ответила и детям тоже велела молчать. Вместе с ней шли три ее дочки

и невестки. Старуха хорошо знала эту пещеру, потому что мы с ней часто прятались туда. Она быстро отыскала меня, влезла в пещеру и с плачем обняла моих сыновей. Одна из дочерей старухи, сводная сестра Фузиве, воскликнула: «Зачем ты пришла с детьми к пишиаансетери?! Разве ты не знаешь, что сыновей нельзя приводить к врагам. Ведь их тут убьют». Все пять женщин громко зарыдали от жалости к нам. Старуха сказала: «Нет, я не дам убить детей». «Я не велела Шереко говорить, где мы прячемся. Она пообещала молчать, а сама все вам рассказала». Тут невестка старухи, ее звали Комишими, взяла за руку моего младшего сына и сказала: «Он останется со мной. Я буду его защищать и беречь. Его убитый отец всегда ко мне хорошо относился, дарил мне бананы». Я подумала про себя: «Если пишиаансетери захотят убить моих сыновей, то я умру вместе с ними. Попрошу, чтобы убили и меня».

Потом мы вошли в шапуно. Я прошла к гамаку старухи, и она мне сказала: «Садись с малышом в мой гамак». Уже стемнело, полил дождь. Старуха взяла куйю и накормила нас банановым мингау. Моего младшего сына взяла Комишими, жена младшего брата старухи. Сам брат сказал мне: «Младшего дай мне. Если кто-нибудь придет, чтобы его убить, я его сумею защитить. Да, его отец убил одного из наших, но ведь малыш тут не виноват». Но я все равно боялась, что кто-нибудь из пишиаансетери убьет моего младшего сына.

Уже ночью ко мне подошел Рашаве, держа в руке лук и стрелы. Я дрожала от страха, потому что он был самый храбрый из всех. У меня не хватало смелости даже посмотреть на него. Я сидела, опустив голову, и думала с тоской, что когда-то он был другом отца моих детей. Они вместе вдыхали эпену, и, какого бы зверя или птицу Фузиве ни убил на охоте, он часть добычи всегда посылал Рашаве. Рашаве сел возле меня на корточки и сказал: «Значит, ты пришла?» «Да, пришла».— «Вспомнила дорогу к нашему шапуно?» — «Нет, не вспомнила. Это арамамисетериньума меня привела. Сама бы я не пришла».— «Не бойся, ничего не бойся, никто не убьет твоих сыновей. Это я должен был бы убить твоих сыновей. Ведь их отец убил моего брата. Но мне так жалко тебя, и я не могу гневаться на маленьких детей». Когда он сказал: «Ведь их отец убил моего брата», я вздрогнула. Он повторил: «Не бойся, ни у кого из моих воинов не хватит смелости убить детей. Они ждут, что я это сделаю. Я слышал, как они говорили: «Мы не убивали брата нашего тушауа, значит, не нам и мстить за него». Так они сказали. Но я крепко, до боли, сжи-

маю в руке стрелы. Ради тебя я не выстрелю из лука в твоих сыновей. Я спас тебя, когда тебя хотели убить, и теперь я думаю: «Как я могу убить детей той, которую сам же спас?! Я заплакал, когда увидел, что вы вошли в шапуно, и когда старик уговаривал воинов убить твоих сыновей. Теперь я перестал плакать и пришел к тебе. Не бойся. Спи спокойно, никто не помешает тебе. Я был большим другом отца твоих детей. Спи спокойно. Мой старший брат тоже ничего не скажет плохого, он пуглив, как женщина». И он вернулся в свой гамак.

Три дня спустя к старухе пришел молодой пишиаансетери и сказал, что хочет взять меня в жены. Я лежала рядом в гамаке и слушала. Старуха ответила: «Я не могу приказывать Напаньуме, но я слышала, как она говорила: «Мне не нужен муж. Я пришла сюда потому, что меня привела моя подруга. Но я все равно долго здесь не останусь»». «Да,— подтвердила я,— и пусть лучше Вашиве пойдет к патанаветери, у которых много молодых безмужних женщин. А с меня хватит двух сыновей. Я пришла сюда не для того, чтобы искать мужа». На следующий день он пришел снова, но я накричала на него, и он ушел. Утром Рашаве спросил у меня: «Зачем приходил вчера этот человек?» Я рассказала, и Рашаве громко, чтобы все слышали, сказал: «У него нет ни стыда ни совести! Женщина убегает, спасаясь от смерти, а он хочет забрать ее, пользуясь ее беззащитностью. Не бойся! Я никому не дам тебя обидеть». Потом потише добавил: «Они так говорят, потому что молоды. А плохого они тебе ничего не сделают». Но молодые пишиаансетери думали по-другому: «Раз она не хочет жить с нами, надо увести ее из шапуно. Рашаве ничего не будет знать и не сможет ей помочь».

Тем временем саматари позвали пишиаансетери на реахо. Пишиаансетери решили, что саматари вновь стали их друзьями. Они и не подозревали, что хасубуетери заранее договорились с саматари убить их на третьем реахо. Поэтому двое молодых воинов задумали умыкнуть меня и бежать к саматари. Дня через три старуха сказала мне: «Пойдем на плантацию соберем бананов». Я ответила: «Я очень боюсь, но все же пойду». С нами отправились две дочки старухи и еще несколько женщин. Мы сорвали несколько гроздьев. Старуха с дочками ушла вперед. Я шла сзади, несла привязанные к спине бананы и младшего сына, оседлавшего мои плечи. Рядом шел старший сын.

Вдруг из-за кустов выскочил молодой пишиаансетери и схватил меня за руку. Я крикнула: «Отпусти, не то я тебя уку-

шу!» Мой старший сын положил на землю бананы, навел на воина свой маленький лук и детским, ломким голосом сказал: «Ты зачем взял мою маму за руку?! Сейчас я в тебя выстрелю». Тут другой пишиаансетери схватил его лук и потянул к себе. «Отпусти мой лук, отпусти мой лук»,— закричал сын. К нам уже бежали старуха и ее дочки. Молодой пишиаансетери сказал своим друзьям: «Помогите же мне, разве вы не видите, сколько женщин сбежалось?!» Старуха взяла на руки моего младшего сына, я уронила бананы и впилась зубами в руку молодого пишиаансетери. Он вскрикнул: «Ай! Не кусайся так!» — и отпустил меня. «Когда был жив отец этих детей,— закричала я,— никто из вас не отважился хватать меня за руку. А теперь, когда его нет, вы все расхрабрились». Молодой пишиаансетери сказал: «Тебя хочет увести с собой вот он. Не бойся, тебе с ним будет хорошо». Тот хотел схватить меня за руку, но я увернулась. Старуха тоже кричала: «Когда Фузиве был жив, вы даже притронуться к ней боялись». Мужчины потоптались немного на месте и ушли. Я вернулась в шапуно, легла в гамак, но еще долго не могла успокоиться. Я плакала, кричала на молодых пишиаансетери, обзывала их трусами.

РИОКОВЕ, НОВЫЙ ВОЖДЬ САМАТАРИ

Тем временем моя подруга Шереко (бывшая другая жена Фузиве) не зевала. Спустя несколько дней после нашего прихода в шапуно она уже сошлась с одним пишиаансетери. Из-за этого мы с ней снова поссорились. Я ее отыскала, когда она купалась на речке, и сказала ей: «Мне сказали, что ты живешь с одним молодым мужчиной. Ты бессовестная. Говорила, что отведешь меня к своим соплеменникам, а сама осталась у пишиаансетери. Да вдобавок, не успел остыть пепел твоего убитого мужа, стала жить с другим. Ты любишь моих детей, но больше ты их не увидишь. При первом же удобном случае я убегу к белым». Я ее всячески ругала, чуть не побила. Она сказала: «Это правда, я спала с мужчиной»,— и заплакала от стыда. Она не знала, что ее брат по имени Риокове стал вождем саматари. Как-то в шапуно саматари пришла женщина хасубуетери и сказала ему, что его сестра живет у пишиаансетери.

Потом я узнала историю Риокове. Время от времени индейцы устраивают «поединок на стрелах». Каждый снимает наконечник стрелы и вместо него вставляет листья початков кукурузы. Обычно каждый берет с собой шесть — восемь старых

стрел. Вначале расчищают площадку: вырывают с корнем низкие, маленькие растения, оставляя лишь высокие кусты и деревья. Мужчины разбиваются на две группы и начинают пускать друг в друга стрелы. Цель игры — научить юношей увертываться от стрел. Обе группы должны выстрелить из луков точно в одно время. Когда мужчины одной группы обращаются в бегство, другие начинают их преследовать. Заканчивается игра, когда преследователи выпустят все стрелы. Она очень опасна, и чаще всего в ней участвуют мужчины одной общины. Иначе может выйти ссора. Фузиве всегда говорил: «Будьте осторожны. Стрелы ищут человеческий глаз. Услышите свист стрелы, тут же пригибайтесь. И покрепче привязывайте к стреле початки кукурузы». У моего старшего сына на лбу большой шрам: кто-то плохо привязал початки, и стрела поранила сына. Несколько лет назад, когда арамамисетери играли в «поединок на стрелах», одна стрела угодила сыну Риокове в грудь. Он без сознания упал на землю. Его отнесли в шапуно, но мальчика спасти не удалось. В ту же ночь Риокове сжег тело, собрал кости и сказал матери и другим женщинам: «Идите вперед». Своим родичам он мстить за смерть сына не стал, но вместе с братьями навсегда ушел к саматари. В это самое время саматари остались без тушауа, которого убил мой муж. Риокове был сильным, смелым, и он был большой хекура. Старый отец убитого вождя саматари сказал Риокове, чтобы тот руководил ими. Так Риокове стал их вождем.

Однажды я услышала крики: «Пей хав! Пришли саматари, наши друзья!» Я была на плантации и увидела, как мимо идут мужчины, раскрашенные коричневой краской. На голове у них красовались белые перья, к запястьям были привязаны хвосты попугая арара. Сын спросил: «Что они кричат, мама?» Я ответила: «Пришли саматари. Боюсь, что они убьют и всех пишиаансетери, и нас». В это же самое время с другого конца в шапуно вошли махекототери. Их было трое: старуха, мужчина и юноша. Старуха была матерью Акаве, который потом стал моим вторым мужем.

Едва я ее увидела, сразу узнала. Еще когда был жив Фузиве, она приходила в шапуно. Она мне в тот раз сказала: «Приходи жить к нам. Возле нас по большой реке (Ориноко) плавают белые». Помнится, я тогда ответила: «Я не могу оставить мужа, да он меня и не отпустит». Фузиве был ко мне добр, и я сама не хотела от него уходить. Но теперь он был мертв, и я могла идти куда вздумается. Я подумала: «Старуха живет у большой реки. Как бы мне с ней сговориться и бежать отсюда».

Поздно вечером саматари вылезли из гамаков. Двое из них подошли к Рашаве и сказали: «Мы пришли позвать вас на реахо. У нас много пупунье и бананов». На самом деле они задумали убить пишиаансетери на третьем реахо. Потом Риокове, брат Шереко, добавил: «Я слышал, что намоетери враждуют с вами, грозятся вас убить. Если хотите, мы можем вам помочь. Вы нам покажете тропу к намоетери, и мы вместе нападем на них». Я стояла в сторонке и слушала.

Когда Риокове умолк, поднялся мужчина махекототери и сказал так: «Мы тоже пришли, чтобы позвать вас на праздник. У нас созрело много пупунье. Мы позвали патанаветери, но они ответили, что ждут вашего нападения. А если они уйдут из шапуно, то вы, пишиаансетери, скажете, что они сбежали, испугавшись ваших стрел». Рашаве ответил: «Вначале я схожу к саматари послушать красивые песни их женщин. Когда и мои женщины научатся этим песням, вернусь в шапуно. А потом отомщу патанаветери». Воин махекототери сказал: «Ну что ж, иди, я не обижусь. Ведь саматари первыми вас пригласили. А я позову в гости наших соседей кашибуетери». Так они проговорили всю ночь. Наконец юноша махекототери сказал: «Вы идете есть мингау к саматари, но скоро они из ваших друзей станут врагами». Он отлично знал от патанаветери, что ждет пишиаансетери на реахо.

На следующий день Риокове сказал: «Хочу забрать свою сестру». Шереко не желала возвращаться к брату, а ее новый муж решил ее защищать. Риокове схватил Шереко за руку и выволок из шапуно. Но ее муж догнал Риокове и с помощью друзей отбил ее. Тут уж Риокове и другие саматари еще сильнее рассердились на пишиаансетери.

Едва саматари ушли, мужчины закричали: «Пей хав! Пойдем в гости к саматари!» Орисиве (ори на языке яноама означает «ядовитая змея»), сводный брат Фузиве, подошел к моему старшему сыну и сказал: «Приготовь свой гамак, скоро мы пойдем танцевать в шапуно саматари». Я громко сказала сыну: «Ответь так: когда мой отец был жив, я не уходил далеко в чужую землю. Теперь у меня нет отца, и я без матери и шага не шагну». Орисиве молча отошел.

Немного спустя ко мне подошел Рашаве и спросил: «А ты не пойдешь с нами на реахо?» Рядом стояли Орисиве, брат Рашаве и несколько воинов. Я ответила: «Я женщина, и лучше мне остаться в шапуно. Раньше я всюду следовала за отцом моих детей. А теперь я одна, и мне надо смотреть за детьми». Хромой старик, его звали Амухуне, сказал: «Мне трудно ходить, я останусь здесь».

И тут я подумала: «Нет, нужно их предупредить». Я сказала Рашаве: «Хочу сказать тебе кое-что. Ты спас меня и моих детей, поэтому я тебе открою тайну. Я слышала, как намоетери говорили с хасубуетери. Они сказали, что сговорились с саматари. Первый раз саматари вас пригласили на реахо, чтобы поесть лепешки — бейжу, второй раз — чтобы съесть бананы. А в третий раз хасубуетери спрячутся возле шапуно саматари и, когда вы войдете, нападут на вас». «Может быть! — воскликнул Рашаве.— Но никто не сумеет убить меня».

«Не знаю,— ответила я.— Что я слышала, то вам и сказала. А уж вы сами решайте, идти вам или нет».

Вперед выступил один из воинов и сказал: «Саматари — мои друзья. Когда я приду, они встретят меня с почетом. Тушауа Риокове и его брат Хайкиаве всегда меня принимают как дорогого гостя. Эта женщина лжет, она все придумала». «Да, я лгу и все выдумала,— с яростью ответила я.— Но когда в живот тебе вонзится стрела, ты подумаешь, если успеешь: «Да, эта лгунья говорила правду»». Воин усмехнулся: «Что ты сегодня неспокойная». «Да, неспокойная. Я вас предупредила, а вы говорите, что я все выдумала из страха». Тогда Рашаве сказал: «Я ей верю. Они уже не раз так делали. Вначале притворяются друзьями, а потом внезапно нападают. Но я пойду, чтобы никто не подумал: «Наш тушауа испугался». Приготовьтесь, скоро тронемся в путь». Это было в последний раз, когда я видела Рашаве.

Махекототери еще не ушли. Когда я собралась на реку, ко мне подошла старуха, мать Акаве, и спросила: «За водой идешь? Я пойду с тобой искупаюсь. И потом мне надо тебе кое-что сказать». По дороге она предложила: «Хочешь уйти вместе с нами? Недавно у нас побывали белые. Один из них подарил мне всякую одежду *. Ты сможешь с ним договориться и убежать». Я ответила: «Если хромой дядя моих детей согласится пойти, я тоже пойду. Позовите его!» Этот хромой старик был очень добр ко мне, и я не хотела идти без него. Воин махекототери подошел к Орисиве и сказал: «Мы зовем твоего хромого брата и его женщин к себе в гости. Мост через реку крепкий, по нему нетрудно будет пройти. А заодно вы посмеетесь над намоетери. Они нападут на ваше шапуно, а в нем пусто».

Ближе к вечеру я пошла на плантацию. Там никого не было. Я стала в ярости обрывать плоды пупунье и топтать их. Потом

---

* Речь идет о миссионере Баркере.— *Прим. авт.*

я попыталась сломать сами пальмы. Старым тупым топором мне удалось срубить семь молодых деревьев. Тут подскочил хромой старик и вырвал у меня из рук топор. «Это плохая примета, рубить пупунье,— сказал он.— Твои сыновья умрут раньше тебя. Оставь эти пальмы, чтобы потом, когда ты умрешь, сыновья собрали плоды и на реахо съели их вместе с пеплом и банановым мингау».

«Думаешь, я здесь умру? Нет, меня похоронят очень далеко отсюда, в моей родной земле». Старик повернулся и молча побрел к шапуно.

ПУТЬ К ОРИНОКО

В тот же вечер мы отправились на Эль-Патанал к махекототери. Три дня мы шли лесом, а на четвертый добрались до берега реки. Там был мост из стволов деревьев, обвязанных лианами. По нему мы перешли на другую сторону реки. Мужчина махекототери сказал: «Теперь уже близко. Мы пойдем первыми, чтобы предупредить тех, кто остался в шапуно». Они пошли вперед, а я с детьми, хромой старик с женами, матерью и сыновьями тихонько шли сзади: ведь хромому старику нелегко было одолевать пригорки и холмы.

Наконец, мы увидели плантацию махекототери. Там было полно бананов. Хромой старик сказал: «Надо покраситься!» Я раскрасила ноги, грудь и лицо. После смерти мужа я первый раз покрасилась. Потом мы вошли в шапуно махекототери. Я его не узнала, потому что индейцы перенесли его поближе к реке. Теперь река протекала совсем рядом, а позади шапуно высилась остроконечная скала. В шапуно было совсем немного мужчин — почти все ушли на охоту.

Спустя некоторое время в шапуно пришел Акаве, сын старухи, которая привела нас к махекототери. Мать сказала ему: сыновья собрали плоды и на реахо съели их вместе с пеплом и банановым мингау».

«Думаешь, я здесь умру? Нет, меня похоронят очень далеко отсюда, в моей родной земле». Старик повернулся и молча побрел к шапуно.

ПУТЬ К ОРИНОКО

В тот же вечер мы отправились на Эль-Патанал к махекототери. Три дня мы шли лесом, а на четвертый добрались до берега реки. Там был мост из стволов деревьев, обвязанных ли-

собирала в лесу плоды пальмы патауа, когда к ним...Мож...

четверо пишиаансетери. Среди них был и Махарашаве, брат Рашаве. Старуха сказала моему старшему сыну: «Иди, половишь с ними рыбу». Мальчик пошел на реку. Когда я услышала об этом, то очень забеспокоилась. Я сказала старухе: «Зачем ты послала моего сына с ними? Разве ты не знаешь, что пишиаансетери мне враги?» Старуха ответила: «Не бойся, они не сделают ему ничего плохого». В полдень сын вернулся. Он лег в гамак и заплакал. «Мама, эти люди хотели меня убить»,— всхлипывая, сказал он. «За что?» — «Когда мы ловили рыбу, брат Рашаве ударился о камень. Он рассердился и сказал другому пишиаансетери: «Приведи сюда этого мальчишку, я хочу отрубить ему голову». Я сильно испугался». Рассказывая про это, сын весь дрожал. «Ты не должен был идти с ними,— сказала я.— Разве ты не знаешь, что мы живем среди врагов, а твоего единственного защитника — отца у тебя больше нет». Подошла старуха и спросила: «Что случилось?» Я ответила: «Случилось, что твои добрые пишиаансетери хотели убить моего сына». «Меня спас Кохинаве,— продолжал сын.— Он сказал: «Мальчик не виноват в смерти твоего брата, и его нельзя убивать». Потом он шепнул мне: «Беги поскорее в шапуно и подожди меня в лесу. Я тебя догоню».

Я совсем испугалась. Мне рассказали, что пишиаансетери решили долго пробыть в шапуно махекототери. Вечером мы строем пошли на плантацию: я шла впереди, за мной — старуха, а сзади — мой старший сын. В пути мы снова встретились с несколькими пишиаансетери. Один из них сказал: «Вон сын Напаньумы. Давайте убьем его». Другой ответил: «Нет, он слишком мал. Дадим ему и младшему брату подрасти, тогда и убьем».

Сын все это услыхал, прибежал ко мне и рассказал. Тут уж я решилась и сказала: «Надо нам, сынок, поскорее убегать. Иначе пишиаансетери рано или поздно нас убьют». Мы сразу же вернулись в шапуно. Все мужчины были на охоте, в шапуно остался один, да и тот почти глухой. Я подумала: «Самый...

Он лег в гамак и заплакал. «Мама, эти люди хотели меня убить»,— всхлипывая, сказал он. «За что?» — «Когда мы ловили рыбу, брат Рашаве ударился о камень. Он рассердился и сказал другому пишиаансетери: «Приведи сюда этого мальчишку, я хочу отрубить ему голову». Я сильно испугался». Рассказывая про это, сын весь дрожал. «Ты не должен был идти с ними,— сказала я.— Разве ты не знаешь, что мы живем среди врагов, а твоего единственного защитника — отца у тебя больше нет». Подошла старуха и спросила: «Что случилось?»

Я ответила: «Случилось, что тропинки разветвлялись. Я внимательно

осмотрелась. На большой тропе были положены два сорванных листа — знак, что по ней мы идти не должны.

Я укоротила перевязь из коры, на которой несла младшего сына, и мы побежали дальше, теперь уже по маленькой, узкой тропинке. Потом я подумала: «Сегодня нас никто не станет преследовать. Пишиаансетери еще не вернулись в шапуно, а хозяева отправились на охоту». Мы спустились вниз по склону горы, перешли вброд мелководное игарапе. Ближе к ночи у подножия горы мы увидели старые тапири. Я подумала: «Должно быть, в этих тапири махекототери ночуют, когда идут в гости к кашибуетери». В одном из тапири я нашла заплесневелый гамак. Я его как следует выбила, отмыла, просушила. Потом уложила в него голодных, дрожавших от холода сыновей и легла сама.

Едва рассвело, я встала и разбудила сыновей. В тот день мы бежали почти не останавливаясь. Небо было обложено густыми облаками, и беспрерывно лил дождь. На тропинку то и дело падали подгнившие стволы деревьев, но страх гнал нас все дальше и дальше. Старуха сказала, что нам придется перебираться через большую реку. Вечером я увидела за бамбуковой рощей светлую полоску. Это была река. Мы подбежали к берегу. Вода сильно поднялась и уже залила мост из стволов деревьев. Лишь на другой стороне выступали из воды несколько столбов. Я подумала: «Господи, помоги. Если мы тут останемся надолго, пишиаансетери нас настигнут и убьют». Уже стемнело. Я усадила старшего сына на упавший ствол дерева, а он посадил к себе на колени братишку. Сказала им: «Ждите меня здесь, схожу поищу лианы». Течение в реке было очень быстрым, вода несла листья и белую пену. Возле берега резвились бото (речные дельфины). С одного из деревьев свисала длинная лиана. Я дернула ее что было сил. Наконец мне удалось ее оторвать. Потом я отыскала еще несколько лиан, связала их вместе, а потом привязала к большому дереву и обмотала всю «веревку» вокруг ствола. Вернулась к детям и сказала старшему: «Я должна переплыть реку. Смотри не обижай брата. Если он заплачет, я могу оглянуться, и меня унесет течением». Я немного прошла вверх по берегу, привязала другой конец лианы к запястью, взмолилась к богу о помощи и нырнула в воду. Сильное течение сносило меня вниз, но я плыла и плыла через реку, пока мне не удалось схватиться за уцелевший столб у противоположного берега. Передохнув немного, я из последних сил вынырнула из воды и уцепилась за ветку дерева. Наконец я выбралась на берег, крепко привязала лиану к стволу дерева и снова вошла в воду. И вдруг у самого берега

послышалось бульканье: «глу, глу, глу». В реке водилось много бото, а они очень добродушны и не нападают на человека. Но это был не бото. Однако выбора у меня не было. Держась за натянувшийся над рекой лиановый канат, я отправилась назад. Меня опутывали гнилые листья и ветки, да и с течением я еле справлялась. На середине реки я немного передохнула и с новыми силами двинулась дальше. Сыновья ревели в голос и звали меня. Не знаю уж, как мне удалось добраться до берега. Я еле держалась на ногах, но не могла терять драгоценное время. Старшему сыну я сказала: «Сейчас начнем перебираться на другой берег. Крепко держись обеими руками за лиану. Когда устанешь, обхвати меня за шею». Младшего я привязала лентой из коры к груди. «Не бойтесь»,— сказала я и вошла в воду. Я больше боялась преследовавших нас пишиаансетери, чем зверей и сильного течения.

На середине реки сын крикнул мне: «Мама, я устал, я больше не могу». Я остановилась и сказала ему: «Одной рукой обхвати меня за шею, а другой схватись за запястье». Теперь я несла сразу двух сыновей и свободной рукой цеплялась за лиановый канат. Младший громко плакал, потому что старший сын сильно прижал его. Я выбилась из сил и уже не могла двигаться дальше. «Мама, ты устала?» — спросил старший сын. «Да, очень,— сказала я.— И если ты не отпустишь мою руку, мы все пойдем на дно». Сын снова ухватился за лиану. Мы потихоньку двинулись дальше. Наконец мы приблизились к застрявшему у берега стволу дерева. «Ты легче меня,— сказала я сыну,— попробуй первым вскарабкаться на ствол». Помогая себе ногами, он взобрался на ствол и сразу протянул мне руки. С его помощью влезла на ствол и я. Отдышавшись немного, я сказала: «Мне нужно еще порвать лианы. Не то пишиаансетери тоже переберутся по ним через реку». Я оторвала кусок лианового каната и бросила его в воду.

Возле реки мы нашли старое тапири и переночевали в нем. Утром старший сын сказал мне: «Мама, я не могу идти дальше. Я устал и хочу есть». Я ответила: «Во всем виноват твой отец. Видно, ему очень хотелось, чтобы мы голодные и еле живые брели по лесу. Нам всем жилось так хорошо и спокойно, но он думал только о новых боях. А теперь мы расплачиваемся за его поступки».

Часов в одиннадцать я увидела вдали несколько тапири. Я подумала: «В них должны быть кашибуетери. Говорят, они всех, кого увидят, берут в плен». Но в тапири никого не было. Рядом я увидела свежие, вчерашние следы. Мы пошли дальше. Постепенно стемнело. Я не знала, куда идти дальше. Тут я

вспомнила, что старуха мне сказала: «Возле расчистки растет огромное дерево, а рядом проходит тропинка, ведущая к пунабуетери». Я отыскала огромное дерево (индейцы называют его вазимаки), плоды которого похожи на авокадо, только из них торчат волокна. Рядом и в самом деле была тропинка и на ней старые следы. Я сказала сыновьям: «Человек проходил здесь. Нам нужно держаться этой тропинки». Старший сын хотел лечь спать прямо посреди расчистки. Но я не разрешила, потому что увидела следы ягуара. Мы переночевали под деревом возле расчистки. Я устлала землю банановыми листьями и положила сверху ветки. Детей я уложила на листья, а сама села, прислонилась к стволу и почти сразу заснула.

Посреди ночи меня разбудили крики жаб: «дру, дру, дру». Вдруг рядом послышался шум и кто-то пронзительно свистнул. Я задрожала: «Верно, это пишиаансетери. Они перебрались через реку и нашли мои следы». Я разбудила старшего сына: «Кто-то свистнул рядом. Что нам теперь делать?» Свист повторился, потом послышался хруст, и возле меня с треском упало молоденькое банановое деревце. «Как думаешь, это люди?» «Нет, мама, это поре»,— сказал сын. «Думаешь, сынок, это поре?» — «Конечно, люди не бродят ночью одни в лесу». Младший сын тоже проснулся и в страхе прижался ко мне. Снова хрустнула ветка, потом все стихло.

Прошло немного времени, и я услышала всплеск воды и громкое пыхтение: «пуф, пуф, пуф». Жабы сразу умолкли. Это был ягуар. Он охотился в реке за жабами. Подул ветер и донес до меня характерный запах ягуара. Мы затаились. Ягуар покружил возле нас и ушел.

Утром я отправилась на то место, где упало банановое деревце. Я кралась осторожно, неслышно. Следов никаких не было, на земле не валялось ни одного упавшего деревца. Но я вернулась и сказала детям: «Слышали, как ночью сквозь кусты пробирался поре? Наверное, он шел впереди пишиаансетери. Надо скорее убегать отсюда». И мы снова побежали по тропинке.

Часа в три дня мы наткнулись на старое, заброшенное шапуно. Старший сын бежал впереди, я с младшим сыном на руках — чуть позади. Когда я выбежала на площадку перед шапуно, из-за куста выскочил воин и прицелился в меня из лука. Я закричала: «Не стреляй, мы спасаемся от врагов». Тут с разных сторон поднялись мужчины с луками и стрелами: «Кто ты такая?» И тут ко мне бросилась женщина. Она крикнула: «Это Напаньума! Не стреляйте, это Напаньума!» Женщину эту звали Арума. Она приходила в гости к намоетери и

видела меня там. Старший сын в страхе подбежал ко мне и ткнулся в колени. «Не пугайте малыша!» — крикнула Арума мужчинам.

Вперед вышла старуха — тетка Акаве. Она сказала: «Идем со мной. Мой племянник был другом твоего мужа, поэтому ты останешься со мной». Эта женщина была женой тушауа пунабуетери. Мы миновали банановое поле и наконец подошли к большому круглому шапуно с красивой площадкой и двумя выходами: один — к игарапе, другой — к плантации. Шапуно было защищено высокой изгородью. Это было шапуно пунабуетери. Они ждали нападения ихитери, своих злейших врагов.

ПУНАБУЕТЕРИ

Акаве жил с ними, но сейчас его не было в шапуно. Он сидел в засаде у одной из тропинок. Как только пунабуетери меня увидели, кто-то из них предупредил Акаве. К вечеру он вернулся, весь разрисованный черным уруку. Я стояла возле его тетки. Он подходил все ближе, держа в руке стрелы с бамбуковым наконечником. Акаве передали, что тетка сказала: «Она останется со мной. У моего племянника и так много жен. Зачем ему еще и Напаньума?» Вдруг Акаве вскинул лук и прицелился в меня. Женщина вскочила и закричала: «Почему ты хочешь ее убить? Что она тебе сделала?» Она схватилась за лук. «Да, я ее убью,— отвечал Акаве,— за то, что она не хочет остаться с тобой. Мать прислала ее для меня». «Зачем тебе еще одна жена, если ты и других вечно ругаешь и бьешь?» — сказала старуха.

Акаве ничего не ответил, взял меня за руку и повел к своему очагу. Мой старший сын пошел было за мной, но тушауа пунабуетери его удержал: «Твоя мать далеко не уйдет. А ты останешься со мной, будешь играть с моими сыновьями». Сын заплакал, хотел меня догнать, но его не пустили. Вместе с младшим сыном я перешла к очагу Акаве. В том же шапуно у него была еще одна жена, совсем еще девочка, которая жила со своей матерью. Дни я проводила у очага Акаве, а на ночь возвращалась к очагу его тетки.

В шапуно пунабуетери жили две женщины ихитери, ставшие женами двух здешних индейцев. Пунабуетери похитили их, и они боялись, что ихитери нападут на шапуно. Эти женщины говорили, что ихитери очень свирепые и храбрые воины, что они убивают всех, даже молодых женщин, чтобы потом их сыновья не могли отомстить. Однажды я отправилась на

плантацию и вдруг услышала крики возле шапуно. Кого-то из пунабуетери уже ранили в ногу. Я бросилась назад, крича: «Не стреляйте, я не пунабуетери, я Напаньума». Со всех сторон шапуно окружили мужчины, густо раскрашенные черным уруку, только глаза у них были светлые. В меня они стрелять не стали. Я влетела в шапуно и спряталась у стены. Я тихонько спросила: «Кто эти воины?» «Ихитери,— ответила мне одна из двух женщин ихитери.— Видела возле шапуно воина со светлыми волосами? Это мой брат».

Ихитери часа три-четыре осаждали шапуно. Один из них звал по имени пунабуетери, который похитил его невесту, и кричал: «Комошиве (название большой бабочки), ты увел мою невесту, но теперь тебе недолго осталось жить. Я тебя убью, непременно убью! Ты не дождешься от нее сыновей. Я до тех пор буду приходить к вашему шапуно, пока тебя не настигнет моя стрела». «Нет, тебе меня не убить»,— отвечал ему Комошиве. «Убью, наверняка убью. Потому что я ваитери, а ты трус».

Ихитери было много больше, чем пунабуетери, но прорваться в шапуно они не смогли. Покричали, постреляли из луков и вечером отправились назад. И тогда самые смелые из воинов пунабуетери бросились за ними в погоню. Но догнать врагов так и не сумели. Четыре дня спустя все воины, кроме Акаве, вернулись в шапуно. Все решили, что ихитери убили Акаве. Когда вдалеке гремел гром, старики говорили: «Слышите, как плачет гром. Это он жалеет мертвого Акаве». «Нет,— говорила я.— Он не умер, он жив и сейчас ест мясо убитых зверей».

Много дней спустя Акаве и в самом деле вернулся. Он рассказал, что подобрался к самому шапуно ихитери. Целый день он просидел в засаде у берега игарапе. Но искупаться в речке пришли одни только женщины. В них он стрелять не стал.

У Акаве было много жен. Но чтобы заполучить новых, он готов был даже на убийство. Еще до моего прихода иньеветери позвали Акаве, чтобы он напал вместе с ними на копариветери. Взамен они пообещали отдать ему в жены одну из девушек. Они напали на копариветери, когда те купались в реке, и многих из них убили. Акаве тоже убил одного копариветери. Потом он вместе с иньеветери пошел в поход на ватубаветери. Сами иньеветери жили в низине. Возле шапуно протекала река, вода в которой была красной, как кровь (инье). Отсюда и их название. Их тушауа был крепкий старик. Акаве долгое время жил с ним. Он взял себе в жены одну из иньеветери, но потом бросил ее. Родные женщины велели ему передать: «Ты обма-

нул нашу дочку. Мы тебе этого не простим». Но через некоторое время Акаве вернулся, и они помирились.

Чаще всего мы жили в шапуно пунабуетери. Однажды к нам в гости пришла мать Акаве. В тот раз Акаве, едва вошел в шапуно, стал кричать, кусать всех, кто стоял рядом. Подбежали мужчины и связали его. Одна старуха принялась окуривать его дымом, но Акаве рвался и кричал: «Я должен идти, должен идти, эти женщины ждут меня. Разве вы не видите, они стоят вон там и зовут меня. Вон там!» Старуха — мать Акаве схватила головешку, стала ею размахивать и кричать: «Уходите. Что вам надо от моего сына». Мы смотрели и никого не видели.

Тогда колдуны решили надышаться эпеной. Мне было страшно. Мать Акаве сказала мне, чтобы я держалась подальше от ее сына. Когда он вдруг приходит в бешенство, то может наделать много бед. А он кричал, дико вращая красными глазами: «Посмотрите, какие эти женщины красивые!» Мужчины связали его так сильно, что веревки вонзились в тело. Он ничего не ел, а только просил: «Мама, отвяжи меня. Мама, эти женщины хотят меня увести с собой». Старуха выбежала из шапуно и закричала в пустоту: «Почему вы мучаете моего сына? Вы иай (незамужние), вот и ищите себе мужа среди холостых. А мой сын женатый!» В шапуно днем и ночью вдыхали эпену и старались спугнуть духов — хозяек леса — амахини. Наконец, Акаве стало лучше. Ему уже больше не виделись эти женщины. На третий день он немного поел. За это время он стал худым и слабым.

Спустя некоторое время пунабуетери отправились на праздник к кашибуетери, в шапуно которых жил молодой мужчина, похитивший жену у хромого дяди Фузиве. Я осталась в шапуно, а тушауа пунабуетери пошел в гости и взял с собой моего старшего сына. Вернувшись, они рассказали мне, что пишиаансетери пришли к кашибуетери, чтобы забрать эту женщину.

Однажды в шапуно пришел брат Акаве, живший с махекототери. Он сказал: «Пишиаансетери собираются на реахо к саматари. Они сказали, что на обратном пути зайдут к вам и заберут двух сыновей Напаньумы». «Пусть берут»,— ответил Акаве. Но старый тушауа пунабуетери сказал: «Если хотят, пусть приходят, но детей я им не отдам. Раньше они грозились этих малышей убить, теперь вздумали их забрать. Кто знает, что у них на уме». Один из воинов тоже сказал: «Нет, детей мы им не позволим забрать. Иначе эти пишиаансетери подумают, что мы их боимся».

ВИТУКАЙЕТЕРИ

В один прекрасный день витукайетериньума, жена Акаве, сбежала с молодым мужчиной. Они попросили приюта у макиритаре. Их вождю женщина очень понравилась, и он взял ее себе. Молодой витукайетери стал возмущаться, требовать, чтобы ему отдали женщину. Три дня спустя тушауа вернул женщину, но велел влюбленным покинуть их шапуно. К другим племенам они идти не решались — знали, что у Акаве много друзей, и примерно через месяц вернулись в родное шапуно. Однажды Акаве сказал мне: «В шапуно куритатери живет совсем молоденькая девушка. Когда она подрастет, мать пообещала отдать ее мне в жены. Ее я возьму с великой охотой».

«Бери,— сказала я.— Потом она тоже сбежит от тебя». «Нет, она хорошая,— возразил Акаве.— Она еще совсем малышка, а уже ни с кем из мужчин не говорит. И ни к кому не подходит, кроме меня». «Разве ты не знаешь,— ответила я,— что те, кто девушками боятся всех и вся, женщинами никого не боятся?» «Нет, ты лжешь. Она хорошая девушка. Она меня любит»,— сердито воскликнул Акаве.

ИЗБИЕНИЕ ПИШИААНСЕТЕРИ

Однажды в наше шапуно пришла мать Акаве с сыном и несколькими мужчинами. Они рассказали: «Пишиаансетери отправились на реахо к саматари. А те вместе с хасубуетери напали на них». За несколько дней до того, как я с Акаве ушла из шапуно, на том берегу собралось много женщин, стариков и детей пишиаансетери. Они громко кричали: «Помогите нам перебраться. Помогите. Наших мужей и сыновей убили». Тогда люди обвязали лианами стволы деревьев и соорудили мост. По нему пишиаансетери перешли через реку. «Теперь ты можешь быть спокойна,— сказала мне мать Акаве.— Саматари и хасубуетери убили или ранили почти всех мужчин. Пишиаансетери долго будут помнить это реахо». Я сказала: «Я их предупреждала. Но они ответили, что саматари их друзья. Вот Риокове и встретил их по-дружески».

В полдень пришли двое пишиаансетери. Один из них приблизился к тушауа и стал нараспев объяснять: «Я пришел сюда не для ссоры. Я пришел узнать, могут ли мои люди войти в ваше шапуно. Они голодны, а кашибуетери не захотели нас принять и махекототери тоже не захотели. А вы что нам ответите?» Тушауа сказал: «Не знаю, я должен подумать. Завтра

дадим ответ». Эти двое попросили табаку, получили его и ушли. Спустя три дня пришли другие пишиаансетери, и среди них дядя Рашаве, который убеждал молодых воинов убить моих сыновей. Они уговорили тушауа и тот сказал: «Можете приходить и побыть у нас некоторое время». Пишиаансетери рассказали, что враги убили Рашаве, его брата Пакаве и многих других. Почти все мужчины были ранены, кто тяжело, кто легко. Саматари и хасубуетери безжалостно убивали мужчин, но женщин и детей не тронули. Я расплакалась, когда узнала, что убили Рашаве. Женщины сказали: «Почему ты плачешь? Ты должна радоваться! Ведь убили всех твоих врагов». «Они не были моими врагами. Это они считали меня своим врагом!» — ответила я. Двое пишиаансетери, которые убили мужа, были ранены, но остались живы.

Когда все уцелевшие пишиаансетери перебрались в шапуно пунабуетери, мне стало страшно. В одну из ночей Акаве остался ночевать у очага брата. Ко мне подошел старик — тушауа пунабуетери и сказал: «Возьми своего старшего сына. А то у моего очага собралось слишком много пишиаансетери». Когда он ушел, пишиаансетери, который убил моего мужа, слез с гамака, взял стрелы и стал вставлять отравленные наконечники. Он сказал жене: «Утром я убью Напаньуму и ее сыновей». Потом лег в гамак и уснул. Рашаве больше не было, и нас никто не стал бы защищать. Ночью я тихонько позвала детей. Наверху жерди, образовавшие стены шапуно, были крепко связаны лианами. Я зубами перекусила лианы, неимоверным усилием сумела раздвинуть две жерди и кое-как пролезла. Потом я вернулась, забрала детей, и мы поодиночке выбрались наружу. Наученная горьким опытом, я не забыла захватить головешку. Я посадила ребят около шапуно и сказала: «Подождите меня здесь. Я только свяжу жерди и вернусь». Едва я сделала несколько шагов, как младший захныкал: «Мама, мама». Я подбежала к нему: «Не кричи. В шапуно пришел человек, который убил вашего отца. Теперь он хочет убить и нас». Мальчик сразу умолк. Ночь мы провели в лесу. Наутро меня разыскал Акаве и сказал: «Не бойся. Скоро мы пойдем к куритатери».

Рахараветери, которые жили далеко от нас, пригласили Акаве и его родных на реахо. Только они вышли из шапуно, как послышался женский крик. Брат Акаве бросился в лес и исчез. Мы решили, что его убили враги, и сильно испугались. Его молодая жена целыми днями плакала. А недели через две он вернулся. Он рассказал, что кумареме [19] звала его, он откликнулся и шел на ее голос, пока не заблудился в лесу.

Он еле нашел дорогу обратно в шапуно. Но и тут кумареме не оставила его в покое. Утром он закричал: «Мама, эта женщина стоит напротив и смотрит на меня своими глазищами. Спугни ее». Никто, кроме брата Акаве, ничего не видел. «Там стоят одни корзины с пупунье»,— отвечала мать. «Нет, вон она. Напугай ее, ударь». Тогда женщины стали жечь перец и смолу, колдуны начали дуть на кумареме. Наконец, через несколько дней им удалось ее прогнать. Только после этого брату Акаве стало лучше.

ПЕЧАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ С АКАВЕ

Тем временем пишиаансетери отделились от пунабуетери, и мы с Акаве вернулись к их шапуно. Там у пунабуетери и родился мой третий сын. Акаве сказал: «Он белый, красивый. Хекура сказали мне, что его имя будет Хошивейве». (хошивей — так индейцы называют голубую лесную птичку).

Акаве все время думал о девочке из племени куритатери, которую ему обещали в жены. Случилось так, что, едва девочка подросла, она сбежала с юношей иньеветери. Влюбленная парочка укрылась в шапуно вакавакатери. Немного спустя родные девушки забрали ее, но юноша остался с вакавакатери. Акаве чуть не убил меня. Он кричал: «Она, молодая, сбежала, а ты, старуха, осталась. Это ты должна была убежать».

Ночью он надышался эпены и запел. Надышавшиеся эпены индейцы становятся как пьяные и все выбалтывают. Акаве пел: «Завтра утром я отрублю тебе голову, Напаньума. После бегства той девушки ты тоже для меня умерла. Если хочешь остаться в живых, уходи сегодня. Потому что завтра будет поздно». Я слушала как ни в чем не бывало. Но в душе у меня были гнев и страх. Рано утром Акаве стал краситься черным уруку. Ко мне подошла тетка Акаве и спросила, с чего вдруг он стал краситься черной краской. «Верно, это неспроста». Я ответила: «Он хочет меня убить». Когда он подошел ко мне, я схватила самого младшего сына, спавшего в гамаке, и бросилась бежать. Акаве хотел выстрелить в меня, но мужчины отняли у него стрелы. Он сказал: «Неважно, я могу убить ее и одним луком». И попытался проткнуть меня острым краем лука, но я увернулась. Мужчины накинулись на него и силой увели к очагу. С того дня он стал мне противен. Фузиве никогда не обращался со мной так жестоко. Пока я пряталась в лесу, мужчины отобрали у Акаве и лук. Издали я слышала, как они громко его ругали. Ближе к вечеру он вышел из шапу-

но и стал звать: «Напаньума, вернись. Мой сын голоден. Вернитесь, я вам ничего не сделаю». Но я не отвечала и думала про себя: «Глупец тот, кто сначала убегает, а потом отзывается». Поздно ночью, когда вокруг все смолкло, я вернулась в шапуно. Одна из собак залаяла, но потом узнала меня и завиляла хвостом. Когда я вошла, жена тушауа, хоть и было темно, сразу меня заметила. Она уложила меня в гамак и сказала: «Акаве совсем обезумел. Он ищет тебя, грозится убить». Я заплакала. Старая женщина сказала: «Огня зажигать не буду, тогда он тебя не увидит».

Несколько дней подряд утром я пряталась в лесу и возвращалась в шапуно лишь ночью. Однажды жена тушауа сказала мне: «По большой реке недавно проплыла лодка с белыми. Если она снова появится, беги к ним. Уж очень мне тебя жалко». Мой старший сын все повторял: «Когда я вырасту, то уйду к белым и заберу маму с собой».

Однажды утром Акаве вернулся с охоты, и я услышала, как он сказал жене тушауа: «Вы спрятали Напаньуму и моего сына. Мне сказали об этом мои хекура». Тут он заметил меня — я сидела на корточках у очага. Он ткнул меня ногой в плечо: «Убирайся отсюда, по твоей вине молодые девушки избегают меня. Если бы не ты, у меня было бы три, а то и четыре новых молодых жены. А так они видят тебя, старую, и пугаются». Я сказала: «Пусть приходят, я могу жить отдельно. У меня хватает забот с сыновьями». В ответ он сильно толкнул меня в спину, чтобы я упала. Но я удержалась на ногах, вскочила и бросилась бежать. Он догнал меня, схватил и стал валить. Падая, я успела обхватить его руками за шею. Он поскользнулся и тоже упал на землю. Я извернулась, и Акаве оказался подо мной. Я изо всех сил сдавила ему горло руками. Акаве закричал: «Отпусти меня, отпусти. Оттащите ее!» Но я еще крепче сжала ему горло. «Мать моего сына, не дави так. Ты меня убьешь!» — простонал он. Подошли мужчины. Они стояли, смотрели и одобрительно говорили: «Хорошо, так его, так!» Наконец подскочила его теща и оттащила меня. Акаве весь побагровел и дышал тяжело, с хрипом. Пошатываясь, побрел к гамаку: «Не знаю, чья она дочь. Кто мог родить такую змею!» «Ах, ты не знаешь, чья она дочь?! — отвечали ему мужчины.— Зато теперь ты знаешь, какая у нее сила в руках. Тебе еще мало досталось! За что ты ее ругаешь и бьешь?»

Другая жена Акаве, совсем еще юная пунабуетери, молча глядела на него. Теща пошла за водой и обмыла ему лицо. На другой день Акаве взял лук, стрелы, колчан с отравленными наконечниками: «Я ухожу к махекототери. Хочу посмотреть,

кто тебе будет без меня приносить дичь. У тебя хватило сил сдавить мне горло, должно их хватить и для того, чтобы поймать дикую свинью, сдавить ей горло и задушить. Попробуй, если сумеешь». «Почему я должна сдавить ей горло? — ответила я.— Ведь она не нападала на меня и не валила на землю. Зачем ты напал на меня?» «Когда я уйду, никто тебе и куска мяса не даст»,— не унимался Акаве. «А я и не стану ни у кого просить. И не буду стоять рядом, ожидая подачки. У меня есть дети, когда они подрастут, то пойдут на охоту и принесут мне убитых зверей».

Он сказал: «Ты не человек, у тебя сила, как у зверя!» «Может, я и не человек,— ответила я.— Но только я ягуара не испугаюсь, а ты человек, и потому ночью, услышав рев ягуара, чуть не умер со страху». С того раза он больше меня не бил. И вообще стал относиться получше.

В тот день он хотел взять с собой сына, но я не дала. Он ушел к махекототери один. Спустя три дня он вернулся веселый, обнял сына и сказал: «Я вернулся, сынок, потому что очень тебя люблю. Иначе бы я к твоей матери никогда не вернулся». Я ответила: «Кто-то говорил, что больше не вернется. Между тем этот человек вернулся посмотреть, где висит куйя с его пеплом». Когда кто-нибудь говорит, что уходит навсегда, это все равно как если бы он умер. А если потом он все же возвращается, то индейцы спрашивают у него, не пришел ли он посмотреть, где висит куйя с его пеплом.

Я отвернулась и продолжала варить ухину. Потом ко мне подошла двоюродная сестра Акаве и спросила: «Что ты ешь? Дай немного и моему брату». Я ответила: «Не могу, потому что он сразу станет старым, бедняжка. Я собирала плоды своими старыми руками, и если он их съест, то тоже вмиг состарится». Акаве засмеялся и сказал: «Эта женщина не знает даже, что, когда человек возвращается из дальнего пути, он голоден». Взял три плода и ушел.

Тут тетка Акаве сказала мне: «Не понимаю я вас, белых. Ты можешь хранить обиду день, два, три и даже больше. А мы, яноама, долго зла не держим. Муж утром побьет жену, а днем они уже мирно о чем-то беседуют. И жена уже не сердится на мужа». Она подошла поближе и тихо добавила: «Не сердись на него. Ведь он на тебя больше не сердится. Почему же ты его так плохо встретила?» «Потому что он относится ко мне не по-людски. А я тоже человек. Если бы знала куда уйти, давно бы ушла».

Однажды витукайетери, в шапуно которых мы вернулись, убили тапира и поделили мясо между всеми охотниками. Ака-

ве свой кусок мяса положил в корзину и сказал второй жене: «Прибереги его до моего возвращения. У меня нет другой жены, была бы, дал бы немного и ей». «Почему тебе не дать кусок матери твоего сына?» — сказала женщина. «Нет,— ответил Акаве.— Если ей захотелось отведать мясо тапира, пусть сама его убьет». Он не забыл, как я тогда схватила его за горло. Своего сына он очень любил, но к моему другому сыну, Карионе, относился плохо. Поев, он бросил Карионе кость. Я вскочила: «Мой сын не собака. У него нет отца, поэтому ты над ним измываешься, да? Тебе приятно будет, если с твоим сыном, когда ты умрешь, поступят так же?» И хоть мой сын был голоден, добавила: «Отойди подальше, сынок».

В это время у моего самого младшего сына, сына Акаве, начался сильный понос. Уходя с другой женой на плантацию, он сказал мне: «Не уходи никуда, жди, пока я вернусь». Я ничего не ответила. Но только он скрылся в лесу, я отвязала гамак, положила его в корзину вместе с пряжей, вторую корзину дала Карионе, и мы пошли к выходу. Я решила сбежать к шипариветери. Там жила сестра Акаве, которая всегда меня защищала. Шапуно шипариветери было далеко от шапуно витукайетери, но если уж я что задумала, меня ничто не могло остановить. У выхода нам повстречалась теща Акаве. Она поняла, что мы хотим сбежать, схватила Кариону за локоть и сказала: «Не уходи, твой отчим будет недоволен». Сын стал вырываться, плакать. Тут подошел шурин Акаве и сказал: «Отпустите их с миром. Он слишком часто их ругает. Разве вы не видели, как он бросил мальчику кость». Он был добрым человеком, шурин Акаве. И нам дали уйти.

После двух дней пути мы добрались до шапуно шипариветери. Малыш не хотел брать грудь. Ночью в лесу было холодно, все два дня мы голодали, и теперь малышу стало совсем плохо. Лечить его собрались четыре самых лучших знахаря, тушауа шаваракариве, муж сестры Акаве, Хехетаве и еще один, имени которого я уже не помню. Они надышались эпены, а сестра Акаве уложила малыша в гамак. Подходил первый знахарь и начинал отсасывать болезнь из груди, второй — из горла, третий — из живота, четвертый — из головы. Они объясняли мне, что главная болезнь сидит в голове малыша, потому что она очень горячая. Когда они кончили петь свои песни, шаваракариве сказал: «Теперь он поправится. Мы отсосали болезнь из груди и головы, теперь и он начнет сосать молоко». Сестра Акаве заплакала. Он сказал: «Не плачь, малыш не умрет. Когда он вырастет, то превратится в белого. Потом придут белые, и он уйдет с ними. Мы навсегда останем-

ся без одежды. А он будет хозяином одежды. Так что ты не плачь».

От усталости я задремала. Поздно вечером меня разбудила сестра Акаве. Она принесла мне ребенка и сказала: «Хекура велели тебе передать, что отец уже идет за сыном. Он скоро будет здесь».

Потом мне рассказали, что, когда Акаве вернулся с плантации и увидел, что очаг потух и рядом никого нет, он заплакал. Мать второй жены прислала ему банановое мингау, но он не стал его есть и даже к мясу тапира не притронулся. Вечером он решил отправиться за нами. Когда он пришел в шапуно шипариветери и увидел, что сын чуть дышит, он сказал мне: «Если мой сын умрет, тебе не сносить головы. Он умирает потому, что за ним пришли хекура твоего белого отца». Я ответила: «Я не виновата. Нет у меня никаких хекура. Были бы у меня хекура, я бы их послала ослепить тебя». Сестра сказала Акаве: «Ты только и думаешь, как бы ее убить! Мы можем умереть от укуса змеи из-за гнева хекура, но муж не должен убивать свою жену!» Малыш с закрытыми глазами лежал у меня на руках, сжав маленький ротик.

В полночь он открыл глаза, посмотрел вокруг, приподнял голову и потянулся ко мне. Потом он заснул и проспал до самого утра. Старые колдуны вылечили его. Колдун, вождь шипариветери, весь день просидел возле малыша. Он сказал, что вражеские хекура могут вернуться, похитить душу малыша и тогда он умрет. «А теперь,— запел он,— я спрячу душу малышки в шкуру ягуара». Он встал на четвереньки, высунул язык, оскалил зубы и зарычал, точно настоящий ягуар.

Спустя некоторое время мы вернулись к куритатери. Мой старший сын Марамаве остался жить с тушауа пунабуетери. Однажды, когда я была одна в шапуно, пришел тушауа витукайатери с другими мужчинами. Он велел мне отдать Кариону, моего второго сына. Я не хотела, кричала, плакала, но все-таки они увели Кариону с собой. Когда вернулся Акаве, он сказал: «Пусть твой сын пока побудет у витукайатери. Когда он подрастет, я его у них отниму». Куритатери сказали, что они помогут Акаве отобрать моего сына. Потом они не раз бывали в гостях у витукайатери, но сына так и не забрали.

ПЕРВЫЕ БЕЛЫЕ

Я все время думала, как бы мне убежать. Первый раз я увидела белых на земле махекототери, когда отправилась с Акаве навестить его мать. Мы сидели в шапуно, как вдруг с

реки донесся шум мотора. Индейцы закричали: «Напе, напе!» (белые, белые). Я побежала к берегу. Белых было трое. Мне так и не удалось поговорить с ними.

Позже мы снова пришли в гости к махекототери. Однажды Акаве сказал мне: «У реки поселились белые». Они жили в красивом домике на берегу реки. Я подошла к одному из белых, высокому, стройному мужчине, и спросила, где мы находимся*. Он ответил: «В Венесуэле». Тогда я сказала: «Я жила с отцом, индейцы его ранили, а меня похитили». Я попыталась написать свое имя. Я хотела попросить его помочь мне бежать, но в этот момент подошел Акаве. Он сердито спросил: «О чем вы тут говорите. Бежать задумала?» Он был очень подозрительным и вечно следил за мной.

Спустя много времени мы поселились у витукайатери. Их шапуно стояло возле большой реки. Однажды утром, часов так в восемь, я услышала крики: «Пей хав, напене хав!» (белые). И увидела, что к нам идет человек в соломенной шляпе, а чуть позади — другой. В руках у них были ружья. Акаве взял стрелы и тихо сказал: «Что им нужно, этим белым? Хотят, чтобы я их убил?» Я ответила: «Тебе лишь бы кого-нибудь убить. Вместо того чтобы попросить мачете, ты хочешь их убить. Что они тебе плохого сделали?» «Нет, я их убью»,— повторил Акаве. Тогда я сказала: «Думаешь белого так легко убить? У них есть ружья, и они тебя самого убьют, глупец». Он испугался. Тогда тушауа витукайатери сказал: «Стрелы оставьте в шапуно, чтобы белые не рассердились». Все пошли навстречу гостям без стрел и луков.

Потом я узнала, что человек в широкополой шляпе был венесуэлец и звали его Систо. Я хотела подойти к белым, но вокруг толпились индейцы, и я не смогла. Индейцы принесли гостям связки бананов. Систо есть их не стал, а сказал: «Отнесите их в мою лодку». Я еще кое-что помнила по-испански и перевела его слова. Когда индейцы отнесли в лодку корзины, полные бананов, Систо стал раздавать мачете. Но он дал мачете не всем из тех, кто принес связки бананов. Потом они сели в лодку и уплыли. Индейцы, которым не достались мачете, очень рассердились. Один из них сказал: «Если они вернутся, я их убью». Те, кто получил мачете, не соглашались. Но потом все договорились в следующий раз этих белых убить.

Спустя примерно месяц эти двое белых вернулись. Теперь они уже знали дорогу и сами пошли к шапуно. Помнится, в

---

* Речь идет о немецком исследователе Черрисе, участнике экспедиции «Фробениуса».— *Прим. авт.*

тот день я лежала в гамаке. Меня укусила змея, и вся правая нога вздулась. Систо вошел в шапуно, увидел меня и спросил, что со мной случилось. Я объяснила. Он сказал: «У меня есть лекарство от укусов змеи». Тем временем мужчины собрались на главной площадке шапуно. Они задумали убить белых. Но раскрасили тело не черным уруку, а коричневым. Я увидела, что они подошли к Систо и его другу, держа в руках луки и стрелы. Один из них показал Систо на гнезда муравьев, живущих на деревьях. Они же сами объяснили белым, что хотят посмотреть, как те стреляют. Товарищ Систо решил, что они шутят. Он вскинул ружье и стал показывать, как охотиться на зверей. Но индейцы повторяли: «бум, бум, бум», уговаривая его и Систо выстрелить. Они знали, что белые убивают зверей и людей из ружей.

Наконец Систо прицелился в муравейник и хотел выстрелить, но я на ломаном испанском языке сказала ему: «Не стреляй, не стреляй! Когда вы истратите все патроны, индейцы вас убьют». Мужчины повторяли: «Шори, бум, бум». Но Систо понял меня и стрелять не стал. Он и товарищ встали рядом и направили ружья на витукайатери. «Уходите,— сказала я им.— И по дороге все время оборачивайтесь, потому что они могут напасть на вас сзади». Уже стемнело, но двое белых не уходили. Я спросила: «Что же вы ждете?» «Я тут неподалеку заметил большое дерево, из которого можно выдолбить лодку,— ответил Систо.— А такое дерево найти нелегко». Тогда я сказала: «Ночью не ложитесь спать, иначе индейцы вас убьют. Они очень злы на вас за то, что вы бананы в подарок приняли, а мачете дали не всем. Ружей из рук не выпускайте. Они боятся ружей. А если они подкрадутся к вам близко, то убьют вас из луков». В ту ночь двое белых просидели под деревом, не выпуская из рук ружей. Рано утром они раздали много мачете и уплыли на своей моторной лодке.

Потом в шапуно мужчины в шутку говорили женщинам: «Что же вы не погуляли с Систо. Тогда бы у нас был белый сын». Женщины начинали сердиться. Мужчины их успокаивали: «Не ругайтесь, мы же пошутили». Один из мужчин сказал стоявшей рядом женщине: «Почему ты не хочешь пойти с ним в лес? Приятно иметь курчавого сына». Женщина ответила: «Пошли лучше свою жену». Неправда, будто индейцы предлагают своих жен гостям. Разве что в шутку, как в тот раз. И неверно, будто беременные женщины, чтобы их дети родились более сильными, спят с другими мужчинами. Ни в одном из племен, в которых мне довелось жить, такого обычая нет.

Я снова ждала ребенка. Однажды Акаве убил крокодила. Вернувшись, он сказал мне: «Сходи за водой». Я взяла куйю и пошла на реку. Уже стемнело. Я шла по тропинке впереди, а за мной еще несколько женщин. Вдруг я наступила на что-то холодное. И в тот же миг огромная змея обвилась вокруг моего тела. Змея укусила меня в ногу, разжалась и кольцом упала на землю. Я побежала к шапуно. Змея, высоко вскинув голову, поползла за мной. Я бежала из последних сил, но змея все же догнала меня и снова укусила в ногу. С тех пор у меня на правой ноге остались два больших шрама. Я отчаянно вскрикнула. Женщины бежали сзади и тоже кричали: из двух ран сочилась темная кровь. Я вбежала в шапуно. «Во всем ты виноват! — крикнула я Акаве.— Послал меня за водой в темноте!»

В первый момент я не почувствовала боли, но потом раны стали болеть все сильнее. Подошел старик и сказал: «Разотри раны табачными листьями». Одна из женщин выжала из листьев сок и растерла им раненую ногу. Вначале боль немного поутихла, но потом стала просто нестерпимой. Я плакала, и женщины, глядя на меня, тоже плакали.

Индейцы говорят, что после укуса змеи нога может навсегда скрючиться. Поэтому я все время лежала в гамаке с вытянутой ногой, туго забинтованной куском полотна. Из ран все время сочилась желтая водица. Тогда индейцы сожгли муравьиное гнездо и растертой золой посыпали мне обе раны. Постепенно они зажили, но остались два больших шрама.

Если индейцев укусит большой муравей токандира или другое ядовитое насекомое, они туго перевязывают лианами или полотном место повыше укуса, чтобы яд не прошел дальше.

ГИБЕЛЬ РИОКОВЕ И ЕГО СЫНА

Я еще не оправилась после укуса змеи, когда в шапуно пришло несколько пишиаансетери. Они отозвали Акаве в сторонку и сказали ему: «Ты ваитери, тебя все боятся. Ты убил вайка, сражался с шириана, теперь помоги и нам. Мы покажем тебе путь к шапуно саматари, а ты отомстишь за нас. Если ты убьешь кого-нибудь из саматари, мы отдадим тебе в жены одну из наших женщин». Я лежала в гамаке и слушала. Акаве сказал мне: «Я пойду. А ты меня не жди. Я останусь с пишиаансетери». «Оставайся,— ответила я.— Бери себе в жены молодую пишиаансетери и живи с ней. Для тебя я старая. Ну что ж, можешь уходить к молодой». Потом я сказала пишиаансетери:

«Подыщите ему жену покрасивее и помоложе». Они ответили: «Мы ему сразу двух жен дадим, молодых и красивых. Вот тогда ты заплачешь с горя». «Нет, я не стану плакать из-за мужчины,— ответила я.— Я умею готовить, рубить деревья, собирать плоды, я и одна проживу».

Акаве молча взял гамак, стрелы, отравленные наконечники и ушел с этими пишиаансетери.

Потом он сам мне рассказал, как убил Риокове, вождя саматари. Когда они подобрались к их шапуно, то увидели, что Риокове вместе с женой, тещей и детьми купался в реке. Малыши ныряли в воду, плескались и громко пели: «Шамариве токо токое» (тапир, когда плюхается в воду, кричит: «токо токое»). Акаве подполз поближе, прицелился и спустил тетиву. Стрела попала Риокове в грудь. Он вскрикнул, хотел выскочить на берег, но тут же упал головой в воду. Жена с криком бросилась к шапуно. Акаве попытался ее догнать, но не смог.

Пишиаансетери еще раньше пытались отомстить саматари, но не смогли. Тогда они позвали Акаве, и он убил храброго тушауа саматари. После этого пишиаансетери сказали Акаве, что могут дать ему в жены одну девушку, но она еще совсем юная. Ее отец, низкорослый индеец с большим шрамом на лбу, велел передать Акаве: «Моя дочь еще слишком молода. Когда придет время, я скажу. А пока пусть носит мне и моей жене убитых зверей». Акаве охотился полгода-год, большую часть добычи отдавал будущим тестю и теще, но время никак не наступало. Наконец ему надоело ждать, и он вернулся ко мне.

ПОСЛЕДНИЙ ПОБЕГ

Когда Акаве вернулся, я жила у его сестры в шапуно куритатери. К тому времени у меня уже родился четвертый сын. Я все твердила, что убегу к белым. Однажды по реке приплыл к нам белый по имени Балаки. Когда потом родился сын, индейцы шутили, что он очень похож на этого Балаки. Так за моим четвертым сыном и осталось имя Балаки.

Примерно месяц спустя Акаве спросил у меня: «Ну что, сбежим к белым?» Я удивилась: «Ты хочешь бежать к белым, с чего вдруг?!» «Да, хочу, слишком многие хотят меня убить». После того как он убил Риокове, он боялся мести саматари. Да и с пишиаансетери он поссорился. «Они меня обманули»,— говорил он. Я сказала: «Если ты возьмешь всех моих сыновей, я убегу. Я не могу их оставить. Ведь потом, когда куритатери узнают про наш побег, они их убьют». «Тогда убежим вместе

с детьми»,— ответил Акаве. Он очень испугался и был согласен на все.

Вечером он сказал нескольким куритатери: «Хочу забрать сына Напаньумы у старика — тушауа пунабуетери. Он уже большой, сам умеет охотиться и сумеет помочь матери. Пойдете со мной?» «Конечно»,— ответили мужчины куритатери. Тогда Акаве закричал: «Пей хав! Мы все пойдем отнимать сына Напаньумы!»

Я страшно обрадовалась, но виду не подала. Своих двух малышей я оставила на одну старуху, а сама вместе с мужчинами и другими женщинами отправилась к пунабуетери. Когда мы подошли к их шапуно, мужчины раскрасились черным уруку. Потом сказали нам: «Вы, женщины, понесете луки и стрелы. Мы войдем в шапуно с одними палицами. А если пунабуетери схватятся за луки, тогда и вы не медлите».

Я несла лук и стрелы Акаве. Мы шли быстро и на рассвете добрались до их шапуно. Первым вошел Акаве, за ним — другие мужчины и последними — мы, женщины. Акаве подбежал к гамаку, в котором лежал мой сын, схватил его за руку и поволок за собой. Я ждала их в центре шапуно. Акаве сказал мне и другим женщинам: «Скорее бегите отсюда. А мы, мужчины, останемся, чтобы сразиться с пунабуетери».

Тем временем пунабуетери похватали свои палицы, и началась схватка. Сильный удар рассек Акаве голову. Палица содрала кожу, и потом рана долго не заживала. Многие мужчины пунабуетери и куритатери были ранены, но не смертельно. Наконец тушауа пунабуетери, добрый и мудрый старик, сказал: «Хватит. Если мы и дальше будем драться на палицах, то все руки переломаем. И тогда, если нападут враги, мы даже не сможем выстрелить в них из лука. Куритатери, мы не хотим сражаться с вами насмерть! У нас и так немало врагов». Наши мужчины спокойно вышли из шапуно и догнали нас, когда мы были уже далеко. Акаве сказал: «Вы, женщины, идите дальше, нам лучше остаться здесь. Пунабуетери непременно нападут на нас с луками и стрелами». И верно, вскоре появились вооруженные пунабуетери. Потом куритатери мне рассказали, что Акаве схватил лук, вставил стрелу, выскочил на тропинку и крикнул: «Кто ищет смерти, пусть подходит. Кто хочет жить, пусть возвращается к себе в шапуно». Пунабуетери постояли немного и потом повернули назад. Больше они нас не преследовали. Когда все вернулись в шапуно, многие из мужчин подходили ко мне и говорили: «По твоей вине мне сломали руку», «Это из-за тебя мне разбили голову». Я отвечала: «Так вы же привыкли сражаться». Спустя несколько дней к

нам пришло несколько пунабуетери. Они сказали: «Нам нужно помириться. Ихитери говорят: «Мы давно уже ранили одного пунабуетери, а до сих пор ни одна стрела не влетела в наше шапуно». Куритатери, помогите нам одолеть ихитери. Ведь они и ваши враги». Акаве сказал другим мужчинам: «Вы идите, а я потом сам, один нападу на ихитери».

Почти все мужчины куритатери отправились в поход на ихитери. В шапуно остались лишь тушауа и несколько стариков и юношей. Вечером Акаве позвал моего сына и сказал ему: «Из-за тебя мне пробили голову. Ты должен мне помочь. Сходи к жене старого тушауа и скажи ей: «Акаве хочет взять в жены твою дочь». Я буду ждать ее у очага». Вначале сын не хотел идти, потом согласился. Мать девушки велела передать Акаве: «Я не отдам дочь человеку, у которого и так много жен. Я отдам ее за холостого мужчину из другого рода». Мой сын все так Акаве и передал. Акаве страшно разгневался: «Все, все до одного против меня. Давай сегодня же убежим к напе». «Хорошо,— сказала я,— но я хочу забрать и второго сына». «Забирай,— ответил Акаве,— только я к витукайатери не пойду». «Я сама заберу Кариону из их шапуно». «И у тебя хватит на это храбрости?» — спросил Акаве. «Да, я умею незаметно проникать в шапуно. А ты пока что собери все и жди». «Нет, женщина не сможет пробраться в шапуно,— подумав, сказал Акаве.— Там колючки в три ряда, а потом высокая ограда».

Я тут же отправилась в путь. Шла, не останавливаясь, всю ночь, миновала расчистку, углубилась в лес, снова пересекла расчистку и наконец добралась до игарапе. Я вся взмокла и решила искупаться. Немного передохнув, двинулась дальше. Когда я подошла к шапуно, неподалеку залаяла собака. Я трижды прочитала Патер Ностер и Аве Мария и стала бесшумно подкрадываться к изгороди. И тут я наткнулась на первый ряд колючек. Я отыскала большую палку и потихоньку проделала ею проход. Прошла еще несколько шагов, и снова путь мне преградили колючки. Но теперь я уже знала, что мне делать. И третий ряд колючек я одолела, пустив в ход палку. Наконец я подобралась к самой изгороди. Я подумала: «Подниму всего два шеста, я маленькая — пролезу». Шесты были высокие, но легкие. Я их осторожно подняла, раздвинула немного, легла ничком и проползла внутрь шапуно. Ночь была темная. У костра сидело несколько мужчин — варили обезьяну. Один из мужчин спросил у другого: «Ну как суп — вкусный?» «Немного горек из-за мяса. Женщины плохо его помыли». В противоположной части шапуно все спали. Я попыталась разглядеть, где спит мой сын. Вдруг, когда я проходила мимо, под-

нялась большая собака и глухо зарычала. Я тут же сунула ей под язык лист пишиаанси и крепко сжала зубы. Индейцы говорят, что так можно успокоить злую собаку. Собака и в самом деле снова улеглась на землю и задремала. Наконец я отыскала сына. Его гамак висел прямо под гамаком сына тушауа, а сам тушауа спал рядом. Я подула сыну в лицо. Он сразу проснулся. «Вставай, только тихонько». Он показал рукой на маленький лук и стрелы, которые были воткнуты в крышу прямо над головой старого тушауа. Я осторожно вынула их, отвязала гамак сына. Никто не проснулся, и мы незаметно выскользнули из шапуно. Я снова проложила палкой проход через колючки и сказала сыну: «А теперь бежим». Мальчику уже было лет десять. Он бежал рядом, не отставая.

Вернулись мы уже утром. Акаве ждал нас, но старшего сына в шапуно не было. Я ничего ему не сказала, и он ушел на охоту. Ждать его больше мы уже не могли. Сестра Акаве сказала мне: «Он еще с двумя юношами ушел на охоту». «Когда вернется, скажи ему, что я ушла к большой реке». «Значит, ты и в самом деле решила бежать?» — спросила эта добрая женщина. Потом сказала: «Иди, может, там тебе будет лучше». Она смотрела на меня и плакала. Я собрала уруку, мои куйи и корзины и отдала их сестре Акаве. С собой я взяла лишь маленькую корзину, которую она мне подарила.

Мы незаметно выскользнули из шапуно, но шли мы не по тропинке, а лесом. Я несла на руках двух младших сыновей, Кариона шел рядом. Он то и дело натыкался на колючки и жалобно вскрикивал. Акаве нес горящие головешки. Потом он взял своего старшего и посадил себе на плечи. Мы проходили мимо табачной плантации. Акаве сказал: «Хочу нарвать листьев». «Не надо,— ответила я.— Там, куда мы с тобой идем, табаку тьма-тьмущая. Кто убегает, не должен останавливаться». Полил дождь. Мы добрались до большой реки. Кариона сказал: «Мама, я приходил сюда с другими мальчишками ловить рыбу. Где-то тут должна быть лодка. Ниже по течению реки живут иньеветери». Акаве сказал: «Пойдем поищем эту лодку». Скоро они вернулись, лодки они так и не нашли.

Внезапно затрещали сучья. Я обернулась. Ко мне бежал старший сын Марамаве: «Мама, витукайатери гонятся за нами. Я слышал их крик». Едва они обнаружили, что я увела сына, сразу же примчались к куритатери и потом вместе бросились за нами в погоню. Сын заплакал: «Они хотели меня убить. Почему вы убежали, не дождавшись меня? Старый тушауа куритатери сказал мне: «Беги, беги скорее к своей матери. Тогда хоть умрешь не один, а вместе с братьями и с отчимом. Не хочу,

чтобы тебя убили в шапуно. Пусть тебя убьют и сожгут вдали отсюда. Тогда зловонный дым не долетит до нас!»»

Услышав про лодку, старший сын сказал: «Я знаю, где она». Он побежал вдоль берега, потом нырнул в воду. Лодка лежала на дне вместе с четырьмя веслами, прикрытая ветками, и была привязана лианами к коряге. Сын отвязал лодку и поднял. Вылил из лодки воду, и мы все попрыгали в нее. Акаве не умел грести и остался сидеть с детьми на носу. Я села на корму и взялась за весло. Два старших сына жили в шапуно у большой реки и тоже умели грести. Мы быстро плыли вниз по течению. Вскоре лодка заскользила у берега по чистой воде, и наконец мы увидели впереди широченную реку с почти прозрачной водой. Это была река Ориноко. Потом мы добрались до земли иньеветери. Мы выбрались на берег, но в тапири никого не было. Мы пошли дальше и набрели на расчистку. Рядом стояло несколько тапири, в которых оставались лишь женщины и один старик. Он показал нам, где можно повесить гамаки, и спросил, от кого и куда мы убегаем. Акаве тут же придумал историю, будто он поссорился со своими родичами из-за женщин. А про бегство ни слово. Я тихо сказала: «Если хочешь оставаться, оставайся. Можешь взять своих двух сыновей. Моих я тебе не отдам». Одна из женщин сказала нам: «Все мужчины ушли на реахо. Тут проплывал белый с женой. Он показал на пальцах — через сколько дней вернется». «Когда это было?» — спросила я. Женщина загнула шесть пальцев. «Наверное, он вернется завтра»,— сказала она. «Как его зовут?» — «Эдуардо». Наступила ночь. Я подошла к знакомой женщине и сказала ей: «Открою тебе секрет, но только никому об этом не говори. Мы бежим к белым». «Я тебе помогу»,— сказала женщина.

Утром старик сказал моим старшим сыновьям: «Тут неподалеку растут пальмы патауа, на них садится много попугаев арара. Сходите поохотьтесь на них». У старшего брата уже был свой настоящий лук. Он взял с собой Кариону, сына старика и отправился в лес. А чуть позже пришел старик — тушауа пунабуетери, который вырастил моего старшего сына и очень его любил. Я увидела старика еще издали и сразу же побежала к знакомой женщине. Я сказала ей: «Беги по тропе. Когда увидишь, что старший сын возвращается, задержи его — сюда пришел старик пунабуетери». Я знала, что мой старший сын тоже очень любил старика, и не хотела, чтобы они встретились. Женщина перехватила моих сыновей на тропе. Они отдали ей двух убитых попугаев и вернулись в лес еще поохотиться.

Поговорив со старым иньеветери, тушауа подошел к нам. «Мы приплыли сюда вчера»,— сказал Акаве. «Знаю,— ответил тушауа.— И пришел сказать вам, чтобы вы не возвращались к куритатери, они в великом гневе. Тебя они назвали животным, а Напаньуму обманщицей. Я пытался вас защищать, но они чуть не избили меня. Витукайатери, у которых твоя жена украла ночью сына, хотят убить вас отравленными стрелами. Они гнались за вами не с палицами, а с луками и стрелами. Не бойтесь, я пришел не за мальчиком. Где он, мой саматари!» (иногда он называл моего сына саматари, иногда — намоетери). «Ловит рыбу с другими мальчишками»,— ответил Акаве. «Бедный мальчуган. Вы ведь не убежите с ним, не правда ли?» «Нет,— сказал Акаве,— к белым я не убегу, потому, что боюсь болезней. А куритатери и витукайатери стали мне врагами. Я останусь здесь». Старик все понял и беззвучно заплакал — он очень любил моего сына. Мне больно было смотреть на старого тушауа. Я повернулась к нему спиной и тоже заплакала. Немного спустя старый тушауа сказал: «Я ухожу, берегите мальчика и других сыновей. Оставайтесь здесь. Может, когда-нибудь мой намоетери и придет ко мне в гости». Когда старик тушауа ушел, Акаве сказал: «Мне жалко было смотреть на этого старика. Его борода совсем побелела».

Ближе к ночи вдали послышался шум мотора. «Эдуардо, это Эдуардо!» — закричали мужчины иньеветери. Они к этому времени вернулись из лесу. Эдуардо зашел в тапири взять людей, которые помогли бы ему связать лианами срубленные им кедры. Трое иньеветери пошли помочь ему сделать плот. На следующий день они вернулись. Впереди плыл плот, а за ним — моторная лодка. Я взяла на руки двух младших сыновей и побежала к берегу. Я была совсем голая, но мне не было стыдно. Я подумала: «Если буду стыдиться белого, никогда отсюда не выберусь. А когда куритатери и витукайатери узнают, где мы прячемся, они нагрянут и убьют нас».

Жена белого, которого звали Хуан Эдуардо, вылезла из лодки. Я сказала ей по-испански: «Скажите, куда вы плывете?» «В Сан-Фернандо».— «Я хочу вам что-то сказать». Мне было очень трудно говорить, но я немного помнила язык, на котором в детстве разговаривал со мной отец. Мужчина спросил: «Кто ты такая?» «Я дочь Карлоса Валеро». Тут Хуан Эдуардо спрыгнул на берег: «Ты дочь Карлоса Валеро?» «Да, меня еще девочкой похитили индейцы. Где я теперь нахожусь?» «Ты даже не знаешь, где находишься?! — воскликнул Эдуардо.— Ты в Венесуэле, на Верхней Ориноко». Тогда я спросила: «А вы не можете отвезти меня в Сан-Фернандо?»

«Конечно, могу. Карлос Валеро мой друг, у него в Сан-Фернандо дом. Он там живет».

Хуан Эдуардо протянул мне куйю с маниокой. Но мне не хотелось есть, мне не терпелось уплыть отсюда. Жена Хуана Эдуардо достала одно из своих платьев и протянула мне. Я схватила детей, усадила их в лодку, потом села сама. Подбежал Акаве. Я сказала ему: «Оставайся, если хочешь, возьми двух своих детей. Тут у тебя есть родные и друзья. А у меня и у двух моих сыновей здесь нет никого». Я не могла простить Акаве все зло, которое он мне причинил. «Нет, я поеду с вами»,— сказал Акаве. Он очень боялся мести соплеменников.

Мы все сели в моторную лодку. Хуан Эдуардо велел индейцу макиритаре заводить мотор. Когда эта моторная лодка быстро уносила меня все дальше от берега, сердце мое стучало радостно и громко. Я уже видела себя в материнском доме.

ПЛОХОЙ МИР БЕЛЫХ

Спустя три дня мы приплыли в Тама-Тама, а оттуда добрались до владения Хуана Эдуардо, у которого было два своих дома. Потом Хуан Эдуардо сам отправился в Сан-Фернандо-де-Атабапо и рассказал миссионерам мою историю. Сразу же прибыла моторная лодка миссионеров. Я мучилась животом, и меня отправили в больницу. Монахини дали нам одежду. Когда мне стало получше, меня отвезли к двум миссионерам и доктору. Они задали мне множество вопросов, но я тогда ничего не смогла им рассказать, потому что почти забыла испанский.

Я вернулась в дом Хуана Эдуардо. Однажды к берегу пристала моторная лодка. В ней сидел мой брат Анисио, работавший на антималярийной станции. Ему сказали: «Анисио, тут твоя сестра». «Как ее зовут?»,— спросил он. «Елена».— «Я ее не знаю, завтра вернусь, тогда поговорим». Наутро он снова приплыл на моторной лодке с несколькими друзьями. Эдуардо позвал меня. Мне было ужасно стыдно. Эдуардо сказал брату: «Это твоя сестра. Я нашел ее в лесу. Решай сам, что делать — сразу забрать ее или вызвать отца». Анисио ответил: «Я не могу ее забрать, мне нужно работать. Сегодня же пошлю телеграмму». Он спросил меня имя отца, матери, братьев. Я ответила: «Моего отца зовут Карлос, мать — Клеменсия да Сильва, одного из моих братьев зовут Луис Валеро, другого — Анисио, сестру — Анна Тереза». Он все записал, потом сказал: «Точно, ты моя сестра. Отец с матерью недавно уехали отсюда. Власти

узнали, что мы не венесуэльцы, и отправили их в бразильский город Манаус за документами». Мой отец потерял все документы, когда однажды перевернулась лодка, у матери их вообще никогда не было. Как видно, без документов у белых жить нельзя. Анисио отнесся к нам неплохо. Он купил четыре куска материи для меня и дал Акаве одежду.

Мои родители получили телеграмму на пути в Манаус. Вернулся отец через пятнадцать дней, так что встретились мы не сразу. Мой брат Луис написал из Манауса, что не советует нам приезжать. И вообще мне незачем было возвращаться. Я должна была остаться в лесу с индейцами. Я разрыдалась от горя и ярости. Когда мы наконец встретились, Акаве сказал моему отцу, попросив меня перевести: «Возьми этого мальчика, вырасти его, потом, когда ты станешь совсем старым, он будет тебе другом. Я не хочу, чтобы он голодал и мучился, потому что очень его люблю». Он взял на руки своего старшего сына, которого теперь зовут Карлинхос, и протянул моему отцу. «Я, верно, вернусь к своим,— продолжал он.— Твой отец должен растить моего сына, никому другому его не отдавай».

На время я осталась у монахинь. Однажды пришло письмо из Манауса. Братья писали, что мать все время плачет — хочет меня видеть. Я попросила написать, что если она в самом деле хочет меня видеть, пусть приезжает сюда, в Тапурукуара. Я к братьям не поеду. Но сестра-монахиня сказала мне: «Мать есть мать». К тому времени Акаве вернулся к индейцам кохорошиветари, и я отправилась в Манаус. Когда я увидела братьев, то выложила им все, что думала: «Я не по своей воле попала к индейцам. Они меня похитили, а потом мне никак не удавалось бежать. А мои дети чем виноваты? Хорошо же вы меня встретили!» Я заплакала. Братья стали оправдываться, что написали так, потому что были злы на индейцев. Особенно Луис.

«Он бежал вместе со мной (я говорила об Акаве) и помог мне. Без него я бы так и осталась в лесу. Вы куда хуже, чем он». Когда я теперь вспоминаю об этом, Луис начинает злиться. Но как я могу это забыть! Ведь я с такой радостью ждала встречи с родными, а они причинили мне столько горя. Я долгое время пробыла у миссионеров в Тапурукуара. Но однажды пришли индейцы с реки Марауйа и сказали, что Акаве хочет забрать своих сыновей. Тогда я перебралась в Манаус. Брат сидел без работы. Чтобы мне было на что жить, я нанялась в прислуги. Инспектор по делам индейцев вызвал меня и сказал, что мои дети будут учиться на государственный счет. Но он солгал — просто ему хотелось услышать мою историю. Власти

мне много всего пообещали, но так ничего и не сделали. Если бы я не нашла работу, мои дети умерли бы с голоду. Лишь монахини время от времени давали мне молока, немного риса и маниоки. Однажды к нам в дом пришел журналист. Он хотел, чтобы я рассказала свою историю. Брат сказал: «Сестре не больно-то приятно рассказывать о своих мучениях. Вы напишете, а она и гроша не получит. Это несправедливо». Журналист быстро ушел. Потом газеты рассказали обо мне тьму всяких небылиц и глупостей.

Например, они написали, что правительство нам поможет, даст нам отдельный дом, мои дети смогут учиться бесплатно. Все это было сплошным враньем. Однажды ко мне пришла важная сеньора и сказала: «Ты поедешь в губернаторский дворец». Я ответила, что не умею говорить. Но за мной все равно приехали и отвезли во дворец. Губернатор и два его помощника сидели за длинным столом. Женщина, которая меня привезла, спросила у губернатора, не поможет ли он определить моих детей в церковную школу. Он ответил, что ничем не может помочь, и сказал: «Мы никому не в состоянии помогать». И добавил: «А ты поищи работу. Детей окрести и постарайся отдать в школу». «Ну, а если не найду работу?» — спросила я. «Если не найдешь, возвращайся с детьми в лес». Так прямо и сказал. От гнева я расплакалась. Когда мы вышли, я сказала сеньоре: «Я не хотела идти. Зачем ты меня привела? Чтобы поглумиться надо мной?» «Я прочитала в газетах, что власти хотят тебе помочь. Поэтому и привела»,— растерянно ответила эта женщина.

Потом я пошла к священникам, но они ответили, что не могут принять детей в свою школу, потому что они совсем неразвитые. Может, миссионеры в Тапурукуара и приняли бы моих детей. Но туда часто приходили индейцы с реки Кауабури, и потому я боялась их там оставить.

Тогда я отправилась к баптистам; меня встретил американец с женой. Его жена сказала, что возьмет меня к себе в услужение. «А завтра окрестим твоих детей»,— добавила она. Утром они окрестили моего старшего сына Марамаве, дали ему имя Хозе и взяли в свою церковную школу. Купили ему форму, ботинки, тетради, карандаши. Я работала у американки, и она давала мне немного денег, которых хватало лишь на то, чтобы купить мыло, маниоковую муку, малость рису и сахару.

Как я с детьми мучилась в то время! В иные дни мы вообще голодали. Хозе после школы бежал на рынок — помочь грузчикам отнести какой-нибудь ящик, а те давали ему за это две-три рыбы. Этого должно было хватить на день для всей

моей многочисленной семьи. Брат никак не мог найти работу. Иногда одна добрая женщина присылала нам немного мяса и зелени. Единственные, кто нам хоть как-то помогал, были баптисты. Госпожа, у которой я работала, дала мне старое платье, гамак для моей матери и еще шесть тарелок, дюжину стаканов, несколько ножей и вилок. Ну и кое-какая мелочь мне от нее перепадала. Но на эти гроши мне никак не удавалось прокормить Хозе и двух младших сыновей. Кариона, его окрестили Мануэлем, остался с моей сестрой в Венесуэле.

Потом Карлинхоса мне удалось устроить в детский сад. Там его наконец стали учить грамоте. Одежду ему купила одна добрая монахиня. А Мануэль, бедняжка, только теперь начал учиться грамоте. Один солдат, знакомый моей сестры, взялся научить его читать и писать... Года два спустя я съездила в церковную школу Доминго-Савио и там встретилась со священником Шнейдером. На другое воскресенье отец Шнейдер приехал к нам в дом. Он поинтересовался, учатся ли мои дети, помогает ли им правительство. Я ответила, что никто нам не помог. Он сказал: «Здешние священники, если простой человек с ними поздоровается, даже не ответят. Они большие гордецы, эти священники. Но когда они с богатыми людьми говорят, то становятся очень любезными. Лишь с бедняками они не церемонятся». Потом он стал меня расспрашивать про язык индейцев. Я как умела рассказала ему все, что знала. В конце он спросил, не хочу ли я помогать ему по дому. Я ответила: «Я работаю у одной женщины, поговорите с ней».

Я ездила к нему убираться четыре раза. Он был щедрым, дал мне четыре конто.

Отец Шнейдер мне по-настоящему помог. Немного спустя я получила письмо из церковной школы Доминго-Савио. Я поехала туда. Пожилой священник спросил меня, в какую церковную школу я хочу определить своих детей. Я сказала: «Лучше всего в Таракуа. Там я училась, там приняла первое причастие. Я хочу, чтобы и мои дети начали там учиться». Он ответил: «Хорошо» — и дал мне письмо к сестре-директрисе. Сестра-директриса прочитала письмо и сказала: «Собирайся, я отправлю тебя с одним из бразильских военных самолетов, который летит в Таракуа».

И вот теперь, спасибо отцу Шнейдеру, мой сын Мануэль учится в церковной школе. Недавно он мне сказал: «Мама, когда мы переедем в Манаус, если я найду работу, то буду готовить уроки по ночам». Карлинхос и Джованни еще маленькие. Не знаю, смогут ли они учиться и дальше.

Я думала, что у белых все по-другому.

КОММЕНТАРИИ

[1] Цивилизованные *(civilizados)* — так в Бразилии называют всех неиндейцев, когда хотят противопоставить их индейцам. Фактически «цивилизованные» по своему культурному уровню нередко ниже индейцев или мало чем отличаются от них.

[2] Роса (порт.) — расчищенный от леса и обработанный для посева участок земли.

[3] Игарапе — узкая естественная протока, рукав реки.

[4] Паже (порт.) — колдун.

[5] Бейжу — лепешка из маниоковой муки.

[6] Куйя — сосуд из оболочки какого-либо плода.

[7] Тукано — наиболее распространенный индейский язык в бассейне реки Ваупес.

[8] Лингуа жераль — дословно «общий язык». Это язык, возникший в эпоху колонизации Бразилии португальцами на основе индейских языков тупи — гуарани и заимствований из португальского. Среди бразильцев бассейна Риу-Негру этот язык до недавних пор был более распространен, чем португальский.

[9] Котиа или кутиа *(Dasyprocta aguti L.)* — небольшое животное из отряда грызунов.

[10] Малока — большая хижина, в которой живут до двухсот индейцев. Каждое селение индейцев бассейна реки Риу-Негру состоит из одной малоки.

[11] Пупунье — плоды пальмы пупунье *(Guilielma speciosa Mart.)*.

[12] Эпена — вызывающий галлюцинации нюхательный порошок, изготовляемый из коры, листьев и побегов разных растений, особенно из коры дерева якоана сем. *Myristicaceae Virola genus*.

[13] Хекура (от «хе» — верх) — духи — хозяева животных и растений, представлявшиеся яноама в виде живущих в горах гигантов.

[14] Тушауа — вождь, старейшина.

[15] Поре — дух — хозяин луны, которая представляется яноама в виде большой круглой малоки, куда уходят души людей после их смерти.

[16] Муму — растение со съедобными плодами *(Lecythis sp.)*.

[17] Ниже описывается обряд инициации девушек. Сходные обряды распространены почти у всех народов, живущих первобытнообщинным строем, и знаменуют переход девочки в новое состояние взрослой женщины — жены и матери.

[18] Балата — свернувшийся млечный сок дерева *Mimusops balata*. По

свойствам близка к гуттаперче. Иногда балатой называют и само дерево Добыча балаты в довольно широких размерах ведется на севере Бразилии различными капиталистическими компаниями

[19] Кара *(Dioscorea amazonica Griseb.)* — клубни этого растения употребляются индейцами в пищу.

[20] Эмбауба — дерево *(Cecropia palmata Wild.)*.

[21] Туоно или Гиару — мифическое существо.

[22] Мутум *(crax sp.)* — птица из отряда куриных.

[23] У многих индейских племен как Южной, так и Северной Америки существует или существовал обычай, согласно которому мужчина должен отдавать часть своей охотничьей добычи родителям жены.

[24] Каждое индейское племя в Амазонии имеет свой специфический узор раскраски тела. Таким образом, по тому, как раскрашен человек, можно определить, к какому племени он (она) принадлежит, а нередко и многое другое, например девушка ли это или замужняя женщина и т. п.

[25] Это один из обрядов, которым отмечается посвящение девушки в женщину.

[26] Из вышеследующего описания не вполне ясно, какой характер имела эта попытка изнасилования. Дело в том, что у некоторых отсталых народов, например ряда австралийских племен, посвящение девушки в женщину сопровождается ее ритуальной дефлорацией несколькими мужчинами. Большинство исследователей считают этот обычай пережитком группового брака.

С другой стороны, у некоторых индейских племен Амазонии, например каража, незамужняя женщина-пленница, принадлежащая к чужому племени, считается «законной добычей» любого мужчины или группы мужчин. Как мы уже сказали, трудно определить, какой из этих двух обычаев действовал в данном случае.

[27] Патауа — пальма *(Oenocarpus bataua Mart.)*.

[28] Обычай обращаться друг к другу не по имени, а с терминами родства широко распространен у племен, живущих первобытнообщинным строем, так как отношения по родству являются основой их общества. При этом личное имя человека употребляется мало и даже скрывается от чужих, так как первобытные народы верят, что, зная имя человека, можно, пользуясь магическими приемами, наслать на него болезнь и даже смерть.

[29] Мачете — большой нож.

[30] Авокадо — аллигаторова груша *Persea americana* — вечнозеленое плодовое дерево, дающее съедобные плоды.

[31] Бурити — пальма *Maurilia vinifera Mart.* Имеет съедобные плоды.

[32] Здесь описывается так называемая кувада — обычай, широко распространенный у индейцев Южной Америки. Согласно ему, муж рожениицы симулирует роды или по меньшей мере соблюдает после родов жены различные пищевые запреты. По наиболее общепринятому мнению, обычай кувады возник в период перехода от материнского к отцовскому роду и

служит, чтобы обосновать принадлежность ребенка не к роду матери, а к роду отца. Именно для этого мужчина делает вид, что это он рожает, а не его жена.

[33] Пара — бразильский орех *Bertolletia excelsa.*

[34] Амахини — духи леса.

[35] Хасубуриньюма — дух жабы.

[36] Бакабе — пальма *Oenocarpus bacaba Mart.*

[37] Подобное представление имеет реальную основу. Стремясь уничтожить индейцев, колонизаторы нередко оставляли — а случается и теперь оставляют — в лесу одежду людей, умерших от заразных болезней. Подбирая ее, индейцы заражаются и умирают. Отсюда, вероятно, и возникло представление, что, снимая одежду, белые оставляют в ней свои болезни

[38] По обычаю многих индейских племен Америки, юноша, решивший жениться, должен отдавать часть своей охотничьей добычи родным своей невесты и помогать им в сельскохозяйственных работах. Это так называемая отработка за жену, своеобразная плата за то, что родичи женщины лишаются ее как работницы, когда она выйдет замуж и переселится к мужу.

[39] Кумарсме — один из лесных духов, являющийся людям в образе женщины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие — *5*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — *11*

На Рио-Димити — *12*
Плениица кохорошиветари — *14*
Нападение караветари — *18*
Плениицы и ревнивые жены — *23*
Жизнь среди караветари — *28*
Воинственные саматари — *35*
Воины-уиукай — *41*
Кураре — *47*
Ученик колдуна — *51*
Ягуар — *54*
Зрелость. Большая жаба — *59*
Отравленная стрела — *67*
Лес без конца — *71*
Намоетери — *78*
Насилие — *85*
Фузиве, глава намоетери — *87*
Фузиве и Рашаве — *92*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — *95*

Жена Фузиве — *96*
Уступленная жена — *104*
Эпена — *106*
Амахини — лесные духи — *111*
Марамаве — *113*
Животные — любимцы — *118*
Нападение яноама — *119*
Костер и старухи — *125*
Махекототери получают приглашение — *128*
Горящие головешки — *130*
Кариона — *133*
Козни пишиаансетери — *137*
Токома и гнев Фузиве — *143*
Месть Фузиве — *146*
Смерть Фузиве — *154*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ — *161*

Стойкость яноама — *162*
Бегство вдов — *163*
Риокове, новый вождь саматари — *171*
Путь к Ориноко — *175*
Пунабуетери — *180*
Витукайетери — *183*
Избиение пишиаансетери — *183*
Печальная жизнь с Акаве — *185*
Первые белые — *189*
Гибель Риокове и его сына — *192*
Последний побег — *193*
Плохой мир белых — *199*

Комментарии — *203*

Биокка Э.

Б 63 Яноама. Пер. с итал. Отв. ред. и автор предисл. и коммент. Л. А. Файнберг. М., «Мысль», 1972.

206 с.; 12 л. ил. (Путешествия. Приключения. Поиск).

Это повесть о судьбе белой женщины, случайно попавшей в среду южноамериканских индейцев яноама. Она прожила среди них двадцать лет. Записанный итальянским ученым — участником экспедиции в глубинные районы Венесуэлы и Бразилии, рассказ этой женщины был положен в основу предлагаемой книги, вызвавшей большой интерес в мире ученых.

2-8-1 902.7

170—72

Этторе Бикка

ЯНОАМА

Редактор
Д. Н. Костинский

Художественный редактор
М. Н. Сергеева

Младший редактор
Н. В. Малиновская

Технический редактор
В. Н. Кориилова

Оформление художника
В. А. Белана

Корректор
Л. М. Чигина

Сдано в набор 29 марта 1972 г. Подписано в печать 21 августа 1972 г Формат бумаги 60×84¹/₁₆. № 2 Усл. печатных листов 13,49 (с вкл.). Учетно-издательских листов 14.18 (с вкл.) Тираж 90 000 экз Заказ № 2941. Цена 98 коп

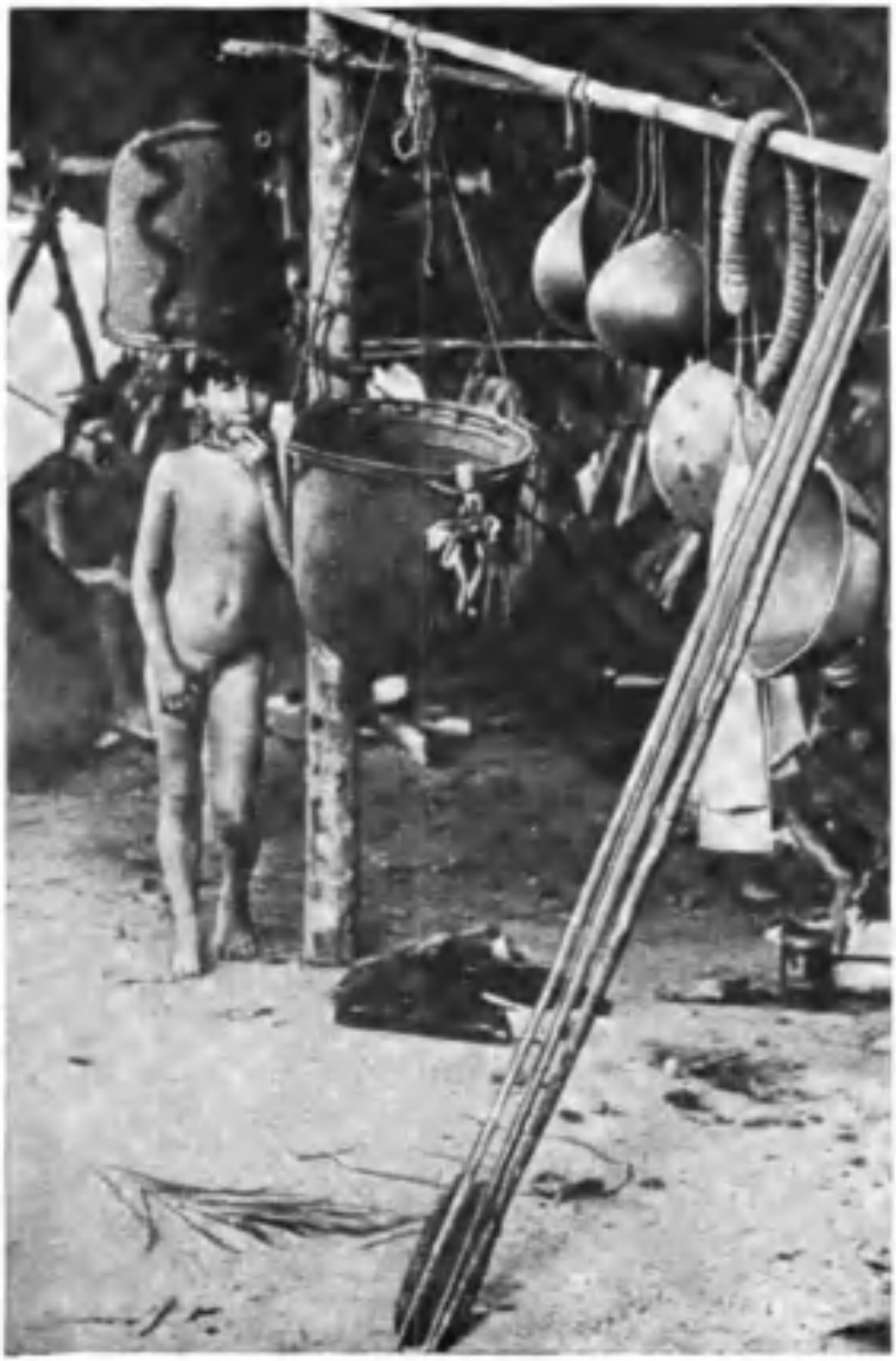
Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Танец шамана
племени кохорошиветари

Пока мужчины охотятся,
их жены отдыхают
Молодая женщина
из племени витукапетери

Скоро ли дадут поесть?

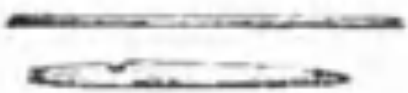


Приятно утолить жажду.

Теперь плодов пупуньe
хватит надолго

Плетение гамака

Добывание огня



Лакомятся муравьями

Индеец, жующий табак (Верхнее Ориноко)

На реахо

Приготовление эпены

Вдувают в нос эпену

Молодые женщины махекототери
следят за поединком

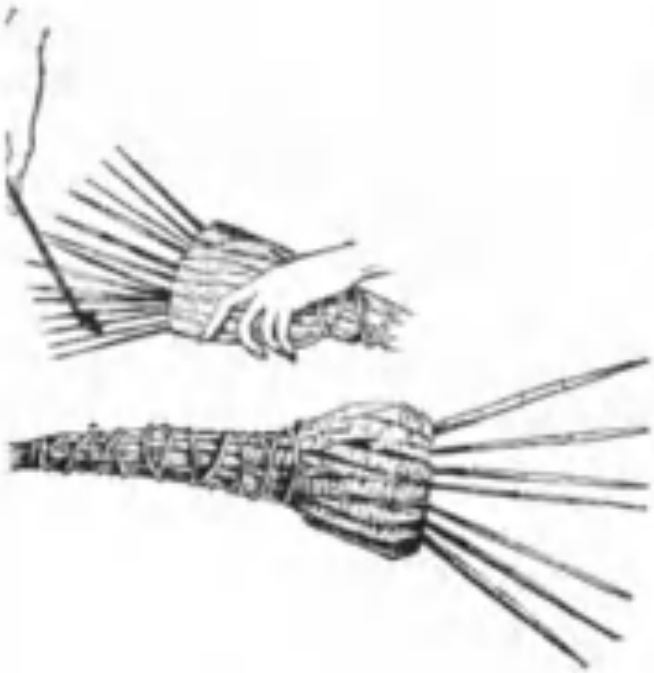
Племя пиринаансетерн в походе

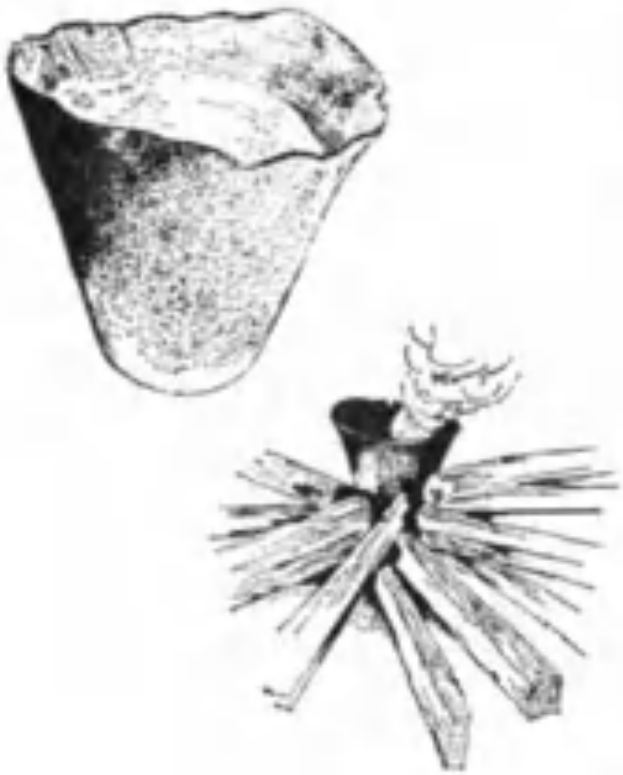
Отдых на берегу реки

Юноши яньеветери
приготовились к танцу

Танец в самом разгаре

Индеец обмазывает стрелы ядом





В таких сосудах из глины индейцы яноама варят пищу

Жена раненного в поединке воина витукайетери первой пришла к нему на помощь

Этот черный траурный знак
на лице женщины нанесен пеплом

Тело умершего воина иньеветери,
подвешенное к деревьям

Церемония съедания пепла, смешанного с растертыми бананами, в шапуно племени витукаиетери

Молодая женщина
из племени иньеветери

Девочки иньеветери
приготовились к празднику

Ритуальный танец

Молодой воин махекототери

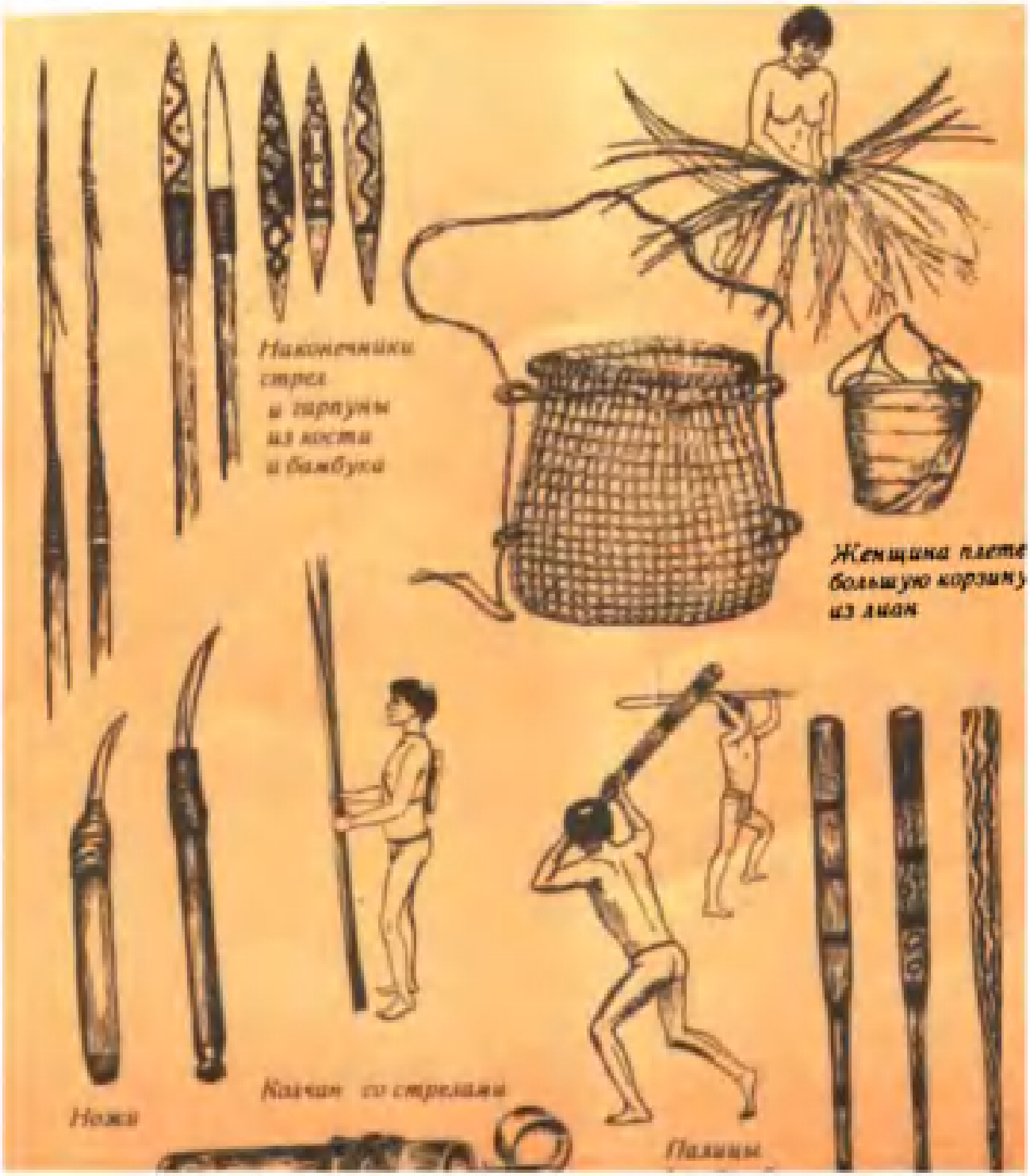
В таких шапуно живут яноама

Теперь лицо разукрашено как надо

Охота была удачной — трофей — оцелот

Приготовление яда кураре

Ритуальный похоронный танец воинов племени кохорошиветари


Наконечники стрел и гарпуны из кости и бамбука
Женщина плете большую корзину из лиан
Ножи
Капкан со стрелами
Палицы